

Леонид Петрович Крысин

**Слово в современных текстах
и словарях: Очерки о русской
лексике и лексикографии**

От автора

Процессы, происходящие в современном русском языке, многообразны. Это и заимствование иноязычных слов (иногда – неумеренное), и вторжение разговорной стихии в публичные формы речи, и вовлечение в литературное словоупотребление – как устное, так и письменное – лексики из социальных и профессиональных жаргонов. Эти явления требуют, во-первых, лингвистического анализа и, во-вторых, нормативной оценки. Кроме того, не очень прост вопрос о том, как должны отражаться новые явления в словарях, особенно тех, которые имеют статус нормативных.

Некоторые из этих проблем рассматриваются в предлагаемой книге. Она представляет собой собрание очерков, объединенных по тематическому принципу.

Первая часть книги – это очерки об иноязычных заимствованиях, их свойствах, их взаимоотношениях с исконной русской (или ранее заимствованной) лексикой, их «поведении» в языке, о способах и формах описания иноязычных слов и специальных терминов в современных толковых словарях.

Вторая часть книги содержит статьи, посвященные литературной норме – ее природе, соотношению ее, с одной стороны, с системными возможностями языка, а с другой – с узусом, речевой практикой. Идет речь здесь и о типичных отклонениях от нормы и своего рода «точках роста» среди таких отклонений, то есть явлениях, в которых просматриваются не просто ошибки, а зарождение определенных тенденций развития на том или ином участке литературного языка. Весьма показательна в этом отношении языковая игра, при которой происходит сознательное нарушение нормы и мобилизация всех средств, имеющихся в языковой системе, в том числе и «не одобряемых» нормативными регламентациями (некоторые виды языковой игры рассматриваются в очерке, завершающем этот раздел).

В третьей части книги помещены краткие заметки о словах – об истории их появления в нашем языке, особенностях их формы и значения, сферах употребления, нормативном статусе.

«Свое» и «чужое» в современной русской лексике

Читаю газеты

Читаю газеты:

Участники **саммита** пришли к **консенсусу..;**

В **бутиках** – большой выбор одежды **прет-а-порте...**

То и дело мелькают: **имидж** политика, большой **бизнес, киллеры, путаны, наркокурьеры...**

Слушаю радио:

– *Вот что рассказал нашему корреспонденту автор нового **римейка;***

– *В США прошли **праймериз,** показавшие значительный **дисбаланс в рейтинге** кандидатов...*

Диктор телевидения сообщает:

– *Первые **транши** были переведены в **офшорные** зоны;*

– ***Пресс-секретарь премьер-министра информировал** собравшихся о **перспективах** в сфере **инвестиционной** политики государства;*

– ***Дилеры прогнозируют** дальнейшее падение котировок этих **акций...***

Что за напасть? Почему такое обилие иноязычных слов в наших средствах массовой информации – на страницах газет, в радио- и телеэфире? В последние два десятилетия поток иноязычных, главным образом английских, заимствований усилился, и один из известных русистов назвал его даже не потоком, а потопом [Костомаров 1993]. Общественность не на шутку обеспокоена обилием американизмов в нашей речи, и кое-кто считает, что это угрожает самобытности русского языка.

Попробуем разобраться в том, насколько «законны» многие новейшие заимствования, нельзя ли найти им соответствующие русские замены. Да и сам процесс иноязычного влияния на наш язык – насколько он естественен и необходим, не перешел ли он в последние годы разумных границ? Или, может быть, сетования на засорение нашего словаря «чужаками» преувеличены?

Для развития почти каждого языка процесс заимствования слов из других языков вполне естественен и обычен. Тем не менее, и к самому этому процессу, и в особенности к его результатам – иноязычным словам – носители языка часто относятся с изрядной долей подозрительности: зачем что-то брать у других – разве нельзя обойтись средствами родного языка?

Иноязычное слово нередко ассоциируется с чем-то идеологически или духовно чуждым, даже враждебным, как это было, например, в середине прошлого века, когда в пылу борьбы с «низкопоклонством перед Западом» велено было писать и говорить вместо *бульдозер* – *тракторный отвал*, вместо *грейдер* – *струг*, игру футбольных команд стали называть не *матчем*, а *встречей*, радиопередачи об этих встречах надо было называть не *репортажами*, а *рассказами*, и т. д. Илья Эренбург в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь» отметил, что даже сыр *камамбер* был в это время переименован в сыр *закусочный* (подробнее об этом см. [Крысин 1968: 138-141]).

Бывают в истории общества и другие времена, когда преобладает более терпимое отношение к внешним влияниям и, в частности, к заимствованию новых иноязычных слов. Таким временем можно считать конец XX – начало нынешнего столетия, когда возникли известные политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и к широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики.

У всех на слуху разнообразные экономические и финансовые термины типа *бартер*, *брокер*, *ваучер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *инвестиция*, *маркетинг*, *монетаризм*, *фьючерсные кредиты!* и т. п. Многие из них заимствованы давно, но были в ходу преимущественно среди специалистов. Однако по мере того, как явления, обозначаемые этими терминами, становились остро актуальными для всего общества, узкоспециальная терминология выходила за пределы профессиональной среды и начинала употребляться в прессе, в радио- и телепередачах, в публичной речи политиков и бизнесменов.

Многочисленны термины, относящиеся к компьютерной технике – само слово *компьютер*, а также *дисплей*, *файл*, *интерфейс*, *принтер* и мн. др., – иноязычные названия видов спорта (новых или по-новому именуемых): *виндсёрфинг*, *скейтборд*, *армрестлинг*, *кикбоксинг*, *фристайл* и др. Англицизмы пробивают брешу и в старых системах наименований: так, добавочное время при игре в футбол или в хоккей всё чаще именуется *овертайм*, игра «на вылет», на выбывание из соревнований одной из двух команд – *плей-офф*, и даже традиционное боец в кикбоксинге заменяется англицизмом *файтер*.

И в менее специализированных областях человеческой деятельности происходит активное заимствование новой и расширение сферы употребления ранее заимствованной иноязычной лексики. Достаточно напомнить такие широко используемые сейчас слова, как *имидж*, *презентация*, *номинация*, *спонсор*, *видео*, *шоу* (и их производные: *видеоклип*, *видеотехника*, *видеокассета*, *видеосалон*; *шоу-бизнес*, *ток-шоу*, *шоумен*), *триллер*, *хит*, *дискотека*, *диск-жокей* и множество других.

Так что же – надо оправдать употребление всех этих заимствований, признать их вполне «законными»? При ответе на этот вопрос необходим учет ряда обстоятельств, имеющих лингвистическую и социальную природу.

Семантическое и функциональное разграничение иноязычного и исконного слов, синонимичных или близких по смыслу, – одна из причин укоренения заимствования в языке.

В самом деле, не протестуем же мы против употребления слов *паника*, *комфорт*, *рентабельный*, а ведь они некогда были синонимами слов *страх*, *уют*, *доходныш*. По мере укрепления этих иноязычных слов в русском языке у них сформировались дополнительные – по сравнению с их русскими лексическими параллелями – смысловые компоненты: *паника* – это не просто страх, а «крайний, неудержимый страх, сразу охватывающий человека или многих людей», *комфорт* – «условия жизни, пребывания, обстановка, обеспечивающие удобство, спокойствие и

уют», *рентабельный* – «оправдывающий расходы, не убыточный, доходный»^[1].

Сходное размежевание «чужого» и «своего» происходит и при освоении новых заимствований. *Имидж* в буквальном переводе с английского означает 'образ', но в современном русском языке это слово имеет более сложный смысл: «представление (часто целенаправленно создаваемое) о чем-нибудь внутреннем и внешнем облике, образе (*имидж политика; имидж телевизионного ведущего*)» [Крысин 1998: 266]; слово *рейтинг* (англ. *rating* от глагола *to rate* 'оценивать; определять класс, категорию') первоначально было спортивным термином и обозначало положение спортсмена среди ему подобных, оцениваемое определенным числом баллов, а затем стало употребляться переносно – в значении «степень популярности кого-либо (напр., политика, общественного деятеля), устанавливаемая путем социологического опроса экспертов, голосования ит.п. и определяемая тем местом, которое занимает данное лицо среди ему подобных» [Там же: 597]; *шоу* (англ. *show* 'представление, зрелище; спектакль') – в одном из значений это «яркое эстрадное представление», а в другом, переносном – «нечто показное, рассчитанное на шумный внешний эффект» [Там же: 800]; см. также с. 5859 наст. изд.

Другая причина укоренения иноязычного заимствования заключается в том, что «чужое» наименование нередко оказывается короче собственного, русского – как правило, описательного, состоящего из нескольких слов. Так в русском языке укрепились заимствования *снайпер* – вместо *меткий стрелок*, *сейф* – вместо *несгораемый шкаф*, *спринтер* – вместо *бегун на короткие дистанции*, в том числе и некоторые совсем недавние: *саммит* (англ. *summit* буквально 'вершина, верх') – вместо (и наряду с) *встреча в верхах*, *ремейк* (англ. *retake* 'переделка') – вместо *новая версия ранее снятого фильма*, *киллер* – вместо *профессиональный убийца* и др.

Как видим, иноязычное слово редко дублирует значение русского – в подавляющем большинстве случаев между ними имеется смысловое различие, на которое накладывается еще и различие функционально-

стилистическое: иноязычный элемент часто является термином, а его русская параллель – обычным, общеупотребительным словом. Сравните такие пары, как *бартер* – *обмен*, *дискриминация* – *ограничение (в правах)*, *инвестиция* – *вложение (капитала)*, *консенсус* – *согласие*, *монетарный* – *денежный*, *рента* – *доход*, *ремиссия* – *ослабление (болезни)*, *стагнация* – *застой (в экономике)*, *трансформация* – *преобразование*, *транш* – *доля, часть (платежа)* и т. п.

Как же относиться к невиданной прежде активизации употребления иноязычных слов? Лингвисты уже неоднократно обращали внимание на то, что язык представляет собой саморазвивающийся механизм, действие которого регулируется определенными закономерностями. В частности, язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного.

Это происходит и с иноязычными словами. Во всяком случае, история русского языка свидетельствует именно о таком его свойстве. В словаре-справочнике «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» (СПб., 1997) можно найти такие иноязычные слова: *модерантизм* (умеренность в политике), *нивеллятор* (тот, кто нивелирует, уравнивает что-либо), *нотиция* (официальное сообщение, уведомление), *официалист* (чиновник), *экскузация* (отговорка), *эллеферия* (свобода) и другие, которые употреблялись в русском языке XIX века. Сейчас этих слов нет, они исчезли из употребления, хотя в свое время по поводу уместности некоторых из них, необходимости их для русского языка шли жаркие споры.

Подобная судьба ждет и некоторые из нынешних модных американизмов, заимствование которых не оправдано ни семантически, ни функционально. В качестве примера можно привести англоязычные междометия типа *вау*, *улс* или *опс*, которые распространились в последнее время, преимущественно в речи молодежи. Дело в том, что разного рода «коммуникативная мелочь» – союзы, частицы, предикативные наречия и в особенности междометия – составляют наиболее специфичную и консервативную часть каждого национального языка и с трудом пропускает в свой круг «чужаков»^[21]. Так что все эти

вау и *упс* едва ли займут место наших исконных *ах!* *ой!* *Вот это да!* *Ну и ну!* и других.

Иногда рекомендуют (чуть ли не в приказном порядке) заменять иноязычные слова русскими. Это предложение содержится, например, в одном из пунктов «Закона о русском языке как государственном языке Российской Федерации», разработанного Государственной думой. Искать русские соответствия заимствований, конечно, необходимо, особенно в сферах публичного использования русского языка – в газете, на радио и телевидении, в выступлениях государственных и общественных деятелей: подчас исконное слово лучше передает нужный смысл, чем иностранное. Очевидно, например, что слово *эсклюзивный* дублирует смысл русского прилагательного *исключительный*. Стало быть, надо вывести его из употребления как сорняк? Но не всё так прямолинейно происходит в нашем языке. Например, нередко осмеивавшееся в прошлом слово *водомёт* – прекрасный синоним заимствованного *фонтан*. А чем весьма выразительное и прозрачное по своей структуре слово *окоём* хуже греческого по своим корням термина *горизонт*? Однако судьбе и русскому языку угодно было сохранить иноязычные слова, а не исконные. Тем не менее, поиски русских соответствий иноязычным словам – насущная задача. Не надо только превращать эти поиски в обязательное правило. Иначе мы рискуем вернуться к временам А. С. Шишкова и В. И. Даля, предлагавших *бильярд* называть *шаротыком*, а *тротуар* – *топталищем*.

«Своё» и «чужое»: о некоторых иноязычно-русских лексических параллелях^[3]

- У вас есть инициатива.
- Без ученых слов, голубчик!
- Нет, позвольте его повторить...

Инициатива. По-русски *почин*, если вам угодно.

П. Д. Боборыкин. Китай-город

Сологдин повел головою, усмехнулся, скорее неодобрительно.

- Ты ведешь себя не как *исчислитель*, а как *пиит*.

Нержин не удивился: и «математик», и «поэт» были заменены по известному чудачеству Сологодина говорить на так называемом Языке Предельной Ясности, не употребляя птичьих, то есть иностранных слов.

А. И. Солженицын. В круге первом

«Судьба словарных заимствований, – писал академик В. В. Виноградов, – относящихся к области общественной жизни или внутренних состояний личности, бывает очень различна. Некоторым из этих заимствований, особенно если они представляются семантически или морфологически неоправданными, приходится выдерживать яростное противодействие со стороны пуристов. Мотивами этой борьбы чаще всего являются или соображения национально-семантического порядка, или ссылки на «строевую» неправильность слова, его ненужность и непозволительность» [Виноградов 1999: 210].

Главный вопрос, которым задается человек, слыша или встречая в тексте незнакомое слово: «Что это значит?». А если к тому же это слово иностранное, то возникает и второй вопрос: «Нельзя ли то же самое сказать по-русски?».

Такие вопросы у носителей русского языка особенно часто возникают в последнее время, когда в нашей речи появляются всё новые и новые слова, заимствованные из других языков, преимущественно из английского (точнее – из его американского варианта). Так, в конце 80-х годов прошлого столетия в наш повседневный язык вошло множество экономических и финансовых терминов, и почти все они – иноязычные по происхождению: *бартер, брокер, ваучер, дилер, инвестор, инвестиции, консалтинг, приватизация, тендер, фьючерсный* и т. п., позднее к ним добавились *дефолт, профицит* и нек. др. Правда, специалистам в области экономики, финансов, банковского дела некоторые из этих терминов были знакомы и раньше. Однако обстановка в стране в это время была такова, что вопросы экономики, товарного производства и товарного обмена, денежного оборота сделались актуальными не только для профессионалов, но и для обычных людей. Некоторые увидели нечто притягательное в безденежном товарном обмене (то есть *бартере*), другие начали прибегать к услугам

посредников на биржах (*брокеров, дилеров*), третьи не знали, что делать с *ваучерами*, а потом возмущались результатами *приватизации*, все вместе страдали от обрушившегося на страну *дефолта* (то есть отказа государства от принятых на себя финансовых обязательств), и даже *профицит* государственного бюджета (то есть превышение доходов над расходами), о котором начали громко заявлять финансовые деятели, мало кого из простых людей радовал. Иными словами, специальные экономические и финансовые термины вошли в общелитературный язык, замелькали на страницах печати, зазвучали по радио и телевидению.

Очевидны причины, по которым все эти экономические и финансовые термины заимствованы русским языком: явления, которые они называют, – результат влияния на нашу экономику распространенных на капиталистическом Западе методов и механизмов экономического и финансового управления. Со второй половины 80-х годов Россия всё больше делается открытой западным влияниям в самых разнообразных областях – политике, торговле, культуре и искусстве, кино, музыке, спорте и, конечно же, в экономике. Вместе с новыми понятиями к нам пришли и новые слова и термины. Можно ли без них обойтись? Можно ли заменить их русскими соответствиями и называть, скажем, *бартер* – обменом, *брокера* – посредником, *инвестора* – вкладчиком?

Попробуем повнимательнее присмотреться к каждому из упомянутых иноязычных слов и обсудить, насколько возможна замена его близким по смыслу русским существительным.

Бартер

Это слово заимствовано из английского языка, где существительное *barter* означает 'мена, меновая торговля; товарообменная сделка; товар для обмена'. Оно вошло в русский язык в качестве специального экономического термина и первоначально регистрировалось преимущественно терминологическими словарями и словарями иностранных слов.

Например, в «Современном словаре иностранных слов», который вышел в 1992 году, основной единицей толкования является

словосочетание *бартерная сделка*, после которого, правда, помещено и слово *бартер*, но сам такой порядок толкуемых единиц свидетельствует о том, что слово *бартер* было еще не вполне освоено русским языком. Толкование этому термину дано довольно пространное: «товарообменная сделка с передачей права собственности на товар без денежного платежа (натуральный обмен)». В словаре [Крысин 2005] определение более лапидарное: «*бартер* – товарный обмен (без участия денег)». Во второй половине 90-х годов XX в. этот термин с ограничительной стилистической пометой «*спец.*» попадает и в общие словари. Например, в [СОШ 1997] читаем: «**БА́РТЕР** [тэ], – а, м. (*спец.*). Товарообменная сделка, натуральный обмен. Получить товар по бартеру. || *прил. ба́ртерный*, – ая, – ое. Бартерная сделка».

Словарь [Скляревская 1998] характеризует *бартер* как «относительно новое слово», но при этом описание его содержит многочисленные примеры из прессы, иллюстрирующие употребление слова не только в прямом, «экономическом» значении, но и в переносном, имеющем шуточный оттенок 'сделка; обмен вещами между людьми по взаимному соглашению' (*Предлагаю бартер: за книгу по искусству книгу по кулинарии*).

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни в одном из цитируемых словарей слово *бартер* не истолковано с помощью какого-нибудь русского синонима (например, *обмен* или *сделка*): для точной передачи смысла этого термина требуются уточняющие слова: *товарный, товарообменный, натуральный*. Это значит, что смысл термина *бартер* отличается от значения слов *обмен* и *сделка*: очевидно, что обмен может и не предполагать наличие товаров (ср. *обмен мнениями*), а заключение сделки не всегда связано с товарными отношениями (ср. *биржевая сделка*, а также фразеологизм *сделка с совестью*). Стало быть, если и вести речь о замене иноязычного слова *бартер* своими, русскими словами, то в качестве эквивалента должно быть выбрано не одно слово, а словосочетание (*товарный обмен, товарообменная сделка* и т. п.). В языке же, как известно, действует тенденция к замене неоднословных наименований (то есть наименований, состоящих из более чем одного

слова) однословными: *меткий стрелок = снайпер*, бегун на длинные дистанции => *стайер*, *несгораемый шкаф = сейф* и т. п. Употребление слова *бартер* вместо словосочетаний *товарный обмен без участия денег*, *товарообменная сделка* вполне соответствует указанной тенденции, и, следовательно, у этого слова есть все шансы сохраниться в нашем языке.

Брокер

Так же, как и слово *бартер*, это слово заимствовано из английского языка, где существительное *broker* значит 'посредник; торговец подержанными вещами'. И это существительное, и образованный путем конверсии глагол *to broker* – букв. 'посредничать, быть посредником' – происходят от формы прошедшего времени глагола *to break* в ныне устаревшем его значении 'быть посредником'. Отметим, что в русском языке есть целый ряд слов, обозначающих разные виды посредничества в товарных, торговых, имущественных, финансовых и иных сделках: сравнительно недавно появившиеся *джоббер*, *дилер*, *дистрибьютор*, *риелтор* и более давние по времени заимствования *комиссионер*, *прокурис*, *маклер* (а также восходящее к этому слову русифицированное и ныне устаревшее *маклак*; о различиях в их значениях см. в словаре [Крысин 2005], где поиск слов, образующих ту или иную тематическую группу, облегчается наличием в словарных статьях зоны аналогов – слов с близкими данному, но не синонимичными значениями).

Вот как определяется слово *брокер* в словарях иностранных слов и в толковых словарях: «посредник при заключении сделок на биржах; действует по поручению и за счет клиентов, получая от них за посредничество плату в размере определенного процента от суммы сделки» [ССИС 1992]; «посредник при заключении сделок на бирже, специализирующийся по определенным видам товаров или услуг» [Крысин 2005]; «агент, посредничающий при купле-продаже ценных бумаг, товаров» [СОШ 1997]^[4].

Обратим внимание: в первых двух толкованиях используется слово *посредник*, в последнем – слово *агент*, но и то и другое сопровождаются

определениями, которые указывают, какой это посредник или агент, каков характер его деятельности: он работает на бирже и получает за свое посредничество плату. Иначе говоря, оказывается, что просто перевести слово *брокер* русским *посредник* или ранее заимствованным *агент* нельзя, недостаточно: в этом случае останется неясным вопрос о том, в чем именно посредничает такой человек и какова его деятельность как агента (сравните такие случаи употребления слов *посредник* и *агент*, в которых оно не может быть заменено словом *брокер*: *посредник на переговорах*, *агент службы безопасности* и т. п.). Стало быть, *брокер* – слово с вполне сформировавшимся, самостоятельным значением. Оно используется в качестве финансового термина не только специалистами^[5], но и в средствах массовой информации, в бытовой речи. Как однословное обозначение соответствующей профессии и лица, исполняющего эту профессию, оно удобнее в употреблении, чем сочетания слов, обозначающие то же самое, но более длинно, громоздко.

Дефицит и профицит

Дефицит – слово, заимствованное русским языком (из немецкого) довольно давно, в первой половине XIX века. Оно имеет два значения, общеупотребительное и специальное: 'нехватка чего-либо' и 'превышение расходов над доходами'. В первом из этих значений слово знакомо нам, особенно старшему поколению, к сожалению, очень хорошо: при советской власти постоянно был дефицит – то продуктов, то товаров первой необходимости... А во втором значении *дефицит* – экономический термин. И в паре с ним экономисты употребляют термин с противоположным значением – *профицит*. Он обозначает превышение доходов над расходами. Неспециалистам второй термин стал известен сравнительно недавно – в связи с тем, что многие проблемы экономики стали обсуждаться не только профессионалами, но и, например, депутатами Госдумы – при принятии очередного годового бюджета. А из их речей термин попал в средства массовой информации. Прав на существование в нашем языке у слова *профицит* столько же, сколько их у слова *дефицит*. Вместо того, чтобы выражаться описательно, длинно:

превышение расходов над доходами, превышение доходов над расходами – употребляют однословные и соотносительные по значению термины *дефицит* и *профицит*. Разумеется, использование этих терминов уместно прежде всего в специальных текстах, во вторую очередь – в прессе, когда обсуждаются экономические проблемы. А в обыденной речи мы можем обойтись и без этих специальных терминов.

Инвестор, инвестиции, инвестировать

Слово *инвестор* пришло в русский язык не в одиночку, а вместе с однокоренными *инвестировать, инвестиции*. В качестве источника этих слов словари указывают немецкий язык, где они были образованы от латинского глагола *investire* 'облачать, одевать'. *Инвестициями* называют долгосрочные вложения капитала в какое-либо предприятие, дело, а также сам такой капитал. Современные газеты пишут о сокращении иностранных *инвестиций* в российскую промышленность, о том, что кое-что в нашей стране не устраивает западных инвесторов, и поэтому они не хотят *инвестировать* свои денежные средства в те или иные российские предприятия так же активно, как они делали это раньше, когда *инвестиционный* климат был для них более благоприятен. Широкое употребление всех этих слов объясняется внеязыковыми причинами: раньше, два-три десятилетия тому назад само понятие иностранных инвестиций не было актуальным (да при советской власти оно было попросту невозможным). С началом же перестройки и в последующие годы российские власти, напротив, стали привлекать западных предпринимателей, предлагая им вкладывать свой капитал в русский бизнес на выгодных для вкладчиков условиях.

Надо сказать, что некоторые из перечисленных слов с корнем *инвест-* не такие уж новые для русского языка. [Современный словарь... 2000] указывает, что глагол *инвестировать* и однокоренные с ним слова *инвестор, инвестиция* были заимствованы русским языком еще в начале XX в. Слова *инвестировать* и *инвестиция* зафиксированы в первом томе «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935 г.). Но при этих словах стоит помета «экон.»^[6]. Эта помета сопровождает указанные слова и в более поздних словарях – например, в

четырёхтомном академическом [МАС]. И только в конце XX в. термины с корнем *инвест-* покидают узкие рамки профессионального словоупотребления экономистов и начинают употребляться в общелитературном языке.

К собственно заимствованным словам *инвестиция* (от нем. *Investition*), *инвестировать* (от нем. *investieren*), *инвестор* (от нем. *Investor*) добавляются и их производные: *инвестиционный*, *инвестирование*, *инвесторский*; появляются устойчивые наименования и употребительные словосочетания с участием этих слов (*инвестиционный банк*, *инвестиционный фонд*, *клуб частных инвесторов*, *политика инвестирования* и др.). Всё это свидетельствует об освоении слов с корнем *инвест-* современным русским языком, главным образом книжной его разновидностью, и о широкой употребительности их в официально-деловом и публицистическом стилях литературной речи. Так же, как в случаях со словами *бартер* и *брокер*, невозможна простая замена этих слов русским словосочетанием *вложение капитала*, поскольку, во-первых, это – дву-словное наименование (а ему обычно предпочитается наименование однословное), и, во-вторых, в значении словосочетания *вложение капитала* нет указания на то, какого рода вложения имеются в виду (ср. такие компоненты приведенных выше толкований слов с корнем *инвест-*, как 'долгосрочный', 'в предприятие, в экономику'). Значит, и эти слова, пришедшие в общее употребление из словаря экономистов, имеют все шансы укрепиться в нашем языке.

Немаловажен и такой фактор, влияющий на судьбу рассмотренных слов: и *бартер*, и *брокер*, и слова с корнем *инвест-* по существу интернациональны, они известны и понятны говорящим на многих современных языках. А принадлежность того или иного слова к общему, международному лексическому фонду часто облегчает ему укоренение и в каждом конкретном национальном языке (в данном случае – в русском).

Тенденция к замене неоднословных наименований однословными и фактор интернациональности играют существенную роль при освоении языком и других слов и терминов, принадлежащих к иным тематическим

группам. Это касается и таких иноязычных лексем, которые на первый взгляд кажутся явно дублирующими значения единиц, уже существующих в языке. Одно из таких слов – *бренд*, весьма употребительное в современных средствах массовой информации и в рекламе.

Бренд

Слово заимствовано из английского языка, где *brand* имеет значение 'клеймо; фабричная марка'. Примерно то же значение и у заимствования: *бренд* – это торговая марка предприятия, играющая роль рекламы этого предприятия. Нынешние деловые люди говорят *ораскрученных брендах* (тут иноязычное – в смеси с жаргонным: *раскрутить бренд* на языке наших бизнесменов означает продвинуть какое-либо предприятие и его товар на рынок и сделать популярной саму марку этого предприятия^[71]). Произносится это слово с твердым согласным «р»: [брэнд].

Возникает вопрос: а зачем нам это новое заимствование, когда есть старые – и свои, и иноязычные слова с близкими значениями: (*товарный*) *знак*, *клеймо*, *марка* (нем. *Marke*), *ярлык* (пришедшее из тюркских языков: ср. турецкое *jarlyk* 'султанский указ, грамота'), *этикетка* (от фр. *étiquette*)? А еще есть недавно заимствованное *лейбл* (от англ. *label*) – 'торговый знак фирмы-изготовителя в виде яркой наклейки (например, на одежде)'. Почему язык допускает такую множественность обозначений практически одного и того же предмета?

Если мы внимательно присмотримся к перечисленным словам, то обнаружим, что они не вполне дублетны, то есть не полностью совпадают по смыслу и по сферам употребления. Клеймо, например, ставят не только на товар, но и на тело животных (а в давние времена и рабов клеймили); это слово употребляется также переносно в значении 'неизгладимый след чего-либо постыдного, позорящего' (напр., *клеймо позора*, *клеймо предателя*). Другие слова из перечисленного выше ряда таким значением не обладают. У слова *ярлык*, правда, помимо прямого смысла ('листок на каком-л. изделии, товаре с наименованием этого изделия, товара или сведениями о нем', как определяется это значение

слова *ярлык* в [СОШ 1997]), – есть и переносный, но иной, чем у слова *клеймо*, смысл: 'шаблонная, обычно отрицательная краткая характеристика кого или чего-либо, чаще всего несправедливая'. Слово *знак* имеет слишком общее значение, и поэтому применительно к товарам, изделиям оно снабжается определением *товарный*.

Марка – это не только сам товарный знак, но и сорт изделия (напр., *новая марка стали*) – такого значения нет у других анализируемых слов. Слово *бренд* называет рекламный товарный знак: об этом свидетельствует компонент толкования '...играющая роль рекламы этого предприятия' (см. выше). Этого смыслового компонента нет у других слов. *Лейбл* – это яркая наклейка, преимущественно на одежде, не содержащая ничего, кроме названия самой фирмы, выпускающей эту одежду, а *этикетка*, помимо указания на выпускающее данный товар предприятие, может содержать еще и какие-либо сведения – например, о сроке годности, о цене, о способах использования продукта и т. п.

– Так это то же самое, что *ярлык!* – вправе воскликнуть внимательный читатель. И будет почти прав. Почти – потому что слова *этикетка* и *ярлык*, при явной близости их значений, всё же различаются – сферами использования, сочетаемостью с другими словами: ярлыками снабжаются не только товары, но и, например, вещи, сданные в багаж, поэтому мы можем сказать *багажный ярлык* (но не **багажная этикетка*); ярлыки не только *приклеиваются*, но и *навешиваются* – отсюда и отмеченное выше переносное употребление этого слова (сказать же: *Давай навесим этикетку* едва ли можно – большинство говорящих по-русски предпочтет здесь глаголы *приклеим* или *прикрепим*).

Из всего сказанного следует вывод: каждое из слов перечисленного нами ряда имеет некоторое своеобразие в своем значении и этим отличается от других слов; поэтому язык и не освобождается от наименований, которые только на первый взгляд кажутся полностью синонимичными. Возможно, в дальнейшем и произойдет вытеснение какого-либо из этих наименований. Но пока все

рассмотренные нами слова имеют право на существование и употребление в нашей речи.

Клипмейкер

Это новомодное, английское по происхождению слово состоит из двух частей: *клип-* и *-мейкер*. *Клип*, или *видеоклип* (еще один иностранец!), как свидетельствуют словари иностранных слов, – это «короткий телевизионный сюжет, состоящий из эстрадной песни, сопровождаемой специально смонтированным изображением, часто с применением компьютерной техники; используется также как средство рекламы» [Крысин 2005: 164].

В английском языке существительное *clip* значит 'газетная вырезка; фрагмент фильма' и происходит от глагола *to clip* 'отсекать, отрезать'. А вторая часть слова *клипмейкер* – от английского глагола *to make* 'делать, создавать'. Стало быть, *клипмейкер* – это человек, который делает клипы, создатель клипов. Этот род деятельности появился у нас сравнительно недавно и, несомненно, под влиянием Запада, о чем свидетельствует и само заимствованное слово. По-русски этот род занятий и того, кто к нему причастен, обозначить трудно. Правда, в русском языке есть слова со второй частью *-дел*, образованной от глагола *делать*, которые обозначают лиц по профессии. В «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка [Зализняк 2003] таких слов шесть: *винодел, ковродел, маслодел, сукнодел, стеклодел, сыродел* (плюс *бракодел*, которое содержит в своем значении отрицательную оценку). Почему бы не образовать по этой модели слово *клиподел*?

Не получится. И вот почему.

Во-первых, слово пришло к нам вместе с самой профессией, а в случаях, когда слово заимствуется вместе с новой вещью или новым понятием, вероятность укоренения его в языке весьма высока (подробнее об этом см. [Крысин 1968: 22 и сл.]). Во-вторых, слова со второй частью *-дел*, как легко видеть, образованы от русских именных основ (*вин-о, ко-в(ё)р, масл-о, сукн-о, стекл-о, сыр*) – в слове **клиподел* она была бы иноязычной. В-третьих, приведенные слова

обозначают старые и исконные для России профессии. В-четвертых, в языке редко сохраняются слова, образованные намеренно, в противовес каким-то иным, неприемлемым по тем или иным причинам (вспомним знаменитые *топталище* вместо *тротуар*, *ячество* вместо *эгоизм*, не прижившиеся в нашем языке, несмотря на прозрачность их словообразовательной структуры). Так что придется смириться с еще одним иноязычным неологизмом – словом *клипмейкер*, которое обозначает специалиста по производству видеоклипов.

Добавим к этим аргументам еще один. Вторая часть слова *клипмейкер* (*-мейкер*) встречается и в некоторых других недавних заимствованиях из английского^[8], правда, ограниченных в своем употреблении определенной профессиональной средой: *имиджмейкер* (буквально: «создатель имиджа, образа», то есть специалист по созданию имиджа кого-либо – политика, артиста и др.), *нюсмейкер* (буквально: «создатель новостей»; в русском языке значение этого слова еще не вполне устоялось: это либо 'тот, кто в определенный момент становится объектом внимания журналистов как представляющий интерес для читателей и зрителей' [Крысин 2005: 532], либо 'журналист, работающий в области создания новостных программ', либо и то и другое [НСИС 2003: 437]. В последнее время появился спортивный термин *плеймейкер* (буквально: «делатель игры», то есть тот, кто своими умелыми, мастерскими действиями – например, при игре в футбол, баскетбол и др. – инициирует определенные тактические ходы и комбинации, приносящие успех команде); ср. следующие примеры:

*Второго Зидана нет и быть не может, но второй **плей-мейкер** международного класса у сборной, претендующей на чемпионство, должен быть* (Д. Навоша. Франция в опасности. Чемпион мира проигрывает Сенегалу в матче открытия // «Известия», 31.05.2002)

*Основной **плеймейкер** аргентинцев Санчес вместе с серебряными медалями выиграл себе контракт в НБА* (Д. Навоша. Семь цветов баскетбольного времени. Самые яркие краски чемпионата мира // «Известия», 09.09.2002); примеры из Национального корпуса русского языка^[9].

На наших глазах *-мейкер* превращается в словообразовательную морфему, своего рода суффикс, с помощью которого образуются слова и от русских корней, хотя такие слова и имеют явно выраженный шуточный оттенок: ср., например, популярное среди газетчиков слово *слухмейкер* – о том, кто распускает слухи.

Интроверты и экстраверты

Эти слова – термины, употребляющиеся в психологии. *Интроверт* – это человек, сосредоточенный на своем внутреннем мире (об этом свидетельствует первая часть слова, восходящая к латинскому *intro* 'внутри, внутрь'), с трудом устанавливающий контакты с окружающими. А *экстраверт*, напротив, – человек, в своих переживаниях и интересах обращенный к внешнему миру, легко устанавливающий контакты с окружающими (на это указывает часть *экстра-*, восходящая к латинскому слову *extra*, которое в одном из своих значений соответствует русскому предлогу *вне*).

Специальные терминологии вообще и в частности терминология, используемая психологами, во множестве содержат иноязычные по происхождению элементы: с помощью заимствованного слова можно точно назвать какое-либо специальное явление, в то время как использованию в этом качестве исконного слова мешает тот факт, что такое слово может иметь определенный (но другой, не терминологический) смысл в общеупотребительном языке.

Примеров масса. Так, в электротехнике существуют *трансформаторы*, хотя это слово почти точно переводится русским *преобразователь*; астрономы говорят об *орбитах* планет, хотя *orbita* – то же самое, что по-русски *колея*. Авиаконструкторам и летчикам хорошо известно явление под названием *флаттер*, что в буквальном переводе с английского значит *трепетание*, – разумеется, в авиационной терминологии в качестве обозначения неуправляемой вибрации летательного аппарата во время полета прижилось иноязычное наименование, а не русское отчасти поэтическое, отчасти устарелое книжное слово *трепетание*. Хирурги перед операцией проводят *анестезию* (больного органа или всего организма), и это точнее передает

необходимый смысл, чем русское *обезболивание*: при анестезии, как правило, используются определенные обезболивающие средства, а в значении слова *обезболивание* такой смысловой компонент не обязателен (например, знахари могут обезболить орган или организм заговорами, не применяя никаких химических веществ).

Иноязычные слова *интроверт* и *экстраверт* – тоже примеры подобного «специализирующего» использования заимствованной лексики в качестве терминов. Эти слова обладают и еще одним немаловажным свойством: каждое из них называет то, что по-русски может быть выражено только описательным оборотом (у них нет однословных русских соответствий). Каждое из них по форме и по смыслу соотнесено с терминами, называющими сами психические явления, – *ин-троверсия* (сосредоточенность человека на собственном внутреннем мире, сопровождаемая затруднениями в установлении контактов с окружающими) и его антонимом *экстраверсия*.

Наше время характеризуется активным вторжением специальной терминологии в общепотребительный язык, даже в повседневный быт. Многие ли из нас до августа 1998 года знали, что такое *дефолт*? Известно ли было лет 20-30 тому назад обычному человеку – не экономисту и не банковскому служащему, – что такое *бартер*, чем занимается *брокер*, для чего нужна *ипотека*? А теперь эти экономические и финансовые термины у всех на слуху. Заметим, что и термины других наук и профессий могут становиться известными неспециалистам и если и не входят в наш быт, то всё же требуют каких-то разъяснений по поводу особенностей своего значения и употребления в речи. *Интроверт* и *экстраверт* – одни из таких терминов: их можно встретить не только в специальной психологической литературе, но и, например, в газетной статье, услышать в телевизионной передаче о здоровье или в радиоочерке об особенностях воспитания детей.

Кастинг

Читая об очередном конкурсе красоты, мы можем узнать, что, прежде чем попасть в число участниц конкурса, девушки проходят

кастинг. По контексту догадываемся, что это слово обозначает что-то вроде 'отбор, отсеивание', но таково ли значение этого слова на самом деле?

Английское слово *casting*, лежащее в основе этого заимствования, образовано от глагола *to cast*, который буквально значит 'выбраковывать' и первоначально применялся только по отношению к лошадям: перед тем, как быть допущенной к скачкам, лошадь должна была пройти *casting*. Постепенно сфера употребления термина расширилась, и им стали обозначать отбор девушек на конкурсах красоты, при демонстрации новых моделей одежды, актеров – кандидатов на исполнение той или иной роли в фильме или спектакле. В этом расширительном значении слово *кастинг* и было заимствовано русским языком.

– А зачем? – вправе спросить читатель-скептик. – Разве нельзя обойтись всем понятными словами *отбор* или *подбор*, чтобы не засорять русский язык еще одним «чужаком»? Можно. Правда, при этом мы должны сопровождать слова *отбор* и *подбор* разного рода уточнениями: отбор (подбор) девушек для конкурса красоты, отбор (подбор) актеров при съемках фильма и т. д. Это необходимо для того, чтобы отграничить употребление слов *отбор* и *подбор* в этом смысле от других употреблений: можно ведь говорить, например, об *отборе фактов* – из какого-то их множества, об *отборе абитуриентов* при поступлении в институт, о *естественном отборе* в живой природе, о *подборе ключа* к замку, *подборе мелодии* к стихам и т. д. Ни в одном из этих случаев слово *кастинг*, разумеется, не годится. Но если *кастингом* мы обозначаем не всякий отбор или подбор, а специальный, то перед нами классический случай такого разграничения значений «своего» и «чужого» слов, при котором «свое» обозначает нечто более общее по смыслу, а «чужое» закрепляется в качестве специального термина, относящегося к тем или иным сферам профессиональной деятельности. В русском языке можно найти немало лексических пар именно такого рода: *список* – *индекс*, *ограничение* – *лимит*, *всеобщий* – *тотальный*, *отображать* – *проецировать* и мн. др.

Итак, *кастинг* – это отбор или подбор, но не всякий, а «предварительный подбор исполнителей, участников какого-либо шоу (актеров для съемок в фильме, девушек для конкурса красоты, манекенщиков для показа моделей и др.)» [НСИС 2003: 274].

* * *

Примеры иноязычно-русских лексических соответствий, рассмотренные в этом очерке, свидетельствуют о том, что не всякое иноязычное слово может расцениваться как лишнее, как засоряющее родную речь, – во многих случаях заимствование или называет какой-то новый предмет, не имеющий русского наименования, или уточняет какое-либо понятие, или коротко, одним словом называет то, что по-русски можно назвать описательно, с помощью нескольких слов.

Это, конечно, не значит, что иноязычное всегда лучше своего, родного. История русского языка свидетельствует как раз о том, что многие заимствованные слова, бывшие в употреблении, скажем, в XIX веке, бесследно исчезли, и говорящие по-русски нисколько не пожалели об этом. Кто из носителей современного русского языка знает, например, что такое *индижестия*? Что имел в виду Гоголь, когда в «Мертвых душах» писал о даме, с которой приключилось «небольшое *инкомодите*»? Кто такой *супирант*? Какой смысл вкладывали наши предки в слово *суспиция*? И что они имели в виду, когда считали, что театральная актер излишне *фарсирует*? Сейчас не всякий словарь даст нам ответы на эти вопросы, и мы узнаем, что *индижестия* – это несварение желудка, что *инкомодите* означает по-русски просто неудобство, неловкость, что *супирантом* называли поклонника, воздыхателя, а *суспицией* – подозрение, недоверие к кому-либо, что *фарсирующим* называли актера, который достигает комического эффекта чисто внешними приемами игры (см. [Редкие слова 1997]).

Возможно, и кое-какие из слов-иностранцев, появившихся в последние десятилетия, канут в безвестность, уйдут из нашего языка. Но коль скоро они употребляются сейчас, и порой весьма часто и в разных сферах общения, мы должны знать, что они значат, как соотносятся с близкими по смыслу русскими словами, как надо правильно писать их и

произносить, имеют ли они какую-либо стилистическую окраску, образуют ли производные и т. д. Ответы на эти вопросы носитель языка вправе ожидать от составителей современных словарей.

Иноязычное слово как транслятор иной культуры^[10]

Среди лексики, заимствуемой каждым языком в тот или иной период его развития из других языков, значительный пласт составляют так называемые экзотизмы – слова, называющие реалии «чужой» жизни. Это могут быть названия объектов природы – деревьев, трав, пород диких и домашних животных, рыб, насекомых и т. п., национальных традиций, особенностей государственного устройства, семейного быта, национальных блюд и напитков, то есть всего того, в чем так или иначе проявляется своеобразие жизни народа и населяемой им территории: ср., например, такие слова, как *араукария*, *бальса* – породы деревьев, растущих в Южной Америке, *сельва* – влажные экваториальные леса в Бразилии, *пирания* – хищная прожорливая рыба, обитающая в реках Южной и Центральной Америки, *праймериз* – в США: первичное собрание избирателей для выдвижения кандидатов на выборные государственные должности, *хурал* – орган государственной или местной власти в Монголии, *шахсей-вахсей* – религиозная церемония у шиитов, имитирующая страдания Хусейна, одного из потомков Мухаммеда, *якудза* – японская мафия, а также представитель этой мафии, гангстер (более подробно об экзотизмах, их весьма пестрых тематических группах и условиях употребления в речи см., например [Супрун 1958; Крысин 1968: 46-52]).

Границы между экзотической лексикой и «обычными» заимствованиями—то есть словами, семантика и употребление которых не специфичны для той или иной страны (территории), – не жестки. При определенных обстоятельствах экзотизм может превратиться в слово, хотя и сохраняющее признаки иноязычности (что обычно более или менее ясно ощущается говорящими), но именующее реалию, которая прививается в жизни носителей языка-реципиента: ср., например, слова *мэр*, *префект*, *парламент*, *муниципальный*, *спикер* и др., которые до середины 80-х годов XX века были в русском языке на положении

экзотизмов, характеризующих политическое и государственное устройство других стран (не СССР и не России). Когда-то, в конце XIX – самом начале XX века слово *футбол* воспринималось носителями русского языка как явный экзотизм, поскольку обозначало спортивную игру, еще не известную в России, а слово *соккер* и сейчас представляет собой элемент экзотической лексики, поскольку называет разновидность футбола, распространенную только в США и некоторых других странах Америки.

Экзотические слова не только называют реалии, не известные носителям заимствующего языка, – они могут нести в своих значениях указание на определенную специфику культуры данного народа, особенности его обычаев, его менталитета. Употребляясь в другом языке, такое слово, обозначая соответствующее понятие, как бы транслирует кусочек иной культуры, адресуя трансляцию людям, не являющимся носителями этой культуры.

Такое указание на культурную специфичность понятия и соответствующего ему слова занимает определенное место в толковании слова – наряду с чисто номинативным (ассертивным) смысловым компонентом, называющим данный объект. От исконных или ранее заимствованных слов языка-реципиента такие экзотизмы отличаются именно этим культурным компонентом, совпадая в компоненте номинативном (ассертивном).

Покажем это на нескольких примерах.

Английское слово *porridge* обозначает овсяную кашу, которую англичане обычно готовят на завтрак. Казалось бы, какая необходимость употреблять в русском тексте слово *поридж*, даже в случае, когда сообщаемое в этом тексте касается жизни в Англии? Так и писали бы: *По утрам англичане едят овсяную кашу*. Но в том-то и дело, что словосочетание *овсяная каша* нейтрально: оно не указывает на то, что в традициях именно англичан, а не вообще людей есть по утрам эту кашу.

Поридж – это часть этностереотипа, приписывающего англичанам такие свойства, как чопорность, холодность, незыблемую верность традициям и т. п. (о понятии этностереотипа и способах его языкового

выражения см. [Крысин 2003], а также наст. изд., с. 169-175). Слово *поридж* не просто называет соответствующее блюдо, а сигнализирует об определенном национальном обычае, хотя блюдо, которое ест и англичанин, и русский, может быть абсолютно одинаковым и по составу, и по вкусу.

Еще одно английское слово – *tutor* – в Англии служит для названия домашнего наставника, опекуна (оно и происходит от глагола *to tutor* 'опекать, воспитывать'). Если мы переведем его словами *воспитатель, опекун*, даже добавив определение *домашний*^[11], и тем самым полностью передадим по-русски ассертивную часть семантики английского слова, такой перевод не будет адекватным: исчезнет указание на особенность именно английского домашнего воспитания и образования. И дело здесь не в том, что в русском семейном быту сейчас, в отличие от XIX века, нет домашних опекунов как определенного социального института (хотя некоторые состоятельные семьи могут это себе позволить), – даже если бы такая традиция возродилась, соответствующее лицо едва ли получило бы название *тьютор*: слишком ярка в нем национальная «английская» окраска, прикрепленность к английской семейной традиции^[12].

Слово *кильт* (в иной форме *килт*) обозначает мужскую юбку – элемент шотландской национальной одежды. Указание на национальное своеобразие этого вида одежды является культурным компонентом значения слова.

Подобные указания на национальную специфичность предметов материальной культуры есть у слов ряда тематических групп:

- названия одежды: *аба* 'мужская распашная одежда в виде длинного плаща из верблюжьей шерсти у народов Ближнего Востока' (аба – характерный элемент одежды бедуинов), *айшон* 'женский головной платок у удмуртов', *аракчин* 'мужская тюбетейка у персов', *бешмет* 'мужская распашная одежда у народов Средней Азии и Кавказа', *бурнус* 'верхняя мужская одежда у народов Ближнего Востока и Северной Африки', *галабея* 'широкая мужская рубаша у народов Северной и Центральной Африки', *гатья* 'широкие мужские полотняные

штаны у венгров', *гусь* 'мужская верхняя меховая (мехом наружу, с капюшоном) одежда у манси и ненцев', *дхоти* 'мужская одежда у народов Южной и Юго-Восточной Азии в виде полосы ткани, прикрывающей бёдра, конец которой пропускается между ног', *кебая* 'женская кофта у народов Индонезии', *кенте* 'мужская широкая длинная рубаша у народов Западной Африки', *койлек* 'женское платье-рубаша у народов Средней Азии и Поволжья', *сари* 'индийская женская одежда из куска ткани, обертываемого вокруг тела', *саронг* 'мужская и женская одежда у народов Юго-Восточной Азии в виде полосы ткани, обертываемой вокруг тела и доходящей до щиколоток', *сая* 'распашная женская одежда у болгар и македонцев', *ципао* 'женская распашная, со стоячим воротником одежда у китайцев', *чепан* 'стеганный халат без пуговиц у народов Средней Азии' и др.;

- названия жилищ: *алачик* 'войлочный шатер эллиптической формы у тюркоязычных народов Передней Азии', *вигвам* 'куполообразная или коническая хижина из жердей, покрытых корой или кожей, у индейцев Северной Америки', *викупа* 'хижина из ветвей у апачей', *голомо* 'коническое жилище, утепленное землей и дерном, у народов Севера', *иглу* – 'куполообразная хижина канадских эскимосов, сложенная из снежных плит', *истаба* 'жилое помещение у латышей', *кор* 'дом-крепость у сванов', *сакля* 'тип жилища у горцев Кавказа с каменными, глинобитными или саманными стенами и плоской крышей', *фанза* 'тип жилища у китайцев на каркасе из деревянных столбов', *чум* 'переносное жилище северных народов в виде шатра конической формы, покрытого шкурами, войлоком, корой и т. п.', *юрта* 'переносное жилище у народов Центральной и Средней Азии в виде конического или куполообразного деревянного каркаса, покрытого войлоком', *яранга* 'переносное жилище у народов северо-востока Сибири в виде конического деревянного каркаса, покрытого оленьими шкурами' и др.;

- названия блюд и напитков: *айран* 'напиток из кислого коровьего молока у народов Средней и Передней Азии, Сибири и Кавказа', *бешбармак* 'мясное блюдо у народов Средней Азии в виде кусочков баранины с мучной приправой', *бигос* 'блюдо из тушеной капусты у

поляков', *бозбаш* 'мясной соус у народов Кавказа', *говурма* – 'заготовленная впрок баранина, жаренная в сале, у народов Ближнего Востока', *гу-аро* 'водка из сахарного тростника у народов Центральной Америки', *гутаб* 'пирожки с мясом и зеленью у народов Средней Азии и Кавказа', *долма* 'род голубцов, обернутых в виноградные листья, у народов Кавказа и Ближнего Востока', *казы* 'колбаса из конины у народов Средней Азии и Поволжья', *кебаб* 'жаркое у народов Кавказа и Передней Азии', *курут* 'вид сыра у скотоводческих народов Азии', *мате* 'тонизирующий напиток у народов Южной Америки', *хинкали* 'род крупных пельменей у народов Кавказа и Передней Азии', *шорва* 'мясной суп у азербайджанцев' и др.

Компонент значения, указывающий на национально-культурную специфику обозначаемого, содержат и слова, называющие объекты, относящиеся к духовной культуре народов:

- названия музыкальных инструментов: *авлос* 'тростниковая флейта у греков', *ангклунг* 'ударный музыкальный инструмент у народов Индонезии', *гиджак* 'струнный музыкальный инструмент у народов Средней Азии', *дутар* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у народов Средней и Передней Азии', *зурна* 'деревянный духовой музыкальный инструмент у народов Кавказа', *кеманча* 'струнный смычковый музыкальный инструмент у народов Кавказа и Передней Азии', *кобза* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у молдаван и румын', *ребаб* 'двухструнный музыкальный инструмент у арабов', *саз* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у народов Кавказа и Передней Азии', *сямисэн* 'японский струнный щипковый музыкальный инструмент с тремя струнами', *танбур* 'струнный щипковый музыкальный инструмент у народов Азии', *хур* 'струнный смычковый музыкальный инструмент у монгольских народов' и др.;

- названия танцев и вокальных произведений: *вилотта* 'песенный жанр у итальянцев', *вильянсико* 'песенный жанр у испанцев', *воладор* 'ритуальный танец-игра у индейцев Мексики и Центральной Америки', *гуарача* 'песня-танец у народов Карибского бассейна', *дайна* 'лирическая песня в фольклоре латышей и литовцев', *дойна* 'лирическая песня в

фольклоре молдаван и румын', *дэнгаку* 'японское средневековое театрализованное музыкальное представление', *йодль* 'песенный жанр у альпийских горцев, характеризующийся частой сменой регистров', *корридо* 'песня-баллада исторического содержания у мексиканцев и других народов Латинской Америки', *мунейра* 'галисийский парный танец, сопровождаемый пением', *сардана* 'каталонский хороводный танец', *хоруми* 'аджарский мужской хороводный танец' и др.;

- названия национальных обычаев: *амбил-анак* 'обычай усыновления зятя у народов Индонезии', *вендетта* 'обычай кровной мести у жителей Корсики и Сардинии', *дивали* 'индуистский праздник огней', *каргатуй* 'весенний праздник у башкир и татар', *касым* 'осенний праздник у турок', *ртве-ли* 'праздник окончания сбора винограда у грузин', *сорорат* 'брачный обычай у некоторых народов в период первобытнообщинного строя, заключающийся в том, что один мужчина одновременно женился на двух или нескольких родных (между собой) или двоюродных сестрах', *той* 'празднество у народов Средней Азии и Сибири, сопровождаемое пиршеством, музыкой, плясками' и др. [\[13\]](#)

Возникает вопрос: каков нормативный статус подобных слов? Являются ли они элементами русского словаря? Или же их употребление ограничено определенными (и при этом весьма жесткими) условиями? Большая часть приведенных слов-экзотизмов не принадлежит современному русскому словарю в качестве его органической составляющей: они употребляются лишь в ситуациях и контекстах, описывающих соответствующие этнические реалии. Они уместны, например, в этнографической литературе, при описании обычаев и обрядов того или иного народа, в путевых очерках, в переводах фольклорных и художественных произведений. И не просто уместны – без них нельзя обойтись, ибо именно они, в сочетании (при необходимости) с их толкованиями, передают национально-культурный колорит описываемых особенностей жизни того или иного народа.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что некоторые из слов, которые можно отнести к какой-либо из перечисленных тематических групп, теряют или потеряли совсем семантический

компонент, указывающий на национальную специфичность обозначаемого объекта. Это, например, такие слова, как *папаха, халат, плов, пицца, халва, шашлык* и некоторые другие: папахи носят полковники и генералы российской армии, в халатах ходят не только кавказцы и жители Средней Азии, пиццу, плов и шашлык едят в кафе и ресторанах всей России, а халву производят не только в странах Востока.

Отдельные слова, в прошлом принадлежавшие экзотической лексике, приобрели переносные значения, окончательно утратив связь с первоначальной национально-культурной самобытностью: таково, например, слово *сабантуй*, которое в современном русском языке обозначает шумное веселье с застольем, пирушку и в словарях имеет стилистическую помету «разг. шутл.» (по происхождению же это народный праздник у тюркоязычных народов по завершении весенних полевых работ – от тюрк. *saban* 'плуг' и *tuj* 'праздник'). В других экзотизмах, наряду с прямым значением, развиваются переносные, в которых отсутствует указание на культурную специфику обозначаемого объекта. Так, слово *гуру*, которое в своем основном значении толкуется как специфическое для индуизма обозначение учителя, духовного наставника [Крысин 2000: 204], в современном русском языке может употребляться и в расширительном смысле: 'о том, кто учит, формирует мировоззрение' [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003: 180]; словом *камикадзе*, которое в прямом значении называет 'летчика-смертника в японской армии периода Второй мировой войны, погибавшего вместе с атакующим цель самолетом' [Крысин 2000: 297], в русской разговорной речи называют также 'безрассудного смельчака, жертвующего собой' [там же]: *В этом деле нам никакие камикадзе не нужны*

Рассмотренный материал свидетельствует: культурная специфика, передаваемая в значении слова или в его коннотациях, может характеризовать разные стороны жизни того или иного этнического сообщества: быт, традиции, обычаи и обряды, социальное и политическое устройство общества, управление им со стороны государства, сферы религии и церкви, виды и жанры национального

искусства и многое другое. Во всех этих случаях соответствующие слова, называющие то или иное понятие, помимо номинативной функции имеют и функцию «культурную»: они сигнализируют об определенной специфической черте понятия, связанного именно с данной национальной культурой. Некоторые из подобных культурно специфичных слов могут с течением времени утрачивать компонент смысла, указывающий на связь обозначаемого с иной культурой, и развивать переносные значения.

Иноязычное слово в роли эвфемизма^[14]

Эвфемизм – вид иносказания. Слово *иносказание*, по-видимому, не имеет терминологического статуса, т. е. не является точным термином, именуящим ясно выделяемое понятие (или круг понятий). Можно назвать и другие виды иносказаний: *аллегория* (например, весы – символ правосудия, якорь – символ надежды и т. п.)^[15], *гиперболу* как способ преувеличить, усилить, подчеркнуть размеры, качество, количество и другие характеристики объекта (*Орехи – величиной с кулак; Глаза – как блюдца; Вина – залейся!*)^[16], *литоту*, понимаемую и как прием выразительности, основанный на двойном отрицании (*небесспорный, не без умысла*), и как «обратная гипербола» (*мужичок-с-ноготок*), *мейозис* как прием выразительности, основанный на намеренном преуменьшении интенсивности свойств предмета речи, действий, процессов и т. п. (*Ее трудно назвать красавицей – об уродливой женщине*)^[17], и некоторых других.

Главное отличие эвфемизма от других видов иносказания – в его функции: к эвфемизмам прибегают тогда, когда хотят завуалировать, закамouflировать некий смысл, который говорящий почему-либо считает неудобным обозначать прямо. Чаще всего причины – этического порядка: при определенных условиях общения неудобно вслух произнести (или написать): *Она беременна*, поэтому говорят и пишут: *Она ждет ребенка; Она готовится стать матерью*; неудобно приказывать ребенку: *Высморкайся!* – и мы несколько смягчаем приказ: *Освободи нос!* Когда семнадцатилетняя дочь говорит матери: – *У нас с Сережей*

ничего не было, – и она, и мать понимают, о чем идет речь, хотя напрямую ничто не названо.

Процесс эвфемизации тесно переплетается с процессом номинации – одним из трех фундаментальных процессов, формирующих речевую деятельность человека (два остальных – предикация и оценка). В самом деле, объекты, по этическим, культурным, психологическим или каким-либо иным причинам не называемые или называемые с трудом, нуждаются в эвфемистическом обозначении. Обновление номинаций диктуется необходимостью вновь и вновь вуалировать или смягчать сущность того, название чего в данном обществе считается неудобным, неприличным и т. п.

В отличие от обычной номинации эвфемизм обладает собственной спецификой. Для процесса эвфемизации существенны следующие моменты:

1) оценка говорящим предмета речи как такого, прямое обозначение которого может вызвать своего рода коммуникативный дискомфорт: оно может быть квалифицировано – в данной социальной среде или конкретным адресатом – как грубость, резкость, неприличие ит.п.; по-видимому, лишь определенные объекты, реалии, сферы человеческой деятельности и человеческих отношений могут вызывать подобную оценку, поэтому эвфемизации подвергается не всякая речь, а речь, связанная с определенными темами и сферами деятельности: например, темы болезней и смерти (*французский насморк* – о сифилисе; *Она совсем плохая* – об умирающей; *усопший* вместо *умерший*; *Его нет больше с нами* (о покойном); *потерять ребенка* (= допустить, чтобы ребенок умер, не справиться с его болезнью – в речи врачей); отношения между полами: выражения *находиться в близких, интимных отношениях, интимной связи, физическая близость* – эвфемистичны;

2) подбор говорящим таких обозначений, которые не просто смягчают те или иные кажущиеся грубыми и слишком прямыми слова и выражения, а маскируют, вуалируют суть явления; это особенно ясно видно на примере семантически расплывчатых медицинских терминов типа *новообразование* вместо пугающего *опухоль*, а также в

использовании слов с «диффузной» семантикой: *известный, определенный, надлежащий, своеобразный* и под.: **определенные** деструктивные силы [не называется, какие]; *Своими непродуманными действиями правительство привело страну к **известным** результатам* (т. е. плохим, негативным); *В мерседесах едут люди, я бы сказал, со **своеобразными** лицами;*

3) зависимость употребления эвфемизма от контекста и условий речи: чем жестче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов; напротив, в слабо контролируемых речевых ситуациях и при высоком автоматизме речи (ср. общение в семье, с друзьями и т. п.) эвфемизмам могут предпочитаться «прямые» обозначения, или дисфемизмы^[18];

4) социальная обусловленность представления о том, что может быть эвфемизмом: то, что в одной социальной среде расценивается как эвфемизм, в другой может получать иные оценки. Например, среди носителей диалектов и просторечия не считается неприличным впрямую именовать некоторые объекты и процессы, связанные с анатомией и физиологией человека, с отношениями между мужчиной и женщиной (в культурной среде до недавнего времени на этот счет существовало жесткое табу, которое сейчас, насколько можно судить по нашей прессе и телеэфиру, значительно ослаблено). Однако и в просторечной, и в диалектной речевой среде также существует потребность в эвфемизации средств выражения; ср., например, употребление глаголов *шалить, баловаться, озорничать, озоровать* в контекстах типа:

*Тогда на дорогах бандиты **шалили**, нашего брата обирали; Для стариков это птичий грех – со снохой **баловаться** (М. Горький); Продавцы **озоруют** – молоко водой разбавляют.*

Существуют достаточно многообразные способы создания эвфемизмов, эвфемизации речи^[19]. В качестве эвфемизмов используются:

1) слова-определители с диффузной семантикой: *некоторый, известный, определенный, соответствующий, надлежащий* и нек. др. (примеры см. выше);

2) номинации с достаточно общим смыслом, используемые, однако, для называния вполне конкретных предметов и действий: *акция* (= расстрел); *изделие* (= атомная бомба; ракета); *учреждение* (= лагерь, тюрьма) ит. п.;

3) некоторые местоимения: *что-нибудь, ничего, это, один (одна, одно)*, ср.:

*Мне в **одно место** надо* (= в уборную); *Как у вас с **этим делом?*** (= с выпивкой); «Про **это**» [название телепрограммы о сексе];

4) аббревиатуры: *СС* (= совершенно секретно); *ВМ* (= высшая мера наказания) и др.;

5) слова, обозначающие неполноту действия: *прихрамывать* (о хроме); *недослышит* (о глухом), *приостановить* (членство в партии, деятельность организации и т. п.);

б) иноязычные слова.

Рассмотрим подробнее иноязычные слова-эвфемизмы.

Иноязычные слова удобны в качестве эвфемизмов прежде всего потому, что подавляющим большинством носителей русского языка они осознаются как непроизводные, немотивированные, нечленимые на морфемы. В отличие от русских наименований, называющих данный «неприятный объект», они, во всяком случае на начальных этапах своего употребления, не имеют нежелательных коннотаций. Ср.: *канцер* вместо *рак*, *педикулез* вместо *вшивость*, *селадон* вместо *бабник* и под. Но даже и в тех случаях, когда иноязычное слово соотносимо с однокоренными словами, такое соотношение наталкивает не на те семантические связи, которые актуализованы в эвфемизме. Так, слово *либерализация* в контексте *либерализация цен*, хотя и соотносительно со словами *либеральный, либерал*, однако такое соотношение ничего не проясняет в том специфическом смысле, в каком существительное *либерализация* и глагол *либерализовать* применяются к ценам: речь идет фактически о повышении цен, но слова *либерализация,*

либерализовать удачно вуалируют этот неприятный для большинства людей факт. Характерны такие комментарии употребления этих иноязычных эвфемизмов:

*Последствия реформы обнаруживаются в виде иницируемой сверху гиперинфляции и беспрецедентного взвинчивания цен, почему-то **нежно называемого благозвучным именем** «либерализация» (Московский комсомолец, 02.02.1992).*

Сходную роль играют глагол *регулировать* и существительное *регулирование*, употребляемые применительно к ценам.

В качестве эвфемизмов часто выбираются такие иноязычные слова, которые либо многозначны, либо диффузны по своей семантике и поэтому приложимы к широкому классу объектов. Однако, будучи употребленным в роли эвфемизма, такое слово актуализует только один, достаточно определенный смысл. Ср. объявления в современной газете:

*На высокооплачиваемую работу приглашаются **девушки без комплексов** [имеются в виду потенциальные проститутки]; *Стройная, умная, молодая женщина ищет **личного спонсора**.**

Прилагательное *интимный*, определяемое в толковых словарях как «сокровенный, задушевный; глубоко личный» и сопровождаемое соответствующими примерами: «*И. друг. И. разговор. Интимные подробности чего-н.*» [СОШ 1997], в качестве эвфемизма употребляется применительно к половым отношениям. Во всяком случае, милицейские протоколы и некоторые другие жанры административно-юридических документов знают только такое употребление: *вступить в интимные отношения; находиться в интимной связи; оказывать интимные услуги за вознаграждение* (из милицейского протокола).

Эвфемизмы – иноязычные слова могут выполнять и определенные социально-психологические функции. Например, функцию предотвращения коммуникативного дискомфорта, даже (в определенном смысле) нанесения слушателю психологической травмы. Ср.: ... *острая почечная недостаточность в **терминальной стадии*** (ТВ, январь 1997 г.). Синонимичный оборот *в конечной стадии*, ввиду явно негативных коннотаций слова *конечный*, был бы таким травмирующим фактором.

Другой пример – переименование некоторых профессий. Оно может иметь целью повышение их престижа или сокрытие, вуалирование негативного впечатления от профессии при «прямом», неэвфемистическом ее обозначении. Ср.: *оператор машинного доения, оператор на бойне* (прежние названия *дояр, боец*), *контролер* вместо *надзиратель* (в тюрьме). Вот характерный пример:

Профессия Олега гораздо более романтическая и жизненная: он инструктор по случке собак. Олег, правда, обижается, когда его называют «вязальщиком», но ничего не имеет против киносексопатолога (Московский комсомолец, 08.02.1992).

Иноязычное слово часто воспринимается говорящими как символ книжности, учености, поэтому многие из этих слов считаются более престижными, чем «свои», русские. Это проявляется и при эвфемизации, поскольку слово-эвфемизм не только оказывается более или менее удачным камуфляжем для того или иного «неприятного» явления, но и как бы повышает его ранг, делает вполне респектабельным.

Оценочный компонент семантики иноязычного слова^[20]

1. Предварительные замечания

1) Иноязычная лексика по ряду характеристик занимает особое место в словаре. Я имею в виду не только и даже не столько формальные признаки иноязычности, которые обычно фигурируют при описании заимствованных слов (типа начальной буквы а, наличия в слове буквы *ф* и фонемы /ф/, зияния гласных – *аорта, поэма* и под., морфологической неизменяемости имен существительных и прилагательных: *кофе, дело, какаду, хаки* и т. п.), сколько восприятие иноязычных слов говорящими.

По-видимому, можно говорить о некоей отмеченности, выделенности иноязычного слова в языковом сознании говорящих по нескольким признакам. Во-первых, иноязычное слово связано с книжностью – книжной культурой, книжным стилем языка, книжной стилистической окраской. Во-вторых, вследствие иноязычности формы смысл слова для многих говорящих оказывается как бы зашифрованным, непонятным (или, во всяком случае, менее понятным, чем смысл своего,

русского). В то же время эта непонятность может служить символом недоступной учености, почему и речь, содержащая иноязычные слова, нередко расценивается как социально престижная. Это, однако, не мешает существованию в обществе оценки пристрастия к иностранным словам как признака псевдоучености, нелюбви к родному языку и т. д., а в крайних случаях увлечение иноязычной лексикой и терминологией рассматривается (в определенной социальной и культурной среде) как проявление чуждой идеологии. Словом, иноязычная лексика представляет собой такой лингвистический объект, в котором перекрещиваются самые различные, иногда противоречивые социальные оценки, сталкиваются мнения и страсти, которые порой уводят спорящие стороны далеко от языка – в область идеологии, политики, мировоззренческих разногласий.

Этот факт известен давно, и все писавшие о языковом заимствовании так или иначе его отмечали. Я напоминаю здесь о нем в связи с целью своей статьи: показать, что социальные оценки иноязычного слова далеко не всегда группируются вокруг слова (точнее, вокруг обозначаемого им понятия), даже не всегда создают стилистическую окраску или тот эмоциональный ореол, который окружает слово, – нередко они оказываются частью лексического значения, т. е. представляют собой определенный семантический компонент.

2) В связи с этим – второе замечание. Я придерживаюсь тезиса о структурированности лексического значения, т. е. о том, что значение слова в общем случае представляет собой структуру, в которой взаимодействуют разные слои смысла – собственно денотативный, «фондовый», оценочный ит.п. В соответствии с такой точкой зрения толкование слова (как аналог его значения) может содержать ассертивную часть и пресуппозицию, описание факта или ситуации действительности – и оценку этого факта (ситуации) говорящими (подробнее об этом см. в работах Ч. Филлмора и Ю. Д. Апресяна). Важно подчеркнуть, что такого рода оценка входит в значение: без ее учета

толкование оказывается неправильным (неадекватным тому смыслу, в котором понимают и употребляют языковую единицу носители языка).

3) Наконец, третье замечание. Оно касается разграничения понятий заимствования слова и его освоения в языке-реципиенте. Вопрос этот неоднократно обсуждался в литературе, и я, естественно, не буду излагать различных точек зрения. Для наших целей важна разница этих двух процессов в таком плане: при заимствовании слова, как правило, происходит сужение его лексического значения по сравнению с его смысловым потенциалом в языке-источнике (так называемый закон Поливанова); при освоении, которое может представлять собой более или менее длительный процесс, иноязычное слово может расширять свое значение, в частности становиться многозначным.

Оценочный компонент значения редко сохраняется таким же, каков он у слова в языке-источнике (однако такие случаи возможны; ср., например, слово *галиматья* и его французский прототип). Чаще оценка появляется у слов, которые в языке-источнике либо не содержали никакой оценки, либо эта оценка была «с другим знаком». Оценка в значении иноязычного слова может появляться как на этапе заимствования, так и на этапе освоения, причем в одном и том же слове это нередко разные оценки: одна появляется на этапе заимствования, другая – на этапе освоения; они могут сосуществовать, но могут и отрицать одна другую. В связи с этим хотелось бы привести одно высказывание В. В. Виноградова, которое относится вообще к слову, но в особенности применимо к слову иноязычному:

«Слово не только обладает грамматическими и лексическими, предметными значениями, но оно в то же время выражает оценку субъекта – коллективного или индивидуального. Само предметное значение до некоторой степени формируется этой оценкой, и оценке принадлежит творческая роль в изменениях значений» [Виноградов 1947: 18].

2.

Обратимся к анализу конкретного материала – иноязычных слов, заимствованных русским языком. Естественно, для того чтобы показать,

что оценка может составлять часть значения слова, необходимы толкования лексических значений или, во всяком случае, такое их описание, из которого было бы ясно наличие оценочного компонента в семантике иноязычного слова.

Оценка присутствует обычно в значениях предикатных слов, т. е. слов, имеющих актантную структуру. Она может относиться к субъекту действия, к самому действию, к объекту, на который действие направлено, и т. д. Общим здесь является то, что чаще всего оценочны по своему смыслу те иноязычные слова, которые обозначают человека и человеческие отношения или понятия, находящиеся в сфере человеческих отношений, вовлеченные в эту сферу. Начнем с наиболее бесспорных случаев.

2.1. Афера (фр. *affaire* 'дело') – «недобросовестное, мошенническое предприятие, дело, действие» [СО]; «рискованное предприятие с целью наживы; недобросовестное, темное дело» [МАС]; «жульническое предприятие, мошенничество; сомнительная сделка» [СИС 1987].

В этих толкованиях налицо оценочный компонент: он заключен в определениях 'недобросовестное, мошенническое, рискованное, темное', в существительных 'мошенничество, сделка', в обороте 'с целью наживы' (возможно, правда, что этот оборот, включенный в толкование, несколько огрубляет ситуацию: афера может и не преследовать непосредственно наживу – в виде денег, наследства и т. п., но она, по видимому, всегда связана с выодой для субъекта этого действия). Компоненты же толкований: 'предприятие', 'дело', 'действие' – составляют асертивную их часть; они повторяют те компоненты смысла, которые присутствуют в значении французского прототипа, тогда как оценочная часть – результат освоения слова на русской языковой почве.

2.2. Авантюра (фр. *aventure* 'приключение; происшествие'). Столь же рельефно проступает оценочный компонент и в значении слова *авантюра*. Современные словари дают этому слову следующие толкования: «беспринципное, рискованное, сомнительное по честности дело, предпринятое в расчете на случайный успех» [СО];

«беспринципное, рискованное предприятие; дело, начатое без учета реальных сил и условий, в расчете на случайный успех» [МАС]. В [МАС, БАС, СИС 1987], кроме того, отмечается и чисто номинативное, неоценочное значение этого слова: «приключение, похождение» (оно подтверждено примерами из литературы XIX в.), которое сейчас, вероятно, следует считать устарелым (следы его сохраняются в словосочетании-кальке *авантюрный роман*).

Оценочные компоненты можно также обнаружить и в толкованиях, которые даются современными словарями таким иноязычным словам, как *агрессия, ажиотаж, бравада, дебош, клика, кураж, помпа и помпезный, тоталитарный*, и ряду других.

Однако довольно многочисленны случаи такого описания иноязычных слов в современных толковых словарях, при котором оценка интерпретируется как эмоциональная или стилистическая окраска слова, как ироническое, шутливое и т. п. употребление его. Собственно же толкование подобных слов оценочного компонента не содержит. Вот несколько примеров.

2.3. Вояж (фр. *voyage* 'поездка, путешествие'). Это слово в словарях толкуется следующим образом: «устар. Поездка, путешествие» [МАС, БАС, СИС 1987]; «(устар., теперь чаще ирон.). Путешествие, поездка» [СО]. Судя по примерам, которые приводятся в [МАС] и [БАС], в XIX в. это слово сначала употреблялось безоценочно, в качестве книжного синонима слов *поездка, путешествие*, а затем, во второй половине XIX в., – в шутливо-иронических контекстах (ср. в [БАС] примеры из произведений Мятлева и Козьмы Пруткова), отражавших оценку говорящими обозначаемого этим словом действия (по его цели, характеру и т. п.).

В современном языке *вояж* – принадлежность преимущественно публицистического стиля, и здесь оно, безусловно, оценочно. Ср. контексты типа:

Вояж *натовского генерала;*

*Сей юный предприниматель любил дальние **вояжи** по городам и весям нашей необъятной родины. Из этих **вояжей** он возвращался*

нагруженный иконами, старинными подсвечниками, самоварами и тому подобным «антиквариатом», который сбывал отнюдь не по комиссионным ценам (из газет).

Несомненно, прав словарь С. И. Ожегова: в таком употреблении налицо ирония. Но она – следствие, а не причина.

Она возможна именно потому, что говорящий оценивает действие, обозначаемое словом *вояж*, и эта оценка входит в лексическое значение слова.

В соответствии с этим слово *вояж* должно быть истолковано примерно следующим образом: 'путешествие, поездка с неблагоприятными (с точки зрения говорящего) целями'. Это, как видим, оценка не самого действия, а скорее субъекта действия – его намерений, целей.

2.4. Амбре (фр. *ambre* 'амбровый, издающий запах амбры' – одно из двух значений слова; второе – 'янтарного цвета'; *амбра* – благовонное вещество органического происхождения; ср. также *ambrer* 'надушить'). Это слово представляет собой несколько иной случай по сравнению с предыдущим. В XIX в., т. е. непосредственно после заимствования, *амбре*, как свидетельствуют тексты и словари, употреблялось для обозначения приятного запаха, благовония. Ср. в словаре В. И. Даля: «Амбре, нескл., ср. Сорт духов из эссенции амбры с примесью других веществ. || Простонар. Вообще благовоние». В значении 'благовоние' (а также 'сорт духов') *амбре* устарело. Но возможно его ироническое потребление – применительно к дурному запаху, зловонию: *Там такое амбре – мне чуть плохо не сделалось!*. Это отмечают и словари. Но благодаря чему возможно ироническое использование этого слова? Благодаря отрицательной оценке, которую говорящий дает объекту – запаху. *Амбре* в этом случае – 'неприятный, с точки зрения говорящего, запах'. Оценка присутствовала в слове *амбре* и в его старом употреблении, но она имела знак «плюс» (приятный запах); в новом, современном употреблении плюс поменялся на минус (неприятный запах).

2.5. Респектабельный (фр. *respectable* 'почтенный, достойный уважения'). В контекстах типа *респектабельный господин*,

респектабельный вид это слово содержит оценку лица, относительно которого применяется эта характеристика: такое лицо должно не просто быть почтенным и вследствие этого вызывать уважение (такое понимание следует из имеющихся словарных толкований), но и отвечать определенным требованиям по своему внешнему виду, социальному положению, манере поведения и т. п. (вероятно, определение *респектабельный* неприменимо, например, к человеку, которого говорящий считает тщедушным, или неряшливо одетым, или «простоватым», или излишне суетливым, с размашистыми жестами, визгливым голосом и т. п.). Вопрос: должны ли эти требования в том или ином виде отразиться в самом толковании прилагательного или же это условия его сочетаемости? Возможно и первое, и второе решение этого вопроса, однако какое бы из них мы ни выбрали, суть его должна составить оценка характеризуемого лица говорящим. И она должна быть более подробной, чем та, которая содержится в словарных толкованиях (например, у С. И. Ожегова: «почтенный, достойный, вызывающий уважение»; ср., однако, несинонимичность сочетаний *респектабельный ученый* – *почтенный ученый*, возможность выражений *достойный поступок*; *поступок, вызывающий уважение*, и неправильность сочетания **респектабельный поступок*).

2.6. Шоу. Это сравнительно недавно заимствованное слово вошло в русский язык со значительно суженным значением (ср. англ. *show* 'показ; зрелище, спектакль; выставка; витрина; внешний вид; показная пышность, парадность' и др.), при этом одно из значений английского оригинала – 'показная пышность, парадность', – по всей видимости, послужило основанием для оценочного осмысления заимствования: с первых же случаев своего употребления *шоу* имело пейоративный смысл. Ср. такие примеры:

Еще за несколько дней до начала этого телевизионного шоу министр юстиции Роберт Кеннеди поспешил объявить показания Валачи сенсационными («Правда», 1 окт. 1963);

«Фламинго» [казино] завлекает «титанами шоу-бизнеса», которые увеселяют с рассвета до рассвета... («Неделя», 1964, №6),

а также частые в современных публицистических текстах сочетания типа *рекламное шоу, помпезное шоу* и под. Эта пейоративность иногда интерпретируется в лингвистических описаниях как «сниженная экспрессивная окраска» (см., например [Крысин 1968: 175]). Между тем, дело здесь в оценке говорящими того, что обозначается словом *шоу*, и сниженная экспрессивная окраска – следствие этой оценки.

Шоу в контекстах, подобных тем, что приведены выше, имеет приблизительно следующее значение: 'театральное, эстрадное или телевизионное представление, с точки зрения говорящего излишне парадное, пышное, преследующее пропагандистские, коммерческие и т. п. неблагоприятные цели'^[21].

2.7. Имидж (англ. *image* 'образ; изображение; подобие'). Слово имеет определенную специфику смысла и употребления по сравнению с его английским прототипом. Ср. такие контексты:

[Ив Монтан] *подырывает своему имиджу* этакого рубахи-парня и не устает повторять, что он знает, что такое «пристойная нищета», что он «солидарен с людьми, которые трудятся» («Литературная газета», 1984, 21 мар.);

Конечно, воздействие этих «масс-культурных» моделей, этих **имиджей** не дает нам исчерпывающего, полного объяснения... почему подобные типы [речь идет об одном из отрицательных эпизодических персонажей «Печального детектива» В. Астафьева] *плодятся с щедростью поганых грибов* («Литературная газета», 1986, 27 авг.).

Ассертивная часть толкования этого слова повторяет одно из значений английского оригинала ('образ'), но очевидно, что этим не исчерпывается значение заимствования: в приведенных контекстах ясно ощущается отрицательная оценка обозначаемого явления. Эта оценка, однако, весьма неопределенна и тонка и с трудом поддается «переводу» с уровня интуитивных ощущений на язык толкований. Рискну все же сделать такой перевод. Результат его вылядит примерно так: *У– имидж Х-а* ~ 'лицо Х воплощает себя в образе У, и говорящий отрицательно оценивает этот факт, считая У фальшивым, ложным ит.п.'^[22]

В основе оценки, которая может составлять часть лексического значения иноязычного слова, как правило, лежит определенный взгляд на вещи, угол зрения, под которым говорящий рассматривает данное явление, понятие, тот или иной предмет. Поэтому лексические значения, содержащие такую оценку, не могут быть правильно истолкованы без учета подобного угла зрения, аспекта. Проиллюстрируем это следующим примером.

2.8. Слово **бюст** во втором из двух своих значений определяется в современных толковых словарях как 'женская грудь' (см., например, [СО, МАС, СИС 1987] и др.). Помимо того, что указанными словарями не учитывается некоторая устарелость слова (в этом значении) для современного русского языка, приведенное толкование позволяет употреблять *бюст 2* в высказываниях типа **Молодая мать кормила бюстом ребенка*, что явно расходится с языковой нормой. Для того чтобы исключить подобное ошибочное словоупотребление, в толкование должен быть введен компонент, отражающий угол зрения на данный объект: *бюст* – это, разумеется, женская грудь, но с точки зрения строения женского тела (не с точки зрения функции). Кроме того, назвать *бюстом* можно, скорее, большую, высокую, пышную, крепкую и т. п. грудь, и менее вероятно применение этого слова к маленькой, исхудавшей, ссохшейся и т. п. женской груди. Иными словами, оценка объекта говорящими присутствует и здесь; она составляет коннотацию слова *бюст* (лингвистически содержательные замечания о значении слова *бюст* и его сочетаемости см. в статье [Иорданская 2004]).

3. Выводы

Оценка как тип содержательной информации об иноязычном слове может фиксироваться в его семантике, составляя компонент его значения, или же при описании условий употребления слова, его прагматики. Те или иные виды эмоциональной окраски слова, контекстно-стилистические особенности его употребления являются в этом случае следствием, вытекающим из наличия в семантике и прагматике слова оценочного компонента.

Словообразовательная активность иноязычного слова как один из критериев его освоения языком^[23]

Освоение иноязычного слова новой для него языковой системой – процесс постепенный и во многих случаях длительный. Достаточно часто иноязычные элементы так и остаются не до конца освоенными «чужаками»: например, они могут отличаться особенностями произношения (ср. несмягчение согласных перед [э] в словах типа *несессер, сеттер, темп* и под.), не включаются в систему падежного склонения (*депо, какаду, кофе, радио, такси* и под.), не имеют никаких производных. Последнее обстоятельство – отсутствие производных – особенно характерно для несклоняемых существительных и неизменяемых прилагательных, хотя здесь многое зависит от степени употребительности слова.

Если иноязычное слово адаптируется грамматической системой языка: существительные приобретают падежные и числовые формы, включаются в тот или иной класс по признаку грамматического рода, прилагательные приобретают словоизменительные свойства русских прилагательных, глаголы оформляются по образцу тех или иных глагольных классов и спрягаются по существующим в русском языке моделям, – то это, как правило, расширяет возможности образования производных от таких грамматически освоенных заимствований.

В докладе рассматриваются словообразовательные возможности слов, заимствованных русским языком в конце XX – начале XXI в.

Среди этих слов преобладают имена существительные^[24], а из них большая часть – склоняемые. Это, например, общественно-политическая лексика: *брифинг, импичмент, инаугурация, истеблишмент, популизм, саммит, спикер* и др., финансовая и экономическая терминология: *бартер, брокер, ваучер, дефолт, дилер, инвестиции, консалтинг, маркетинг, менеджер, менеджмент, монетаризм, приватизация, риелтор, спонсор, субвенция, франчайзинг* и др., технические термины: *дисплей, дигитайзер, драйвер, интерфейс, компьютер, ксерокс, модем, мониторинг, пейджер, принтер, сканер, телефакс, файл, хакер* и др., термины спорта: *армрестлинг, аэробика, бодибилдинг, боулинг,*

виндсёрфинг, допинг, кикбоксинг, могул, овертайм, скейтборд, сноуборд, фристайл и др., лексика таких сфер деятельности, как средства массовой информации, мода, шоу-бизнес, музыкальное искусство, кино, художественное творчество: *бутик, гламур, имидж, имиджмейкер, клип, клипмейкер, попса, промоутер, римейк, триллер, шоумен* и др., общебытовая лексика: *гамбургер, сауна, скотч, степлер, хот-дог, шоп-тур* и др.

Несклоняемые существительные немногочисленны, однако, несмотря на их грамматическую неосвоенность русским языком, они весьма употребительны: *евро, киви, кутюрье, ноу-хау, масс-медиа, паблисити, портфолио, профи, хиппи, шоу, ток-шоу*; из менее употребительных, но всё же встречающихся на страницах прессы, в теле- и радиоэфире: *боди, роялти, прет-а-портё, уоки-токи* и нек. др. Наибольшие словообразовательные возможности—у склоняемых существительных-неологизмов с согласным в конце основы. Они легко образуют относительные прилагательные с помощью суффиксов – *н(ый), – ов(ый), – ск(ий)*, например: *бартер – бартерный, ваучер – ваучерный, компьютер – компьютерный; маркетинг – маркетинговый, консалтинг – консалтинговый, допинг – допинговый; брокер – брокерский, риелтор – риелторский, спонсор – спонсорский*. Существительные, содержащие в своем составе суффикс *-изм*, образуют прилагательные с суффиксом *-истск(ий)*: *монетаризм – монетаристский, популизм – популистский*, существительные с основой на *-иј* – прилагательные с суффиксом *-онн(ый)*: *инвестиция – инвестиционный, приватизация – приватизационный, субвенция – субвенционный, деноминация – деноминационный* и т. п.

Некоторые из склоняемых существительных коррелируют с глаголами, либо образованными от этих существительных в русском языке (например, *компьютер – компьютеризовать, компьютеризировать*; ср. также разговорно-профессиональный глагол *ксерить* 'копировать что-либо на ксероксе', образованный с усечением комплекса *-окс* в иноязычной именной основе), либо заимствованными параллельно с однокоренным существительным (например, *сканер – сканировать*).

Среди перечисленных выше склоняемых существительных-неологизмов есть и такие, которые «неохотно» образуют производные. Это касается, например, слов с финальным компонентом *-мент*: *импичмент, менеджмент*. Они не имеют производных (однокоренное со словом *менеджмент* – *менеджер* – заимствовано параллельно, два эти слова не находятся в отношениях «производящее – производное»), хотя образование на их основе относительных прилагательных вполне вероятно. Большая часть названий новых видов спорта с финальным комплексом *-инг* также малоактивна в словообразовательном отношении: прилагательные типа *армрестлинговый, боулинговый, виндсёрфинговый* имеют статус лексических раритетов, встречающихся в узкопрофессиональном речевом обиходе.

При реализации словообразовательных возможностей иноязычного неологизма имеет значение не только характер его морфологической структуры и его грамматическая освоенность русским языком, но и то, насколько слово употребительно. Попадая в фокус социального внимания, делаясь частотным в средствах массовой информации и в речевом обиходе, некоторые новые заимствования могут порождать производные гораздо более активно, нежели структурно сходные с ними слова, которые, однако, не столь популярны.

Например, на основе термина *приватизация*, который был широко употребительным в 90-х годах XX в., создано целое словообразовательное гнездо^[25] производных: *деприватизация, реприватизация, приватизационный, приватизатор, приватизировать*. Похожая картина – с терминами *ваучер* (*ваучерный, ваучеризация, ваучеризировать*), *инвестиция* (*инвестиционный, инвестор, инвестировать, реинвестиция, реинвестировать*), *деноминация* (*деноминационный, денонинировать*) – ср. с этим слово с той же финалью, но, несомненно, более редкое – *инаугурация*, которое имеет лишь одно производное – прилагательное *инаугурационный*, но, например, не теоретически возможный глагол **инаугурировать*. Неоднократно отмечалась функциональная и словообразовательная

активность недавно появившегося слова *пиар*: *пиарить*, *пиарщик*, *пиаровский* и т. п.

Фактор коммуникативной актуальности слова, его широкой употребительности может оказаться сильнее фактора его грамматической неосвоенности: некоторые несклоняемые иноязычные существительные, попадая в активное употребление (иногда – лишь в определенной социальной среде), преодолевают свою грамматическую ущербность и образуют производные. Таково, например, слово *хиппи*, от которого в жаргонно-просторечной среде образовались такие производные, как *хипповый*, *хипповать*, *хиппарь*, *хиппист*, *хиппистка*, *хип-пушка*, *хиппизм*, *хиппня*, *хипповский* (см. [Юганов, Юганова 1997: 238-239]).

Иногда высокая частотность в речи неизменяемого имени способствует тому, что оно превращается в изменяемое. Так, англицизм *попс*, первоначально имевший в русском языке статус неизменяемого прилагательного (*музыка в стиле попс*), довольно быстро перешел в разряд склоняемых существительных, получив ударную флексию *-а* и включившись в парадигму имен существительных женского рода: *попса*, *попсы*, *попсой* ит.д. В таком статусе этот неологизм уже имеет производные, употребительность которых, правда, ограничена средой музыкантов, деятелей шоу-бизнеса: *попсовый*, *попсовик* (представитель массового, коммерческого искусства), *поп-сятина* [Юганов, Юганова 1997: 177-178].

Своеобразное противоречие между грамматической неосвоенностью иноязычного лексического элемента и его широкой употребительностью может в значительной степени сниматься в случае, когда такой элемент приобретает свойства словообразовательной морфемы. Это можно проиллюстрировать на примере слова *шоу*. В современном русском языке употребительно не только это несклоняемое существительное, но и сложения с ним: *шоу-бизнес*, *шоу-группа*, *шоу-программа* (включающие *шоу* слова *шоумен* и *ток-шоу* целиком заимствованы из английского языка – ср. *showman*, *talk show*).

В других случаях новые словообразовательные морфемы формируются на основе неизменяемых иноязычных прилагательных типа *ретро* (ср.: *стиль ретро – ретростиль*) путем вычленения повторяющихся комплексов из состава заимствований, однотипных по своей морфологической структуре, а также путем появления у полнозначного слова функций словообразующей морфемы. Так в русском языке наших дней появились иноязычные морфемы *аудио-* (*аудиокассета, аудиопродукция*), *видео-* (*видеофильм, видеопрокат*; ср. употребление *видео* в субстантивном значении: *Купили новое видео*), *рок-* (*рок-музыка, рок-опера*; ср. *музыка в стиле рок; На сцене – сплошной рок*), *панк-* (*панк-культура, панк-мода, панк-музыка*; ср.: *панки и представители других молодежных групп*) и нек. др. Эти морфемы пополняют быстро растущий ряд иноязычных морфем типа *авиа-, авто-, био-, гидро-, космо-, моно-, нейро-* (в иной интерпретации это – аналитические прилагательные: см. [Панов 1971]; см. также [Крысин 2001]); – *дром-, ман-, пат-, филия-, фоб* и др. Ср. также возникающие на наших глазах, совсем «свежие» словообразовательные комплексы *-мейкер* (наряду с состоящими из иноязычных компонентов словами типа *имиджмейкер, клип-мейкер, ньюсмейкер* нами зафиксировано полушутливое *слух-мейкер* – о том, кто распускает слухи), – *гейт* (ср. *уотер-гейт* и более поздние по времени *ирангейт, кремльгейт* и под.^[26]).

Таким образом, функциональный фактор оказывается более сильным, чем фактор структурный: при необходимости обозначить нечто с помощью словообразовательных дериватов язык преодолевает структурные ограничения, обусловленные недостаточной адаптацией иноязычного элемента к языковой системе.

Иноязычный термин в русском просторечии^[27]

1. В сознании большинства говорящих термин связан со специальными, научными или техническими, сферами использования языка. И действительно: каждая современная научная дисциплина при изучении своего объекта создает целые системы специальной терминологии, ни одна отрасль техники не в состоянии обойтись

общелитературным языком, не прибегая к специальным словам, оборотам, конструкциям. Целенаправленное, последовательное «конструирование» терминосистем, характерное для большинства областей знания и практики, является наиболее концентрированным выражением стандартизирующих и кодификационных усилий общества, направленных на регулирование объективно развивающихся языковых процессов.

Вместе с тем интегративные тенденции, свойственные многим современным языкам и обусловленные социальными причинами (размыванием резких границ между слоями и группами населения, миграционными процессами, «вертикальной» и «горизонтальной» социальной мобильностью людей и т. п.), ведут к интенсивному и многообразному взаимодействию различных подсистем национального языка.

С одной стороны, расширяется круг носителей литературного языка, поскольку получение среднего и высшего образования тесно связано с приобщением к литературно-языковой норме; всё более усиливается и без того мощное влияние литературной речи на некодифицированные сферы языка – диалекты, просторечие – через каналы средств массовой информации (прессу, радио, телевидение); вследствие популяризации научных и технических знаний, а также в результате внедрения многих достижений науки и техники в быт современного человека, понятия и термины, первоначально знакомые лишь узкому кругу специалистов, становятся употребительными в обиходной речи представителей самых разных слоев и групп (ср., например, широкую употребительность в современной бытовой русской речи химических терминов типа *полимеры, полиэтилен, пенопласт, хлорвинил* и под.).

С другой стороны, диалекты и просторечие, при их угасающей социальной и коммуникативной значимости в современных условиях, продолжают питать литературный язык новыми средствами, которые используются в качестве стилистически нейтральных, стилистически окрашенных или контекстно ограниченных единиц (ср. историю

«олитературирования» таких диалектных и просторечных по своему происхождению слов, как *буханка, глухомань, напарник, неполадки, показуха, проран, умелец, учеба* и под. – см. об этом в работах [РЯиСО; Калинин 1984: 29-32, 218; Крысин 1988; Львов 1964; Коготкова 1970, 1979] и др.

2. В данной статье нас будет интересовать лишь один из частных результатов многообразных процессов взаимодействия литературного языка и неcodифицированных подсистем русского языка, а именно – проникновение специальных, иноязычных по своему происхождению терминов в просторечие и особенности функционирования этих терминов в среде носителей современного просторечия.

3. Просторечие – наиболее своеобразная подсистема русского национального языка. Если территориальные диалекты и, тем более, литературный язык имеют прямые аналоги в других литературных языках, то у просторечия таких прямых аналогов нет: есть более или менее близкие соответствия, которые, однако, отличаются от просторечия по своим функциональным и структурным характеристикам. Например, в отличие от таких языковых образований, как *langue populaire* во французском, так называемый *general slang* в *American English*, *Halbmundart* в немецком, *obecná čeština* в чешском и т. д., которые являются функционально-стилистическими разновидностями соответствующих языков и, следовательно, могут использоваться всеми носителями этих языков, в том числе (при определенных речевых условиях) и литературно говорящими, – просторечие имеет своих носителей. Иначе говоря, это социально обусловленная подсистема национального языка.

Просторечие – это речь малообразованного городского населения, не владеющего нормами литературного языка (определения этой подсистемы русского языка см. в работах [Баранникова 1974, 1977: 60; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 23; Городское просторечие 1984: 5]. Просторечие реализуется главным образом в устной форме и в достаточно ограниченных, преимущественно бытовых ситуациях. Важным свойством носителя просторечия является его «монологсия» (в

отличие от диглоссии носителей литературного языка), то есть неспособность к кодовым переключениям в зависимости от ситуации общения.

В собственно языковом отношении просторечие характеризуется значительной пестротой коммуникативных средств и способов их использования, что вполне объяснимо: в этой подсистеме русского языка сосуществуют элементы, пришедшие из территориальных говоров, профессиональных и групповых жаргонов, заимствования из литературного языка (нет лишь заимствований из других языков: иноязычное заимствование как процесс просторечию «противопоказано»).

«Перемалываясь» в просторечии, разнородные по своим источникам элементы трансформируются: меняется их фонетическая и морфологическая структура, значение, их сочетаемость с другими элементами в речевой цепи. Вид и характер этих изменений нередко специфичны. В особенности это касается просторечной переработки «культурного» языкового материала, то есть слов, оборотов, синтаксических конструкций, идущих из речевого обихода носителей литературного языка.

4. Влияние литературного языка на просторечие проявляется в нескольких формах. Основные из них – это, во-первых, ситуативно обусловленное использование носителями просторечия литературных средств и, во-вторых, заимствование и регулярное использование слов и оборотов литературного языка.

При общении с литературно говорящими лицами, вообще при взаимодействии со средой, которую носитель просторечия оценивает как культурную, он нередко сознательно употребляет в своей речи лексические элементы, свойственные литературному языку. При этом, однако, поскольку носитель просторечия не владеет литературной нормой, эти элементы, как правило, претерпевают фонетико-морфологические и акцентные трансформации или же выступают в не свойственном им лексическом и стилистическом окружении.

Примеры таких трансформаций достаточно хорошо известны. Одним из первых лингвистически интерпретировал это явление В.В. Виноградов в работе, посвященной языку М. Зощенко. Приводя многочисленные примеры «переделок» книжного слова в устах зощенковских персонажей, он писал: «... клише книжной речи ломаются в своей семантике, попадая в не свойственный им контекст. Чаще всего происходит разрушение тех семантических соотношений, которые существуют в системе литературной книжной лексики и фразеологии, – путем их внелитературных сцеплений или путем морфологического преобразования» [Виноградов 1928: 66]; ср.:

*Будто вдруг на меня **атмосферой пахнуло**; Подхожу **демонстративно** к мельнику. – Так и так, говорю, теперь, говорю, вам, старичок, **каюк-компания**; В театре она и **развернула** свою **идеологию** в полном объеме; А хозяин держится **индифферентно** – ваньку валяет; А в кухне ихняя собачонка, **системы пудель**, набрасывается на потребителей и рвет ноги (из «Рассказов Назара Ильича господина Синебрюхова»).*

Ср. также наблюдения над современным просторечным использованием книжной, преимущественно иноязычной, лексики:

*Товарищ Иванов с **апогеем** рассказывал; Он говорил с **экспромтом**; Что нужно сделать, чтобы был **правильный дефект речи**? (примеры из книги Т. Г. Винокур [1980: 95]);*

*Сказали: надо обращаться **по дистанции** (вместо – по инстанции); Врач **константировал** ей лечиться в санатории (вместо 'советовал'); Они целый день **по матафону** музыку гоняют (имеется в виду магнитофон) и т. п.*

5. Процессы переименования, переделки литературных слов в особенности характерны для таких единиц литературного словаря, которые осознаются носителями просторечия как социально престижные, как символы культуры более высокой, чем их собственная. Иноязычные термины – наиболее яркий и типичный пример подобных символов.

Различные виды искажений в просторечии достаточно подробно описаны в работе А. Ф. Журавлева [1984]. Это, например, упрощение фонетической структуры слова (устранение зияний: *шпиён, радиво*; ассимиляция и диссимиляция гласных и согласных: *мармалад, карасин, анжанер, скапидар, левольвер, секлетарь, трамвай*; метатеза: *тубаретка, соше* (вместо *шоссе*); сокращение числа слогов в слове: *струмент, вакуироваться, ниверситет*); изменение его морфологических характеристик (отнесение слов мужского рода к женскому: *крыть крышу толью, занавески из тюли*, женского – к мужскому: *статуй* вместо *статуя* – или к среднему: *моё фамилие*; склонение несклоняемых существительных: *в пальте, без радива*), редукция лексического значения (например, тенденция к моносемичному употреблению таких слов, как *мотив, анализ, дисциплина, конституция* и под.) или употребление слова в специфическом, нелитературном значении (*куплет* – 'стихотворная строка', *квадратный* – 'прямоугольный', *инициалы* – 'имя и отчество') и т. п.

А. Ф. Журавлев не выделяет термины из всего корпуса иноязычной лексики. Между тем особый интерес представляет освоение просторечием именно специальной терминологии, поскольку в этом случае языковая единица из высокоорганизованной сферы литературного языка, где нормализация и кодификация являются определяющими факторами функционирования коммуникативных средств, переносится в сферу, которая вообще лишена какого-либо нормализующего и кодифицирующего начала. Кроме того, термин в общем случае, как известно, отличается строго определенным содержанием, однозначной соотнесенностью с понятием; в просторечии же весьма распространено явление диффузности, неопределенности значений многих слов, в особенности слов оценочных; ср., например, неоднократно отмечавшуюся размытость значений таких глаголов, как *шпарить, жарить, наяривать* и под.: *Дождь так и шпарит (жарит, наяривает)*; *Смотри, как он «Барыню» шпарит (жарит, наяривает)*; *Он на гитаре с утра до вечера шпарит (жарит, наяривает)*; *У них дочка по-английски с пяти лет шпарит (жарит, наяривает)* и т. п., а также

приводимые А. Ф. Журавлевым примеры неопределенного осмысления слов типа *атом, космос* (*Тоже без конца эти с атомом носятся; Вот погода-то! Это все космос* [Журавлев 1984: 120] и т. п.).

Кажется, что эти обстоятельства должны сказываться в характере просторечных трансформаций специального термина.

6. Наблюдения над использованием научных и технических терминов в современном просторечии показывают, что процессы переделки, касающиеся фонетической, морфологической и семантической структуры слова, сходны с теми, которые характеризуют освоение просторечием иноязычной лексики вообще. Вместе с тем наблюдаются и такие изменения, которые характерны для просторечной обработки именно специального термина. Речь идет прежде всего об изменениях в семантике слова.

Одно из таких изменений, наиболее специфичное и яркое, можно кратко охарактеризовать как персонификацию свойства. Суть его заключается в следующем.

Присущие человеку свойства, особенности его отношений с другими людьми и с окружающим миром, а также совершаемые им действия, процессы, в которых он участвует в качестве субъекта или объекта, и т. п. могут персонифицироваться: названия этих свойств, действий, процессов выступают как метонимические номинации данного лица.

Необходимо оговориться: метонимические переносы названия действия на его объект, инструмент или результат характерны и для других подсистем, в частности для литературного языка; ср.: *исследование колебаний* (действие) – *интересное исследование* (результат), *передача движения* (действие) – *велосипедная передача* (инструмент), *верстка текста* (действие) – *читать верстку* (объект), *реанимация больного* (действие) – *Больного отвезли в реанимацию* (помещение, где осуществляется это действие), *анализ мочи* (действие) – *У него плохие анализы* (результат действия) и т. д. (см. об этом [Апресян 1974, гл. 3]). Однако в тех случаях, когда надо обозначить лицо как носителя определенного свойства, литературный язык, даже в

разговорной своей разновидности, прибегает к аффиксальным способам (от слова, обозначающего свойство, с помощью того или иного аффикса образуется существительное со значением лица) или к заимствованию иноязычного элемента. Ср., например, именование лиц по чертам характера и склонностям (*весельчак, склочник, педант, интриган*), социальным, профессиональным, интеллектуальным и т. п. качествам (*властитель, умелец, мастер, виртуоз*), по принадлежности к определенному кругу лиц, обладающих теми или иными дифференциальными чертами (*валютчик, лимитчик, меломан, бизнесмен*), по различным отклонениям в поведении (*чудак, зануда, психопат*), по виду болезни, которой страдает данное лицо (*ревматик, язвенник, диабетик или диабетчик*), и т. п.

Просторечие также использует аффиксацию как способ образования имен лица по определенному свойству, присущему этому лицу (в особенности если в результате создается оценочное наименование: ср. слова типа *чудик, придурок, очкарик* и под.). Но наряду с этим оно активно пользуется прямым метонимическим переносом: название какого-либо из перечисленных выше аспектов человека и его свойств может становиться названием самого человека. При этом, как правило, такой перенос происходит в случаях, когда внутренняя форма наименования «непрозрачна» и поэтому непонятна носителю просторечия; наиболее характерны в этом отношении как раз иноязычные термины.

Например, в тех ситуациях, когда в разговорной разновидности литературного языка используется слово *лимитчик* ('лицо, приехавшее на работу в Москву из других районов страны и имеющее право на получение жилплощади из резерва, оставляемого для представителей дефицитных профессий'), просторечие наделяет личным значением само слово *лимит*: *В соседней квартире **лимит** живет; У **лимитов** еще один ребенок родился*. Ср. также *лимита*, употребляемое в современном просторечии с пейоративной окраской применительно и к совокупности лимитчиков, и к одному такому лицу: *Понаехала тут **всякая лимита!**; Эх ты, **лимита** несчастная!*

Термин *диабет* используется, помимо своего основного значения, и для называния лица, страдающего сахарной болезнью: *Это всё **диабеты** без очереди **идут*** (реплика у дверей процедурного кабинета).

Рентген в просторечии значит не только 'рентгеновский аппарат' (Мне *грудь рентгеном просвечивали*) и 'рентгеноскопия' (А тебе *рентген уже делали?*), но и 'врач-рентгенолог': *Она **рентгеном работает**; Дочка, это кто – не **рентген** по коридору-то сейчас **прошел?***^[28]

Термин *автоген* употребляется в просторечии не только в значении 'газовая сварка и резка металла' (*Там применяют автоген*) и 'аппарат для газовой резки и сварки металла' (*резать стальной лист автогеном*), в которых этот термин используется и в литературном языке, но и в значении 'лицо, профессионально занимающееся газовой сваркой и резкой; автогенщик': *У ей сын **автогеном** на заводе [работает]*. Ср. подобное употребление в просторечии и слов *автокар, бульдозер* и нек. др.: *Он в цеху **автокаром работает*** (вместо: *автокарщиком*); *У них **бульдозеры** знаешь сколь **получают!*** (в значении 'бульдозеристы') и т. п.

Показательно, что термины, «прозрачные» по своей морфологической структуре, в частности содержащие суффиксы неличного значения, не могут претерпевать в просторечии подобные семантические трансформации (так, носитель просторечия не скажет: *Он **электросваркой работает*** – в смысле 'он электросварщик').

Метонимическому переносу в просторечии могут подвергаться термины, в литературном употреблении обозначающие только множества или совокупности и не имеющие значения 'один элемент множества, совокупности'. Ср.: *Она вышла замуж **за контингента*** (в речи медсестры) – фраза, понятная лишь при описании соответствующей ситуации: совокупность пациентов, обслуживаемых спецполиклиникой, на «административно-медицинском» языке называется *контингентом*, ср.: *Этот больной принадлежит к контингенту лиц, обслуживаемых нашей поликлиникой*. Естественно, что, приобретя значение 'один из множества лиц', слово *контингент* попало в разряд одушевленных существительных (*вышла замуж **за контингента***). Ср. в речи

зощенковского персонажа: *А это кто, не **президиум** на трибуну вышедши?*

7. Приведенные примеры свидетельствуют о чрезвычайно свободном обращении носителей просторечия с иноязычной терминологической лексикой. Однако эта свобода – не следствие владения соответствующими понятиями, а, напротив, результат незнания их или весьма приблизительного представления об их содержании. Анормативный характер просторечия как определенной подсистемы русского национального языка делает возможным активизацию в нем таких видов метонимии, которые не встречаются в литературном языке (при переносном или расширительном употреблении специального термина).

Как уже было отмечено вначале, в наши дни социальная и коммуникативная роль просторечия сходит на нет. Поэтому возникает вопрос: заслуживают ли внимания исследователей явления, подобные тем, которых мы коснулись в этой статье? Отвечая на этот вопрос, надо иметь в виду, что при всей коммуникативной ущербности просторечие продолжает выступать как источник, питающий литературный язык новыми средствами выражения. Кроме того, некоторые модели, действующие в просторечной семантике, словообразовании, синтаксисе, со временем могут проникать в разговорную речь носителей литературного языка, активизируя системные языковые потенции и преодолевая сопротивление традиции и нормы. Оценке этих моделей с нормативно-литературной точки зрения (то есть: хороши они или плохи, «пускать» их в литературный оборот или не пускать и т. д.), как кажется, должно предшествовать их объективное изучение, учитывающее как общие тенденции развития русского языка и его подсистем, так и специфику взаимодействия кодифицированных и некодифицированных языковых образований в современных условиях.

Словари как компонент национальной культуры^[29]

Широко известно высказывание знаменитого французского писателя, блестящего стилиста Анатоля Франса: «Словарь – это вся Вселенная в алфавитном порядке». Это высказывание следует отнести

скорее к энциклопедическим, чем к словарям в обычном смысле этого слова – толковым, орфографическим и другим. Ведь «Вселенную», то есть мир **вещей**, описывают именно энциклопедии, а в словарях лингвистических содержатся сведения о **словах** – о том, что они значат, как склоняются или спрягаются, как пишутся и произносятся, как сочетаются друг с другом в предложении, и т.д.

Большинству людей, далеких от филологии, это существенное различие между энциклопедией и словарем или неизвестно, или кажется несущественным. Чаще всего именно энциклопедический справочник служит авторитетом, на который ссылаются во всех случаях жизни, идет ли речь, скажем, об устройстве какого-нибудь механизма или об особенностях звучания и употребления названия этого механизма. Если же и обращаются к словарям лингвистическим, то в лучшем случае подобным авторитетом служит словарь Владимира Ивановича Даля, который для многих остался единственным судьей в вопросах, касающихся русского языка.

Никто не станет спорить о несомненных достоинствах этого поистине великого филологического труда. Но он был составлен полтора столетия назад и с тех пор лишь переиздавался (правда, в третьем издании, которое вышло в начале XX в. под редакцией выдающегося лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ, – со значительными добавлениями^[30]). Неужто и язык наших дней мы должны оценивать критериями, которых придерживался великий собиратель русского слова?

За полтора столетия в отечественной лексикографии появилась масса словарей – толковых, орфографических, словарей правильного произношения и ударения, исторических, этимологических, словарей языка писателей и др. Достаточно назвать наиболее известные: четырехтомный «ушаковский» (изданный в 30-х гг. XX в. под редакцией Д. Н. Ушакова) «Толковый словарь русского языка» в 4-х томах, Большой (в 17-ти томах) и Малый (в 4-х томах) академические, однотомный словарь С. И. Ожегова и созданный на его основе также однотомный «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю.

Шведовой, многократно переиздававшиеся орфографический и орфоэпический словари, самый полный по числу зафиксированных слов современного русского языка «Русский орфографический словарь» под ред. В. В. Лопатина (1999 и 2005 годы издания), «Историко-этимологический словарь» П. Я. Черных, «Словарь языка Пушкина» и мн. др. Только за последние два-три года изданы десятки словарей разного типа, среди которых «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (СПб., 1998), «Толковый словарь русского языка конца XX в.» под ред. Г. Н. Складчиковой (СПб., 1998), регулярно переиздающийся «Толковый словарь иноязычных слов» Л. П. Крысина, «Новый объяснительный синонимический словарь» под ред. академика Ю. Д. Апресяна (М., 2004), «Орфоэпический словарь русского языка» (то есть словарь правильного произношения) под редакцией члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова – он выдержал несколько изданий и продолжает обновляться и переиздаваться), несколько словарей трудностей и «неправильностей» русского языка.

С горечью надо признать, что большая часть этого несметного словарного богатства не освоена и не осваивается не только «народными массами», но и интеллигенцией. Виноваты в этом и сами лингвисты, плохо пропагандирующие свою науку, и система образования и семейного воспитания. В школе лишь немногие учителя знают, как и зачем следует прибегать к помощи того или иного словаря, и делают это практически на уроках (да и не предусмотрено это действующей школьной программой). В большинстве семей есть в лучшем случае какой-нибудь двуязычный словарь, а орфографический, и тем более толковый, не говоря обо всех прочих, – уже редкость.

Между тем, ясно, что **культура обращения со словарем** должна закладываться и формироваться в детстве. Тогда и отношение к языку, и его использование в повседневной речевой практике не будут столь варварскими, как сейчас, когда даже в публичной речи коверкаются слова. Помимо набивших оскомину «нАчать», «углУбить», «привЕденный», «средствА» и под., можно даже по радио и с телеэкрана услышать рассказы о «ледяных *торсах*» (вместо: *торосах*) или «недюжих

усилиях» (вместо: *недюжинных*) и прочитав в весьма уважаемой газете сетования на то, что произошла *оберация* (! – имелась в виду, конечно, *абберация*, то есть ошибка, невольное отклонение от истины).

Если бы у журналиста, комментатора, телеведущего – а ведь они основные проводники литературной нормы в средствах массовой информации – была привитая еще в детстве привычка заглядывать в словарь, прежде чем делать сомнительные или неверные с точки зрения языковой правильности высказывания, то телезрители не узнали бы, что «*Сретенье* в переводе с древнегреческого (!) значит встреча» (на самом деле слово это исконно славянское, и корень в нем тот же, что и в слове *встреча*), что «*большая половина* дела уже сделана», что «на этом снимке *искусственно* запечатлен фрагмент боя» ит.п.

Разумеется, правительственным декретом любить словарь не заставишь. Нужна планомерная, кропотливая и систематическая работа (создание культуры, в том числе и культуры обращения с языком, как известно, вообще дело длительное, в отличие от ее разрушения). Можно говорить о нескольких направлениях, в которых эта работа может вестись.

Первое. Создание словарей разных типов и жанров, адресованных разным категориям пользователей – от журналистов и редакторов, использующих язык профессионально, до младших школьников. Естественно, «монополия» на словарную работу принадлежит лингвистам-лексикографам. Как и во всяком деле, словари должны составлять специалисты, а не дилетанты. Между тем, современный книжный рынок России наводнен сомнительной словарной продукцией, многочисленными пиратскими изданиями, к созданию и выпуску которых причастны люди, весьма далекие от филологии. Только один из многих примеров – мифический «Орфографический словарь русского языка» С. И. Ожегова, которым вот уже несколько лет завалены прилавки книжных магазинов и киосков. Хорошо известно, что знаменитый автор однотомного *толкового* словаря Сергей Иванович Ожегов, участвовавший в создании «Толкового словаря» под ред. Д. Н. Ушакова и скончавшийся в 1964 году, *орфографических* словарей никогда не составлял.

Второе. Издание таких словарей. Тиражи должны быть достаточными, а цена – доступной. Изданием словарей должны заниматься, разумеется, профессионалы. Немаловажен вопрос и о распространении уже изданных словарей: не секрет, что в наше время то, что публикуется в Москве или Петербурге, часто не доходит до других регионов России.

Третье. Пропаганда словарей в средствах массовой информации. Это дело лингвистов, работников издательств, теле-и радиожурналистов. В такой пропаганде нужна содержательная информация – о типе словаря, о том, на какого рода вопросы в нём можно получить ответ, – и недопустим тон коммерческой рекламы, не считающейся с реальными достоинствами и недостатками конкретного словаря.

Четвертое. Работу со словарями хорошо бы предусмотреть школьной программой по русскому языку. В учебники русского языка для средней школы надо ввести разделы, в которых рассказывалось бы как о разновидностях словарей и их предназначении, так и о том, как следует с ними обращаться, какие сведения о слове в каком словаре искать и т. д. Здесь уместна не только «лобовая» дидактика, но и разнообразные игровые формы, поскольку словарь – благодатная почва для словесных игр, для занимательных опытов и упражнений со словом.

Проблемы представления новых иноязычных заимствований в нормативных словарях^[31]

Интенсификация процесса заимствования в русском языке конца XX – начала XXI в. давно находится в поле внимания русистов. Высказываются различные мнения относительно количества и качества заимствуемых слов, особенностей их освоения, их уместности в речи, их взаимоотношений с исконной и ранее заимствованной лексикой, относительно оценки говорящими новых иноязычных слов и т. д. (см., например: [Тимофеева 1992, Костомаров 1993, Брейтер 1997, Крысин 1996, 2002] и мн. др.). Меньшее освещение получают вопросы, связанные с фиксацией иноязычных неологизмов в словарях.

Одними из первых (среди разного типа нормативных словарей) новую лексику фиксируют словари орфографические (см., напр.,

«Русский орфографический словарь» под редакцией В. В. Лопатина, М., 2005). И это понятно: нередко свежее заимствование имеет неустоявшееся правописание, допускает орфографические варианты (примеры общеизвестны: *дистрибьютер* – *дистрибьютор* – *дистрибутер* – *дистрибутор*, *ремейк* – *римейк*, *риэлтор* – *риелтор* – *риэлтер* – *риелтер*, *сэконд-хэнд* – *секонд-хенд*, *мини-маркет* – *минимаркет*, *масс-медиа* – *массмедиа* и т. п.; см. об этом более подробно [Нечаева 2004, 2005]), и речевая практика настоятельно требует, чтобы лингвисты нормализовали прежде всего орфографический облик слова.

Некоторое число иноязычных неологизмов попадает в словари орфоэпические – по сходным причинам: носителю языка следует сообщить, как надо произносить то или иное новое, но при этом достаточно употребительное заимствование (ср., например, вариативность произношения согласного перед [э] в словах типа *андеграунд*, *бассет*, *броузер*, *дезодорант*, *дианетика*, *лейбл*, *рейтинг*, *ретро*, *сервер*, *степлер*, *терминал* и др.). Надо сказать, однако, что в основном и наиболее авторитетном словаре-справочнике по произношению – «Орфоэпическом словаре русского языка», который регулярно переиздается, отсутствуют многие иноязычные заимствования, содержащие звукосочетания, нуждающиеся в кодификации. В частности, здесь нет многих слов с начальными *де-*, *дез-*, *ре-*, которые в одних словах произносятся с мягким согласным (*ревью*, *ремейк*), в других – с твердым (*деидеологизация*, *декомпрессия*, *делимитация*), а в третьих допускается и то, и другое.

Но не меньше трудностей у говорящих вызывают и значения иноязычных неологизмов, условия их употребления, сочетаемость с другими словами в составе предложения и т. п., и здесь помощь носителям языка призваны оказывать словари толковые. Вполне естественно, что среди разного рода толковых словарей наиболее оперативны в регистрации новых заимствований словари иностранных слов. Поскольку, однако, такой словарь призван сообщать пользователю информацию не только о написании слова, но и о его значении, происхождении, давать рекомендации, касающиеся его правильного

произношения, приводить примеры употребления слова в речи, ссылаться на близкие по значению лексемы и т. п., лексикографическая обработка слова в словаре иностранных слов – дело гораздо более трудоемкое, чем в орфографическом словаре. Составитель словаря иностранных слов сталкивается с рядом проблем, сопровождающих лексикографическую обработку иноязычного слова. Некоторым из них и посвящен данный раздел книги^[32].

Типовая словарная статья в современных толковых словарях содержит несколько видов информации о слове, составляющих своего рода зоны, в каждой из которых пользователь словаря находит сведения только одного вида: таковы, например, зоны толкования, грамматических форм, грамматических характеристик, произносительных рекомендаций, стилистических помет, лексической сочетаемости слова, текстовых иллюстраций его употребления и т. д. Зонный принцип организации словарной статьи позволяет представить сведения о слове в систематическом и при этом структурированном виде, благодаря чему не только легче усвоить эти сведения, но и увидеть сходства и различия слов в семантике, грамматических характеристиках, в сочетаемости с другими словами и иных свойствах^[33].

До сравнительно недавнего времени словари иностранных слов выпадали из общего процесса развития современной лексикографии, для которого характерно, с одной стороны, четкое разграничение филологических и энциклопедических словарей, а с другой, тенденция к объединению в одном лексикографическом издании информации как о лингвистических свойствах слова, так и о называемой им реалии. Словари иностранных слов по существу являлись фрагментами энциклопедий: в них сообщались сведения о предметах, понятиях, процессах, свойствах, а лингвистическая информация ограничивалась фиксацией правильного орфографического облика слова, места ударения в нем и справкой о его происхождении. «Толковый словарь иноязычных слов», вышедший в 1998 году, явился первым словарем филологического типа^[34], в котором на первом плане находится информация о свойствах слова, а сведения энциклопедического

характера играют подчиненную роль (подробнее об этом можно прочесть во вступительной статье к этому словарю).

1. Первая проблема, с которой имел дело составитель упомянутого словаря, – проблема словника. Естественно, она возникает при создании любого лексикографического труда, но у авторов словарей иностранных слов эта проблема имеет некую специфику – необходимо решать вопрос о включении в словарь новой, недавно заимствованной лексики, а это связано с определением ее нормативного статуса: вошло ли данное слово в широкое употребление, или же появление его в речи случайно? известно ли оно всем или, по крайней мере, многим носителям языка, или же мы имеем дело с заимствованием, которое обращается в узком кругу говорящих, ограниченном профессионально, социально или как-либо иначе (а если это так, то надо ли фиксировать в словарях общего типа профессиональные термины, жаргонные слова и т. п.)? каковы шансы данного слова остаться в языке, вступив в семантические, узуальные и стилистические отношения с уже существующими словами и послужив основой для образования производных? и т. д.

Отвечая на эти вопросы, составитель словаря вырабатывает некие критерии, позволяющие решить, какие слова-неологизмы заслуживают быть включенными в словарь, а какие могут быть (хотя бы на некоторое время) оставлены за его пределами. Эти критерии различны по своей природе; можно выделить по крайней мере три их типа: собственно языковые, коммуникативные и социально-психологические.

1.1. К собственно языковым критериям относятся, например, такие:

– необходимость разграничить содержательно близкие, но всё же различающиеся понятия; ср., например, ряды слов типа *дорога* – *шоссе* – *автострада* – *автобан* – *хайвей*; *переделка* – *римейк*; *исключительный* – *экслюзивный* ипод.; это часто бывает связано с тенденцией к специализации понятий – в той или иной сфере, для тех или иных целей; ср., например, пары типа *предупредительный* – *превентивный*, *убийца* – *киллер*, *представление* – *презентация* и под., эвфемистические, вуалирующие замены – например, в области

анатомии, физиологии, медицины (*педикункулес* вместо *вшивость*, *канцер* вместо *рак*, *анус* вместо *задний проход* и т. п.);

– тенденция к соответствию нерасчлененности, цельности обозначаемого понятия – нерасчлененности обозначающего: если объект наименования представляет собой одно целое (или, по крайней мере, он как целое мыслится носителями языка), то говорящие стремятся обозначить его одним словом, а не словосочетанием, или же заменить описательное наименование однословным; так появились в русском языке слова типа *компьютер* (заменившее прежнее *электронно-вычислительная машина*), *электорат* (по-русски: *совокупность избирателей*), *хайджекер* (по-русски: *угонщик самолетов*), *овертайм* (по-русски: *дополнительное время*) и мн. др.;

– наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, обслуживающих ту или иную тематическую область, профессиональную среду ит.п. и более или менее единых по источнику заимствования этих терминов: если такие системы есть, то вхождение в язык и укрепление в узусе новых заимствований, относящихся к той же сфере и взятых из того же источника, облегчается; наглядный пример – система обозначений, обращающаяся в вычислительной технике: эта сфера обростает всё новыми иноязычными (английскими по происхождению) номинациями, в том числе и мало оправданными с точки зрения коммуникативных потребностей – ср., например, замену слова *пользователь* термином *юзер* (англ. *user*) в профессиональном языке программистов.

Отбирая иноязычную лексику при формировании словника, составитель словаря учитывает и такой немаловажный фактор, как принадлежность слова к ядру или же, напротив, к периферии языковой системы. Ядро – это наиболее употребительные слова, принадлежащие литературному языку. В большей или меньшей степени удалены от ядра слова специальные, стилистически сниженные, просторечные, жаргонные, обценные^[35]. Естественно, в первую очередь в словаре фиксируется лексика ядерная, но и лексика периферийная также должна попадать в словарь, только при этом необходимо рассматривать

разного рода факторы, которые характеризуют то или иное слово: какую реалию оно обозначает, насколько оно употребительно, какова его стилистическая окраска, какова та социальная или профессиональная среда, в которой это слово чаще всего обращается, и т. д. Не может быть общего решения относительно целого слоя иноязычной лексики (например, терминологической или жаргонной): решение принимается относительно каждого конкретного слова.

1.2. К коммуникативным критериям надо отнести прежде всего потребность в наименовании новой вещи, нового понятия. Если такая потребность настоятельна и иноязычное слово хорошо ее удовлетворяет, то оно имеет шансы остаться в заимствующем языке и часто укореняется, дает производные, вступает в разнообразные отношения с другими словами и т. д.; ср., например, такие заимствования, появившиеся в русском языке в конце XX века: *гамбургер, грант, скейтборд, телефакс, хоспис, эвтаназия* и мн. др.

Можно усомниться, является ли этот критерий чисто коммуникативным – ведь в потребности как-то обозначить новую вещь, новое понятие сказываются и языковые, и социальные факторы: в языке надо найти соответствующие номинативные средства, а сама новая номинация должна получить одобрение большинства носителей данного языка. Это, несомненно, так. Но коммуникативный фактор, как кажется, играет ведущую роль: именно речевая коммуникация, общение людей невозможно без называния объектов общения.

Еще одним условием, способствующим освоению иноязычного слова в языке-реципиенте, является коммуникативная актуальность того понятия, которое обозначается этим словом. Например, многие понятия, относящиеся к таким сферам деятельности, как политика, экономика, средства массовой информации, спорт и нек. др., весьма актуальны в повседневной коммуникации не только специалистов, работающих в соответствующей сфере, но и в общении обычных носителей языка. Нередко эти понятия имеют иноязычные обозначения: *саммит, ваучер, дефолт, инвестиция, спонсор, шоу, пиар, армрестлинг, фристайл* и т. п.

Менее специализированные сферы и бытовая жизнь общества также могут характеризоваться коммуникативной актуализацией тех или иных понятий. Очевидно, что если определенное понятие затрагивает жизненно важные интересы людей, то и обозначающее его слово становится употребительным. Например, в современном российском обществе актуальны темы, связанные с разного рода уголовными преступлениями и нарушениями общественной морали: взяточничеством, убийствами, проституцией, наркоманией и т. п. Обсуждение этих тем не обходится, в частности, без употребления слов иноязычного происхождения (наряду с ними широко используются и жаргонизмы): *коррупция, коррупционер, киллер, путана, наркотик, наркоман, наркомания, наркокурьер, трафик* (путь, по которому переправляются наркотики) и др. Иноязычные неологизмы, которые обозначают коммуникативно актуальные понятия, естественно, должны рассматриваться как реальные или потенциальные элементы лексической системы заимствующего языка и, следовательно, как возможные единицы словника словаря иностранных слов.

1.3. Среди социально-психологических критериев, учет которых необходим при рассмотрении шансов иноязычного неологизма на вхождение в язык, интерес представляет такой фактор, как престижность иноязычного слова по сравнению с исконным или ранее заимствованным и обрусевшим. Как кажется, этот фактор оказывает определенное влияние на активизацию употребления таких слов, как *презентация* (вместо *представление*), хотя здесь имеется и некая семантическая причина: *презентация* – это торжественное представление чего-либо (фильма, книги и т. п.); *экслюзивный* (вместо *исключительный*), которое, правда, легче укладывается в некоторые контексты, чем его русский синоним: ср. *экслюзивное интервью* при сомнительности оборота *исключительное интервью*, – и это обстоятельство, по-видимому, влияет на живучесть иноязычного слова; *консалтинг* – в контекстах типа «Фирма осуществляет *консалтинг*» – вместо более обычного, русифицированного, хотя и образованного от той же иноязычной основы, слова *консультирование*, и нек. др.

Большая социальная престижность иноязычного слова, по сравнению с исконным, вызывает иногда явление, которое может быть названо повышение в ранге: слово, которое в языке-источнике именуется обычным объектом, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному и т. д. Так, французское слово *boutique* значит 'лавочка, небольшой магазин'; будучи заимствовано русским языком, оно приобретает значение 'магазин модной одежды'; примерно то же происходит с английским словом *shop*: в русском языке название *шоп* приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами (обыкновенный продмаг *шопом* никто не назовет); *слаксы* – это не просто 'широкие брюки' (как в английском), а 'модные широкие брюки особого покроя'. Английское *hospice* 'приют, богадельня' превращается в *хоспис* – дорогостоящую больницу для безнадежных больных с максимумом комфортных условий, облегчающих процесс умирания. Итальянское *puttana* 'шлюха, потаскуха' дает в русском *путану* – 'валютную проститутку' и т. д.

Такое «повышение в ранге» может способствовать укреплению слова в заимствующем языке.

2. Еще одна группа проблем, которые должен решать составитель словаря иностранных слов, касается видов информации о словах, включаемых в словарь. Поскольку словарная статья организуется по отмеченному выше зонному принципу, то эти проблемы нагляднее всего обсудить в соответствии с зонами словарной статьи.

2.1. Первая из них – «вход» в словарную статью, то есть само заголовочное слово. Обычно оно дается в своей исходной форме: склоняемое существительное – в именительном падеже единственного числа, прилагательное – в форме единственного числа и мужского рода, глагол – в форме инфинитива ит.д. – и отмечается знаком ударения. Какие неясности возникают здесь?

2.1.1. Во-первых, они могут касаться орфографического облика слова. Чаще всего составитель словаря иностранных слов следует за орфографическими словарями, в которых дается нормативное написание

слова. Однако в тех случаях, когда неологизм еще не зафиксирован орфографическим словарем, приходится принимать самостоятельное решение по поводу написания этого неологизма. Кроме того, бывают случаи, когда автор словаря иностранных слов корректирует рекомендации составителей словарей орфографических.

Проиллюстрируем сказанное двумя примерами.

В современном русском языке увеличивается число иноязычных слов, которые, помимо своего употребления в качестве самостоятельной лексемы, выступают как словообразующие элементы – в виде первой части сложных слов типа *бизнес-класс*, *секс-услуги* и под. Написание большей части таких слов кодифицировано, а именно дана рекомендация об их дефисном написании (см., например, [РОС 2005]). Некоторые же случаи требуют кодификации, поскольку они не вполне аналогичны только что приведенным словам. Это касается тех сложных образований с участием иноязычных элементов, в которых первая часть не употребляется в качестве самостоятельного слова; как писать: *грин-карта* или *гринкарта*? *нюс-рум* или *нюсрум*? *веб-сайт* или *вебсайт*? *масс-медиа* или *массмедиа*? Следуя в целом той орфографической форме, которую имеет соответствующее слово в языке-доноре, составитель словаря всё же учитывает и речевую практику носителей языка-реципиента и, кроме того, существующую в этом языке орфографическую традицию написания сложных слов.

Второй пример касается написания слова *гексаген*. В «Толковом словаре иноязычных слов» это слово дается именно в таком написании – с «а» во втором слоге, в отличие от последних изданий «Орфографического словаря русского языка» и [РОС 1999], где рекомендуется писать это слово с «о»: *гексоген*. Аргументация в пользу первого написания такая.

В русском языке давно утвердилась греческая по происхождению морфема *гекса-* (от греч. *hex* 'шесть', в сложных словах *hexa...* 'шести...'), вычленяемая в таких терминах, как *гексахлоран* и *гексахорд*. Эта морфема входит в ряд аналогичных морфем, соответствующих именам других числительных древнегреческого языка: *тетра-* 'четырёх...' (ср.

тетралогия, тетрациклин, тетраэдр, тетрагональный), пента- 'пяти...' (ср. *пентагон, пентаграмма, пентаметр, пентатлон, пентахорд*), гепта- 'семи...' (ср. *гептахорд, гептатоника*), окта- 'восьми.' (ср. *октаэдр, октаподы*). Все эти морфемы, как видим, пишутся с буквой *-а* в финальной части. Откуда же *гексОген*?

«Словарная» история этого термина, по-видимому, такова.

Первоначально он был зафиксирован в «Политехническом словаре», и авторы этого словаря ошибочно интерпретировали гласный во втором слоге термина как соединительный (как в русских сложных словах типа *пароход*). Составители «Орфографического словаря» (а затем и [РОС 1999]) просто перенесли термин из «Политехнического словаря», сохранив его написание, так как излишне доверились специалистам в области взрывчатых веществ. А когда журналистам понадобилось использовать на страницах газет этот до недавних пор совершенно не знакомый им химический термин, они сверились с орфографическими словарями как непререкаемыми авторитетами по части написания всех слов, употребляющихся в русском языке, и без всяких колебаний стали писать и печатать *гексоген*. Во втором издании «Русского орфографического словаря» (см. [РОС 2005]) указана этимологически правильная форма – *гексаген*.

2.1.2. Во-вторых, в иноязычном слове, которое служит входом в соответствующую словарную статью, должно быть указано нормативное ударение. Поскольку словники словарей иностранных слов обычно не совпадают со словниками словарей орфоэпических, дающих рекомендации относительно норм ударения, у составителя словаря иностранных слов могут возникать вопросы по поводу акцентуации тех или иных иноязычных лексем (в особенности новых, недавно заимствованных и еще не зафиксированных другими словарями), и решать эти вопросы он должен самостоятельно.

Основным критерием здесь служит произношение слова в языке-источнике: как правило, в заимствовании должно сохраняться то же место ударения, что и в слове-прототипе: *докумэнт* – в соответствии с латинским *documentum*, *партёр* – в соответствии с французским *parterre*,

пaблúсити – в соответствии с английским *publicity*, *сúлос* – в соответствии с испанским *silos* и т. п. (в процессе употребления слова в языке могут случаться и отклонения от этого правила, но речь сейчас не о них, так как нас интересуют прежде всего иноязычные неологизмы, которые еще не имеют традиции употребления в языке-реципиенте). Тем не менее, при словарной фиксации иноязычных неологизмов могут возникать вариативные или даже неправильные рекомендации относительно ударения в слове.

Акцентная вариантность может объясняться тем, что в качестве источника заимствования с равной вероятностью можно назвать два языка, в которых соответствующее слово имеет разное место ударения. Таково, например, слово *тандем*: оно могло быть заимствовано и из французского языка, где *tandem* имеет ударение на втором слоге, и из английского, где *tandem* произносят с ударением на первом слоге. В соответствии с неединственностью источника заимствования и в русских словарях слово *тандем* дается с вариативным ударением: *та́ндем* и *та́ндем* (иное дело, что в русском языке один из акцентных вариантов – с ударением на втором слоге – в процессе употребления сделался более употребительным).

Пример ошибочной акцентной рекомендации: указание «Толковым словарем иноязычных слов» места ударения в слове *гастарбайтер* – на третьем слоге, тогда как в соответствии с оригиналом в этом этимологически сложном слове ударным должен быть второй слог: *гаста́рбайтер*. Зная это, автор словаря, тем не менее, руководствовался наиболее частотным произношением этого слова в современной речевой практике именно в форме *гастарбайтер*. Однако более правильным решением в данном случае было бы указание вариативного ударения (что и сделано в 6-м издании этого словаря).

2.3. В зоне произношения «Толковый словарь иноязычных слов» дает рекомендации относительно фонетического облика того или иного заимствования. Эти рекомендации касаются лишь таких сторон его произношения, которые специфичны для фонетики иноязычных слов. Главным образом они касаются произношения твердого или мягкого

согласного перед фонемой (э) в таких словах, как *агрессор, крем, тезисы, претензия, тенденция, несессер* и под., сохранения [о] в неударной позиции в словах типа *болеро, боа* и под., запрета на произношение «лишнего» согласного в словах типа *инцидент, компрометировать, прецедент* и немногих других явлений. Некоторые из этих рекомендаций актуальны и для новых заимствований, фиксируемых словарями иностранных слов: ср. произношение таких сравнительно недавно заимствованных слов, как *бойфренд, брейн-ринг, бренд, дефолт, клипмейкер, плеймейкер, ньюсмейкер, ньюсрум, ноутбук, попкорн, ри-мейк, секонд-хенд, сервер, фитнес, хот-дог* и др.

2.4. В зоне грамматических форм сообщается примерно та же информация, которая дается в толковых словарях: флексия родительного падежа склоняемых существительных, родовые окончания; указываются также вариативные формы – например, варианты форм именительного множественного некоторых существительных мужского рода: *инспéкторы, – ов* и *инспекторá, – óв*; *скрэперы, – ов* и проф. *скреперá, – óв* и т. п.

2.5. В зоне грамматических характеристик обсуждаемый словарь в основном следует за толковыми словарями, но есть и некоторые отличия. В частности, впервые в практике составления толковых словарей при существительных (как склоняемых, так и несклоняемых) последовательно указываются помета *одуш.* и «сдвоенная» *одуш.* и *неодуш.*, которые ориентируют пользователя словаря на правильное употребление соответствующего слова в винительном падеже. В большинстве случаев такое употребление не вызывает трудностей, но для ряда слов, в особенности для более или менее малоупотребительных терминов и для несклоняемых существительных, эта помета нетривиальна: ср., например, слово *анчоус*, которое может употребляться и как одушевленное, и как неодушевленное существительное (*ловить анчоусов, но есть анчоусы*), слова типа *леди, рефери*, которые должны согласовываться в винительном падеже с прилагательными-определениями так же, как согласуются определения со склоняемыми существительными: *пригласили двух леди* (ср.:

пригласили **двух** дам), На ринге мы увидели **известного** рефери (ср.: ... **известного** судью).

2.6. Сведения об этимологии иноязычного слова занимают отдельную зону. Неологизмы последних лет попадают в русский язык почти исключительно из одного источника – из английского языка в его американском варианте, поэтому особых трудностей с этимологизацией неологизмов не возникает. Трудности могут появляться в тех случаях, когда английский язык играет роль языка-посредника: он питает русский язык не только собственным лексическим материалом, но и словами, взятыми из других языков. Например, слово *бутик* попало в русский язык не прямо из французского (ср. фр. *boutique* 'небольшой магазин, лавка'), а через посредство английского, где оно в процессе освоения было «повышено в ранге» и обозначает магазин, торгующий модными товарами.

2.7. В зоне стилистических помет особую роль играют пометы, указывающие на сферу преимущественного употребления данной лексической единицы. Это касается главным образом специальных терминов. Среди неологизмов доля терминов достаточно высока, поэтому пометы типа «мед.», «инф.» (термин информатики), «полит.», «спорт.», «эк.» (термин экономики) и др. весьма частотны: они сопровождают подачу в словаре, например, таких сравнительно недавно заимствованных терминов, как *бодибилдинг*, *брокер*, *валеология*, *дайвинг*, *дефолт*, *дисплей*, *дотировать*, *инвестиция*, *могул*, *провайдер*, *саммит*, *сканер*, *фристайл* и т. п.

2.8. Одной из самых важных зон словарной статьи в «Толковом словаре иноязычных слов» (как это следует и из самого названия словаря) является зона толкований. Принципиально она мало чем отличается от зоны толкований в обычных толковых словарях, однако доля энциклопедических сведений о реалии, называемой данным словом, здесь больше, чем в толковом словаре общего типа. Это объясняется спецификой описываемого лексического материала: иноязычное слово в большинстве случаев менее известно пользователю языка, чем исконно русское, поэтому оно требует пояснений не только с

точки зрения собственно смысла, но и с точки зрения той вне-языковой действительности, фрагмент которой слово обозначает. В особенности это относится к малознакомым словам-неологизмам. Так, например, толкования слов *блокбастер, боди-арт, диоксин, Интернет, мультимедиа, прайм-тайм, толлинг, Уотергейт* и мн. др., помимо собственно семантической информации, содержат и некоторые сведения энциклопедического характера (о природе самого объекта или понятия, о сфере его распространения или применения, принципе действия и т. п.); подробнее об этом см. наст. изд., с. 113-119.

2.9. Зона иллюстраций – в виде словосочетаний, речений — особенно актуальна для лексикографического представления неологизмов, поскольку у носителей языка трудности могут возникать как раз при употреблении иноязычного неологизма в тексте, при его соединении с другими словами в составе предложения.

2.10. Наконец, финальная зона словарной статьи в «Толковом словаре иноязычных слов» содержит семантические аналоги данного слова, то есть слова, близкие (но не синонимичные) по смыслу. Например, группу аналогов составляют все иноязычные названия спортивных игр с мячом (*баскетбол, волейбол, гандбол, поло, пушбол, регби, футбол*), съездов и собраний (*конгресс, конференция, семинар, симпозиум, форум*), разного рода вложений капитала (*дотация, инвестиция, кредит, субвенция, субсидия*) и т. п. Иноязычный неологизм, попадая в русский язык, нередко «встраивается» в такую группу аналогов, обнаруживая определенную общность с ними в семантике: ср., например, сравнительно недавно заимствованные экономические термины *дилер, дистрибьютор, трейдер*, которые вместе с другими терминами образуют группу аналогов (*брокер, джоббер, дилер, дистрибьютор, маклер, риелтор, трейдер*). Словарная статья каждого из этих слов содержит в зоне аналогов все остальные слова, относящиеся к данной группе.

3. В заключение следует сказать, что в процессе заимствования новых иноязычных слов и специальных терминов происходит перестройка семантических отношений (синонимических,

антонимических, конверсных и др.) между существующими в языке обозначениями, с одной стороны, и словами-неофитами, с другой. Словарь, фиксирующий заимствования, должен, естественно, реагировать на все эти изменения и представлять их в виде определенной информации в той или иной зоне словарной статьи иноязычного слова.

Сведения о произношении иноязычного слова в толковом словаре^[36]

Приспособление иноязычного заимствования к фонетической системе заимствующего языка – одна из сторон укоренения слова на новой для него языковой почве. В отличие от передачи заимствуемого слова графическими средствами языка-реципиента, то есть фактически «мгновенной» замены одной графики на другую (для русского языка это, в большинстве случаев, замена латиницы на кириллицу), фонетическая адаптация иноязычного слова – процесс более или менее длительный. Не так уж редки случаи, когда норма заимствующего языка в течение десятилетий допускает произносительные и акцентные варианты – типа [тэ]ррор – [т'э]ррор, [со-нэт] – [сон'эт] – [санэт] – [сан'эт], мизёрный – мизерный, мэркетинг – маркэтинг и под. Вопрос о том, как произносится то или иное иноязычное слово, для говорящих весьма актуален, поскольку он напрямую связан с реализацией главной функции языка – коммуникативной – и с культурой звучащей речи.

Сведения о произношении слова (не только иноязычного) носитель языка может почерпнуть из орфоэпических словарей, а также из некоторых толковых (например, из словаря С. И. Ожегова и из словаря С. И. Ожегова – Н. Ю. Шведовой). Однако словники первых, как правило, не покрывают всех случаев, когда произношение того или иного слова вызывает сомнения, а в толковых словарях информация о произношении слов дается несистематически. В словарях же иностранных слов, где, казалось бы, и надо искать ответы на вопросы о том, как произносится то или иное заимствование, до сравнительно недавнего времени сведения о произношении слов (как и многие другие типы лингвистической информации) вообще отсутствовали.

В данной статье используется материал «Толкового словаря иноязычных слов» (см. [Крысин 1998]). Словарная статья в этом словаре разделена на 11 зон, в каждой из которых дается один тип информации об иноязычном слове. Это, например, сведения о грамматических свойствах слова, о его этимологии, о стилистических характеристиках, о значении (или значениях), о словообразовательных возможностях и др. (о том, как представлены эти типы лексикографической информации об иноязычном слове, см. в работах [Крысин 1995, 1997, 1998а, 2003], а также в предыдущей статье). Среди зон словарной статьи есть и такая, которая содержит сведения о произносительных особенностях слова. Главным образом, это такие особенности, которые связаны со смягчением/несмягчением согласного перед фонемой (э) (и ее позиционными вариантами), с сохранением [о] в неударной позиции (в словах типа *боа*), а также с местом ударения или с наличием дополнительного ударения (как в недавних заимствованиях типа *бодибилдинг, саундтрек, маунтбайк, Уотергейт* и под.).

Орфоэпические рекомендации в рассматриваемом словаре могут касаться произношения иноязычной лексемы в целом или отдельных ее форм (например, только косвенных падежей существительного). По своему характеру эти рекомендации подразделяются на три типа.

1. Указание на нормативное произношение слова или словоформы. Это указание обычно дается тогда, когда в слове имеются произносительные черты, в той или иной мере отклоняющиеся от регулярных орфоэпических правил. Сведения такого рода записываются непосредственно после заглавного слова в квадратных скобках. При этом для удобства читателя знаки фонетической транскрипции почти не используются; исключение составляют знаки основного и дополнительного ударения над гласным, а мягкое или твердое произношение согласного перед /э/ обозначается соответственно сочетаниями «согласный + е» и «согласный + э» (как это давно делается в практике составления орфоэпических словарей). Например:

АБСЕНТЕИЗМ [сэнтэ]; **ИНТЕРНЕТ** [тэ, нэ]; **ИРРЕДÉНТА** [рэдэ];
МЕДРЕСÉ [рэсэ]; **СÉПСИС** [сэ]; **ЭНÉРГИЯ** [нэ]; **ЭСТЕТИЗМ** [тэ].

К этому типу произносительных помет относится и указание на допускаемые нормой варианты – если они не различаются своими стилистическими или какими-либо иными характеристиками, например: **ПРЕТЭ́НЗИЯ** [тэ] и [те]; **ПАРАМНЕЗИ́Я** [нэ] и [не]; **ТЕРАПЕ́ВТ** [те] и [тэ]. При этом порядок приводимых вариантов значим: идущий первым вариант – основной, а идущий вторым – допустимый (тем самым, в приведенных примерах произносительные варианты пре[тэ]нзия, парам[нэ]зйя, [т'э]рапевт являются основными, а варианты пре[т'э]нзия, парам\нсэ]зйя, [тэ]рапевт – допустимыми в пределах существующей орфоэпической нормы). То же касается вариантов ударения в словоформах и вариантов самих этих словоформ: первым указывается более предпочтительный, с точки зрения нормы, акцентный вариант, например: **ИНСПЕ́КТОР**, – а, мн. инспекторы, – ов и инспектора, – ов.

Поскольку заглавное слово, по общим правилам составления лингвистических словарей, дается со знаком ударения, сведения, касающиеся акцентной нормы, содержатся в самой форме заглавного слова. Если норма допускает два варианта ударения, то оба указываются в заглавном слове: **БА́ЗИЛИ́КА; МИ́ЗЭ́РНЫЙ; МА́РКЕТИ́НГ**. Если слово, помимо основного, имеет дополнительное ударение, то оба ударения фиксируются в заголовочной форме: **БО́ДИБИ́ЛДЕР; БО́ЙФРЭ́НД; ПЭ́РИНАТОЛО́ГИЯ; СЭ́КОНД-ХЭ́НД**.

2. Указание на вариативное произношение, связанное со стилистическими или социальными различиями. Это указание, касающееся главным образом ударения, записывается (а) сразу после заглавного слова, если особенность произношения касается всей лексемы, например: **КО́МПАС** [у моряков: компáс]; **ФЛЮОРОГРА́ФИЯ**, проф. **ФЛЮОРОГРАФИ́Я**; (б) после словоформы или словоизменительных флексий, если особенности произношения характеризуют отдельные формы слова, например: **ДУБЛЯ́Ж**, дубля́жа и проф., прост. дубляжа́; **СКРЕ́ПЕР**, а, мн. скре́перы, – ов и проф. скреперá, – óв.

3. Запретительные пометы. Они даются в квадратных скобках после слова или после словоформы и указывают на наиболее

распространенные ошибки в произношении, например: **МУЗÉЙ** [не: зэ]; **ИНЦИДÉНТ** [не: инциндéнт]; **КИЛОМÉТР** [не: килóметр]; **ПЕРТУРБÁЦИЯ** [не: перетурбáция, перетрубáция]; **БРЕЛÓК**, брелóка [не: брелка]; **ФИКСÁЖ, -áжа** [не: фиксажá].

При необходимости сочетать два (или более) типа таких указаний о произношении слова или словоформы сначала дается рекомендуемый вариант произношения или ударения, затем указание на стилистически или социально отмеченный способ произношения и запрещающая помета, например: **КАУЧУ□К**, – чúка [*проф.* каучукá; не: кáучук]; **ПАРТÉР** [тэ; не: пáртер].

В выборе тех или иных орфоэпических рекомендаций автор опирался главным образом на последние издания «Орфоэпического словаря русского языка» под ред. Р. И. Аванесова, поскольку этот словарь – общепризнанный авторитет в области нормативного произношения. Важное его достоинство заключается, в частности, в том, что он фиксирует произносительные, акцентные и грамматические варианты, не предлагая, в отличие от некоторых других современных словарей и справочников, жестких рекомендаций, расходящихся с реальной картиной русского литературного произношения.

Однако далеко не всегда этот словарь может служить опорой для орфоэпических рекомендаций при составлении словарей, содержащих иноязычную лексику. Словник его невелик, в нем отсутствуют, в частности, и весьма частотные в современной речи иноязычные слова. Например, в 6-м издании словаря (1997 г.) нет слов *бойфренд, дефолт, гастарбайтер, граффити, Интернет, клипмейкер, маркетинг, ноутбук, ньюсмейкер, принтер, провайдер, промоутер, римейк, секонд-хенд, секс-шоп, сервер, сканер* и мн. др., которые представляют определенные трудности в их произношении и тем самым нуждаются в нормативных орфоэпических рекомендациях. Кроме того, справедливости ради надо сказать, что некоторые рекомендации, содержащиеся в этом словаре и касающиеся иноязычных слов, расходятся с современной речевой практикой. Так, в слове *крем* указываются как равные произносительные варианты с [рэ] и [р'э], причем вариант с твердым [р]

дается первым. Варианты *батуд* и *батут* даются именно в таком порядке, хотя, по-видимому, первый вариант устарел (во всяком случае, в спортивной прессе и в речи самих спортсменов употребляется только вторая форма: *батут, на батуте, соревнования по батуту* и т. д.). Акцентная форма *кэ́та*, вероятно, давно вышла из употребления, вытесненная формой с конечным ударением, которая, однако, в указанном словаре дается лишь как допустимая (ср. также варианты *ло́сось – лосóсь*: словарь дает как предпочтительную первую акцентную форму, тогда как в современной литературной речи явно преобладает форма с ударением на втором слоге).

Словом, для того чтобы «Орфоэпический словарь» сохранил свой авторитет в области норм современного литературного произношения, он нуждается в значительном расширении словника и в изменении некоторых нормативных установок, касающихся, в частности, иноязычных слов. В этом случае он может служить еще более надежной опорой для составителей словарей иного типа при выработке ими орфоэпических рекомендаций.

Об одной модели грамматического освоения иноязычных слов^[37]

В русском языке имеется некоторое число несклоняемых прилагательных типа *модерн, плиссе, ретро*, которые уже на почве заимствованного их языка наряду с атрибутивным развили субстантивное значение (которое грамматически оформляется как существительное мужского или, чаще, среднего рода). Ср.: *юбка плиссе* (= плиссированная) – *плиссе замялось* (= плиссировка); *Мебель в стиле модерн – Я не гонюсь за модерном; Песни в духе ретро – Сейчас мода на всякое ретро.*

Подобное совмещение атрибутивного и субстантивного значений отражено в виде соответствующих грамматических помет и толкований в современных толковых словарях (см., например, [СОШ 1997]).

Субстантивное значение может развиваться также у иноязычных наречий. Особенно характерны в этом отношении музыкальные термины типа *крещендо*. Ср.: *Это место в музыкальной пьесе играет крещендо – У него получилось такое потрясающее крещендо!*

Так же «устроены» термины *адажио, аллегро, аллегretto, анданте, андантино, аппассионато, арпеджио, вибрато, виваче, глиссандо, граве, декрещендо, деташе, диминуэндо, дольче, кантабиле, ларго, легато, ленто, маэстозо, модерато, пиано, пианиссимо, пиччикато (пиццикато), ритенуто, рубато, стаккато, сфорцандо, сфорцато, форте, фортиссимо.*

А. А. Зализняк последовательно характеризует эти термины и как наречия, и как несклоняемые существительные среднего рода [Зализняк 1977]. В других словарях совмещение наречного и субстантивного значений отмечается от случая к случаю, чему, впрочем, способствует узкоспециальный характер употребления этих терминов^[38].

В толковых словарях рассматриваемые термины, как кажется, должны иметь единую схему описания: сначала толкуется наречное значение, а затем, с использованием элементов первого толкования или со ссылкой на него, – субстантивное значение. Например:

АДА́ЖИО. 1. нареч. Медленно, протяжно (о темпе исполнения музыкальных произведений). *Вашу пьесу надо играть адажио.* **2.** сущ. нескл., с. Музыкальное произведение или часть его в таком темпе. *Замечательное адажио из балета Чайковского «Лебединое озеро».*

ПИЧЧИКА́ТО, ПИЦЦИКА́ТО. 1. нареч. Об игре на струнном музыкальном инструменте: извлекая звук щипком пальцев. *Попробуйте исполнить это место пиччикато.* **2.** сущ. нескл., с. Музыкальное произведение, исполнение которого основано на этом приеме. *Скрипача попросили исполнить еще одно пиччикато.*

СТАККА́ТО. 1. нареч. О звуках в пении и при игре на музыкальных инструментах: отрывисто, отдельно друг от друга. *Трудно будет эту мелодию спеть стаккато.* **2.** сущ. нескл., с. Фрагмент музыкального произведения, исполняемый таким образом. *В этой пьесе несколько чудесных стаккато*^[39].

Почему разумно принять именно такую схему словарного описания обсуждаемых терминов? По двум (по крайней мере) причинам – этимологической и узуальной: этимологически слова *аллегро, анданте, граве, престо* и др. – наречия (именно таковы их итальянские прототипы); в музыкальной литературе все они употребляются прежде

всего как наречия, а как существительные реально используются лишь некоторые. Производность субстантивного значения, по сравнению с наречным, и должна быть отражена в порядке толкования этих значений.

Подобная логика построения словарной статьи неизменяемых иноязычных слов, совмещающих в себе разные значения и принадлежащих к разным частям речи, должна быть применена и к описанию некоторых лексем из других тематических групп. Приведу лишь один (но весьма неординарный) пример.

Слово *альяфуршет* совмещает в себе наречное, атрибутивное и субстантивное значения: *завтракали аляфуршет* (наречие) – *завтрак аляфуршет* (неизменяемое прилагательное) – *Был организован великолепный аляфуршет* (склоняемое существительное).

Первым должно толковаться наречное значение (во-первых, соответствующее грамматическому статусу французского *a la fourchette* и, во-вторых, более употребительное из трех), затем атрибутивное (как первая ступень семантико-грамматической производности). Субстантивное значение, в котором слово получило словоизменительные характеристики и даже утратило начальный комплекс *алья-* (сейчас в субстантивном значении чаще употребляется слово *фуршет*: *Прием закончился фуршетом*), то есть продвинулось на пути грамматической адаптации в русском языке, – описывается в заключительной части словарной статьи этого слова.

Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре^[40]

В современном русском языке наблюдается процесс вторичного заимствования иноязычных слов: наряду с ранее заимствованным и ассимилированным в языке словом появляется слово, по форме совпадающее с ранее заимствованным, но имеющее иное значение, вплоть до полной омонимии.

Вот примеры иноязычных слов, вторично заимствованных русским языком в конце XX века.

Наряду со словом *пилот* в значении 'специалист, управляющий летательным аппаратом' [СОШ 1997: 518], заимствованным из

французского языка, вероятно, в самом начале XX в., в конце XX в. появилось *пилот* в значении 'спортсмен, управляющий высокоскоростным спортивным транспортным средством (гоночным автомобилем, бобом – в бобслее, катом – в картинге ит.п.)' – в соответствии с тем же значением слова *pilote* во французском языке, где это значение появилось раньше, чем в русском. Ср.: «*pilote* – **4.** водитель (автомашины и т. п.)» [НФРС: 820]; в словаре [Petit Robert 1973: 1305] приводится также пример *locomotive-pilote*, то есть 'ведущий гонщик' (в автомобильных, велосипедных и т. п. соревнованиях).

Новейшим заимствованием является также слово *пилот* в значении 'пробный выпуск печатного издания', употребительное главным образом в профессиональной среде журналистов. Это значение слова появилось под влиянием англ. *pilot*, которое среди своих многочисленных значений имеет и такое: «**7.** разг. 1) пробное мероприятие; мероприятие, проводимое в виде опыта 2) пробная, экспериментальная постановка (*пьесы, оперы, балета* и т. п.) 3) пробный показ спектакля в провинции (до показа в столице, крупном городе) 4) = *pilot film* [пробная серия многосерийного фильма]» [НБАРС, II: 689]. Ср. также *пилотный* в новом значении 'пробный': *пилотный проект, пилотное исследование, пилотный выпуск журнала* ит.п. – это значение у русского прилагательного появилось также под влиянием английского языка, где прилагательное *pilot* имеет, в частности, значение 'пробный, экспериментальный' (это значение реализуется, например, в уже приведенном сочетании *pilotfilm*, а также в словосочетаниях *pilot ballon* 'пробный шар', *pilot plant* 'опытная, экспериментальная установка', *pilot study* 'пробное, экспериментальное исследование' и под., см. [НБАРС, II: 689, 690]).

Новым для русского языка является употребление слова *формат* в значении 'характер, вид, форма' (*Встреча глав европейских государств прошла в обновленном формате; Новый формат передачи телевизионных новостей*) – под влиянием англ. *format* в том же значении; ср.: «**3.** характер, форма, вид: the format of a conference план, «сценарий» конференции.., **4.** форма записи или представления информации»

[НБАРС, I: 805]; ранее, в конце XVIII – начале XIX вв. (см. [Современный словарь... 2000: 827], это слово было заимствовано из немецкого языка в значении 'вид, размер печатного издания, тетради, листа'.

Термин *директория* в информатике обозначает справочник файлов со ссылками на расположение их для поиска операционной системой компьютера; термин заимствован из английского, где *directory* также является (в одном из значений) компьютерным термином; ср. ранее заимствованное русским языком из французского *Директория* (фр. *Directoire*) – первоначально для обозначения коллегиального органа исполнительной власти во Французской республике в 1795-1799 гг., а затем и для именованя некоторых контрреволюционных правительств во время Гражданской войны 1917-1922 гг. в

России и на Украине; и в том, и в другом случае заимствования восходят к средневековой латыни, где *directorium* значило 'управление, руководство'.

Слово *конференция* известно в русском языке примерно с конца XVIII в. в значении 'совещание представителей каких-либо общественных, профессиональных и т. п. групп по тем или иным вопросам'. В конце XX в. оно начинает употребляться в специализированном «спортивном» значении 'спортивный союз, спортивная ассоциация' (*Хоккейная команда из западной конференции*) – несомненно, под влиянием англ. *conference*, которое в американском варианте английского языка имеет как раз такое значение (наряду с другими). Возможно иноязычное влияние также в возникновении спортивного термина *легионер* 'игрок в составе футбольной, хоккейной и т. п. команды, приглашенный из команды другой страны' – по-видимому, как «незаконное» производное от *league* 'лига' (поскольку в словах *лига* и *легионер* – этимологически, семантически и фонетически разные корни^[41]), но возникло это производное значение у русского слова *легионер*, а не у англ. *legionary*, которое таким значением не обладает.

Слово *резюме*, заимствованное русским языком из французского в середине XIX века (см. [Современный словарь... 2000: 655]) и

употребляющееся с тех пор в значении 'краткий вывод из сказанного, написанного' (напр., *резюме доклада*), в последнее время стало употребляться в еще одном значении: 'краткая автобиография с характеристикой деловых качеств, представляемая кандидатом на какую-либо должность, участником какого-либо конкурса ит.п.' [Крысин 2005: 661]. Это новое значение представляет собой семантическую кальку соответствующего значения многозначного английского слова *resume* 'краткая биография (представляемая кандидатом на должность)' [НБАРС, III: 81]. В английском языке это слово – также результат заимствования из французского, но указанное его значение развилось уже на английской языковой почве – во французском прототипе *résumé* это значение словарями не отмечается: см., например [Petit Robert 1973; НФРС]. (Подробнее о влиянии семантики иноязычных слов на семантику слов русского языка – исконных и заимствованных – и о возникновении семантических калек см. [Крысин 2002].)

Критерии, которые позволяют квалифицировать то или иное слово именно как вторичное заимствование, а не как естественное семантическое развитие ранее заимствованного слова, преимущественно узувальные и экстралингвистические. Например, необходимо принимать во внимание, в какой сфере деятельности впервые появилось новое употребление уже известного слова, в какой стране и в каком языке, в какое время и т. д. Однако не может быть сброшено со счетов и собственно лингвистическое соображение: насколько органичным вылядит то или иное значение как результат семантического саморазвития слова, появления в нем вторичных смыслов. Если объяснить возникновение нового значения как результат семантического развития слова затруднительно (как в приведенных выше примерах), то необходимы поиски источников, в том числе иных языков, которые могли повлиять на появление слова с таким значением.

Решению вопроса о том, что перед нами – вторичное заимствование или еще одно, естественно развившееся новое значение ранее заимствованного иноязычного слова, помогает тот факт, что у формально одного и того же слова в его разных значениях нередко

бывают разные источники заимствования (может быть и один, общий язык-источник, но время заимствования – разное: см. выше пример со словом *пилот*). Так, слово *монстр* наряду с традиционным отрицательно-оценочным значением 'чудовище, урод' (в этом значении слово заимствовано из французского языка) в последнее время приобрело значение положительно-оценочное 'нечто чрезвычайно значительное, выдающееся' (напр., *монстры кинобизнеса* – о самых крупных и мощных кинокомпаниях) – несомненное влияние семантики английского слова *monster*: ср. «monster – **З.** что-л. громадное. ~ ship громадный/огромный корабль.» – [НБАРС, II: 470]; в американском сленге слово *monster* употребительно также в значении 'наркотик, действующий на центральную нервную систему' – см. [АРСАС: 301; Chapman 1975: 282].

Иногда на различие в языках – источниках заимствования указывают те или иные (обычно небольшие) расхождения в фонетическом облике первоначально и вторично заимствованных слов. Так, наряду со старым заимствованием *транспарант*, пришедшим из французского языка (фр. *transparent* 'прозрачный'), по-видимому, в середине XIX в. (см. [Современный словарь. 2000: 750]), и производным от него прилагательным *транспарантный*, в конце XX в. появляется слово *транспарентный*, которое в словарях описывается следующим образом: **«ТРАНСПАРЕНТНЫЙ** [англ. *transparent* прозрачный, явный, очевидный] – *полит., дипл.* О политической позиции, концепции ит.п.: не содержащий секретов и недомолвок, «прозрачный» для других» [Крысин 2005: 787]; см. также фиксацию слова *транспарентность* в [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003: 651] в значении 'отсутствие секретности, доступность любой информации', без каких-либо ограничивающих стилистических помет. При этом и ранее заимствованное, и новые слова восходят к одному источнику – латинскому языку, где *tr?ns* означает 'сквозь, через', а *p?rere* – 'появляться' (в [Современный словарь. 2000: 751] в качестве второй части этимона указано латинское причастие *paratus* 'подготовленный, готовый', производное от глагола *parare* 'подготовить, готовить', что, по-видимому, маловероятно, так как делает затруднительным установление

семантической связи и слова *транспарант*, и нового заимствования *транспарентный*, и их французского и английского прототипов с латинским источником).

После рассмотрения этих примеров зададимся вопросом: как описывать в толковом словаре вторичные лексические заимствования при условии их полного формального совпадения с ранее заимствованными словами – как омонимы или как значения многозначного слова?

Как кажется, необходимо различать лингвистическую квалификацию того или иного слова (либо как вторично заимствованного, либо как приобретшего новое значение в русском языке), с одной стороны, – и практику подачи подобных фактов в толковом словаре, с другой.

Для выяснения языковой сущности нового лексико-семантического явления, несомненно, важно понимать, в каких случаях мы имеем дело с процессом саморазвития языка, а в каких – с иноязычным влиянием. В первом случае мы должны констатировать появление нового значения у ранее заимствованного слова; во втором, когда связь между традиционным и новым значениями трудно объяснить действием механизмов возникновения полисемии, а соответствие нового заимствования определенному иноязычному прототипу, напротив, очевидно, – речь должна идти о вторичном заимствовании.

При словарном же описании «двойного» лексического заимствования действуют те же принципы, что и при подаче всех прочих слов: если в толковании разных смыслов одного слова имеются общие семантические компоненты, то эти смыслы должны интерпретироваться как разные значения многозначного слова; если общих семантических компонентов нет, то соответствующие смыслы должны описываться как омонимичные (и, следовательно, одно и то же по форме слово необходимо давать в толковом словаре в виде омонимов).

Обратимся к приведенным выше примерам.

Два значения слова *пилот*: 1) 'специалист, управляющий летательным аппаратом' и 2) 'спортсмен, управляющий

высокоскоростным транспортным средством' – в толковом словаре скорее всего должны описываться в рамках одной словарной статьи, поскольку у этих значений есть общие семантические компоненты: 'лицо', 'управлять', 'транспортное средство'. Слово же *пилот* в значении 'пробный выпуск печатного издания' должно составить отдельную словарную статью, поскольку в его значении нет ни одного компонента, который совпадал бы или пересекался с семантическими компонентами слова *пилот* в его личных значениях. Прилагательное *пилотный* также должно описываться в разных словарных статьях, то есть как *пилотный*¹ и *пилотный*², поскольку первое имеет значение 'относящийся к пилоту, пилотам' (при обозначении этим словом лица), а второе – 'пробный' (полное несовпадение значений, их омонимия).

Разные значения слова *формат* могут быть описаны в одной словарной статье, так как семантические компоненты 'вид, форма' являются общими для разных значений этого слова (ср. *формат бумажного листа* и *формат телевизионной передачи*).

Указанные выше разные значения слова *резюме* имеют общий смысловой компонент 'краткий' (ср.: '**краткий** вывод из сказанного, написанного' – '**краткая** автобиография с характеристикой деловых качеств, представляемая кандидатом на какую-либо должность, участником какого-либо конкурса ит.п.');

на этом основании лексикограф вправе описывать эти значения в рамках одной словарной статьи (что и сделано в словарях [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003] и [Крысин 2005]).

Слово *конференция* естественнее описывать в виде двух словарных статей, поскольку смыслы 'совещание представителей каких-либо общественных, профессиональных и т. п. групп по тем или иным вопросам' и 'спортивный союз, спортивная ассоциация', не имея общих семантических компонентов, явным образом омонимичны. То же самое касается и слова *монстр*: два смысла – 'чудовище, урод' и 'нечто чрезвычайно значительное, выдающееся' – не имеют общих семантических компонентов, и следовательно, перед нами – два омонима, словарное описание которых должно даваться в виде двух

разных словарных статей. В значениях слов *директория*¹ и *Директория*² также нет ничего общего, и словари совершенно обоснованно дают эти слова как омонимы: см., например [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003: 205; Крысин 2005: 260]^[42].

Место энциклопедической информации в лингвистических словарях^[43]

1. Совмещение в одной словарной статье лингвистического словаря собственно языковой и энциклопедической информации противоречит традиционной дифференциации всей словарно-справочной литературы на лингвистическую и энциклопедическую. (В свое время эта дифференциация возникла как реакция на неразличение в словарях и справочниках сведений о слове и сведений о называемой словом вещи на ранних этапах существования лексикографии). Но факты такого совмещения в современном словарном деле налицо; они отражают весьма распространенное среди лексикографов стремление дать в одном словарном описании максимально полное представление и о слове, и о реалии, обозначаемой этим словом.

В современной лексикографии наблюдаются две противоположные тенденции – к созданию универсальных словарей и к созданию словарей профильных (по другой терминологии – специализированных). К универсальным принадлежат такие продукты лексикографического труда, которые содержат самые полные сведения о слове, начиная с его орфографии и кончая описанием коммуникативных и прагматических условий его использования в речи. Профильными считаются такие словари, которые описывают какой-либо один вид характеристик слова: например, его произношение (орфоэпические словари), написание (орфографические словари), этимологию (этимологические словари), синонимические отношения с другими словами (словари синонимов) и т. д.

2. И в тех и в других словарях, помимо информации о слове, могут содержаться более или менее пространные сведения о вещи, называемой словом (то есть сведения энциклопедического характера).

Однако наиболее уместны такие сведения в словарях первого типа – вследствие принятой в них концепции универсальности описания слова.

3. Тенденция к целенаправленному объединению в одной словарной статье сведений и о слове, и о стоящей за ним реалии наметилась достаточно давно. Одними из первых демонстративно отступили от традиции (деления словарей на лингвистические и энциклопедические) авторы «Толково-комбинаторного словаря русского языка», которые признали недостаточность подачи в лингвистическом словаре только информации о слове, полагая, что «правильное употребление слов в значительной мере определяется тем, каким образом данный язык расчленяет действительность на куски и в каких типовых картинах представляет ее. В связи с этим стали возникать словари «реалий», «речевого этикета» и другие подобные, а в некоторых толковых словарях появилась минимальная энциклопедическая информация, создающая вокруг слова тот культурный и ассоциативный фон, без которого невозможно его корректное использование и понимание» [Мельчук, Жолковский 1984: 73]).

При описании лексики в статьях «Толково-комбинаторного словаря» лингвистический и энциклопедический типы информации четко разграничиваются: они даются в разных зонах словарной статьи. Большая ее часть занята сведениями о значении слова, о его модели управления, об ограничениях на выражение актантных связей и на сочетаемость разных актантов в предложении, о лексических функциях и т. д., а особая зона содержит «указания на разные виды и разные стадии того объекта или процесса, который обозначается ключевым словом, основные способы поведения этого объекта или процесса, его разновидности ит. п.» [Мельчук, Жолковский 1984: 92]. Например, в словарной статье ВЕТЕР описаны виды ветров по географическому характеру местности (*бриз, муссон, пассат* и др.), по тому, в какой части мира они дуют (*свежак, сиверко, сарма, трамонтана, самум* и др.), по направлению (*норд, норд-ост, зюйд, зюйд-вест* и др.), охарактеризованы способы наблюдений над ветром. Очевидно, что подобная информация

не нужна для того, чтобы правильно склонять слово *ветер*, образовывать от него числовые формы или словообразовательные производные, но она необходима для идиоматичного употребления в речи и этого слова, и тех слов, которые обозначают разные виды ветра.

4. В других толковых словарях, созданных в более позднее время, чем «Толково-комбинаторный словарь», место размещения энциклопедических сведений не определено однозначно. Эти сведения могут и занимать отдельную зону, и следовать непосредственно вслед за толкованием, и помещаться в каких-то других местах словарной статьи. Однако принцип совмещения в лингвистическом словаре и чисто языковой, и энциклопедической информации остается весьма популярным.

5. В качестве примера того, каким образом сведения о реалиях сочетаются со сведениями о грамматических, семантических, стилистических и иных характеристиках слова, сошлюсь на опыт работы над «Толковым словарем иноязычных слов» [Крысин 1998].

Хорошо известно, что среди иноязычных заимствований значительное место занимает специальная терминология, а также слова малоупотребительные, известные далеко не каждому носителю заимствующего языка. Во многих случаях оказывается, что обычное толкование слова, аналогичное тому, которое дается в толковых словарях, недостаточно для полного представления как о самой реалии, так и об условиях употребления слова, обозначающего эту реалию. Поэтому в дополнение к толкованию указываются сведения о функциях называемого словом объекта (машины, механизма, прибора и т. п.), особенностях его предназначения, сфер применения, об истории того или иного понятия, о месте его в культуре породившего его народа и в культуре, заимствовавшей и само понятие, и его имя, и т. д.

Например, толкуя слово *ацетилен*, составитель словаря не ограничивается указанием на то, что это – органическое соединение, являющееся бесцветным газом, но и сообщает способы получения этого газа: «АЦЕТИЛЕН... хим. Органическое соединение – ненасыщенный углеводород алифатического ряда: бесцветный газ, получаемый

действием воды на *карбид* кальция, а также *крекинг*ом и *пиролиз*ом метана» (с. 94; курсивом выделены слова, которые получают в рассматриваемом словаре толкования на своих алфавитных местах).

А вот как описывается во 2-м издании (2000 г.) цитируемого словаря сравнительно недавнее заимствование *уотергейт*:

«УОТЕРГЕЙТ... полит. 1. с прописной буквы. Политический скандал, вызванный раскрытием того факта, что во время подготовки к президентским выборам 1972 года представители правящей республиканской партии США пытались незаконно установить подслушивающую аппаратуру в отеле «Уотергейт», где располагалась штаб-квартира демократической партии (в ходе этого скандала вскрылись многочисленные факты *коррупции*, лжесвидетельства ит. п., и президент Р. Никсон под угрозой *импичмента* вынужден был в 1974 г. уйти в отставку)» (с. 854).

Столь пространное описание позволяет понять мотивы возникновения и переносного значения этого слова, которое употребляется уже как нарицательное существительное:

«2. перен. Вообще какой-н. политический скандал, вызванный вскрывшимися фактами неблаговидного поведения (тайной слежки, подкупа, коррупции и т. п.) представителей верховной власти». (Как известно, комплекс *-гейт*, вычленившийся из этого слова, впоследствии стал продуктивной словообразовательной морфемой, давшей такие производные, как *иран-гейт*, *кремльгейт*, *моникагейт* и под. – см. об этом [Земская 1992: 52].)

Эти два примера – иллюстрация того, что энциклопедическая информация может включаться в само толкование и составлять довольно значительную его часть.

В скрытом виде энциклопедические сведения иногда присутствуют даже в иллюстративных примерах, сопровождающих толкование; например:

«ТРИПЛЁТ... 1. физ., хим. Система, состоящая из трех частей. *T. элементарных частиц. T. нуклеотидов*» (с. 715; из этих примеров мы

можем заключить, что в виде триплетов существуют элементарные частицы и нуклеотиды).

Энциклопедические сведения могут также быть фрагментом этимологической справки (которая в стандартном случае содержит лишь указания на слова-прототипы, послужившие источником данного заимствования, то есть имеет статус лингвистического, а не энциклопедического описания):

«**ФИА́КР...** [фр. *fiacre* < hôtel de saint Fiacre 'отель святого Фиакра' (в Париже), который первым стал держать такого рода экипажи]» (с. 740).

В большинстве же случаев энциклопедическая информация выносится в отдельную зону, которая имеет специальную метку – вертикальную черту:

«**АВСТРАЛОПИТЭК...** *антр.* Ископаемая человекообразная обезьяна, близкая к предковой форме человека. | А. жил в конце третичного – начале четвертичного периода; череп австралопитека впервые найден в Юж. Африке в 1924 г.» (с. 28);

«**МАРАФОНСКИЙ...** [по назв. селения Марафон (Marathon) в Др. Греции]. В спорте: связанный с дистанциями большой протяженности. *М. бег. Марафонская лыжная гонка.* | Под Марафоном в 490 г. до н. э. афиняне победили персов; один из греческих воинов прибежал из Марафона в Афины (расстояние – 42 км 195 м) и, сообщив о победе, пал мертвым. В дальнейшем указанное расстояние стало эталоном дистанции в марафонском беге» (с. 415).

За знаком «|» помещаются также замечания об употреблении слова или термина, об их соотнесенности с другими названиями того же или смежного явления, о видах процесса или явления ит.п.:

«**ПОЛИГА́МИЯ...** *антр., этн.* Многобрачие (многоженство или многомужие). | Термин п. чаще употребляется в значении 'многоженство'» (с. 545);

«**ПОМПАДУ'Р²...** Администратор-самодур, сановник, обязанный своим возвышением *фаворитизму...* | Слово п. в этом значении впервые

употребил М. Е. Салтыков-Щедрин в повести «Помпадурсы и помпадурши»» (с. 551).

«**МИТÓЗ...** биол. Непрямое деление клетки, при котором происходит сложное преобразование компонентов клеточного ядра – хромосом. | М. имеет четыре фазы: *анафаза, мета-фаза, профазы, телофаза*» (с. 445)

Иногда в зоне энциклопедических сведений дается справка о происхождении слова (более пространная, чем собственно его этимология), которая проясняет смысл или внутреннюю форму описываемого слова:

«**КАРНАВА́Л...** [фр. *carnaval* < ит. *carnevale* < *carne* 'мясо' + *vale* 'прощай']... | К. получил свое название в Италии в конце XIII в., когда он был официально приурочен к празднованию масленицы (после которой начинался пост с его запретом на мясную пищу – отсюда название)» (с. 307);

«**ТАБЛÓИД...** [англ. *tabloid*, букв. 'таблетка']. Бульварная газета (обычно сообщающая скандальные новости). | Первоначально т. – малоформатная газета со сжатым, концентрированным изложением информации; такая газета была метафорически уподоблена таблетке как концентрату лекарства» (с. 680).

В статьях некоторых слов энциклопедическая информация может присутствовать не в одной, а в двух зонах словарной статьи, взаимно дополняя описание. Такова, например, словарная статья несклоняемого существительного *бикини*:

«**БИКИ'НИ...** [англ. *bikini* – по названию атолла Бикини (Bikini) в Тихом океане, где в 1946 и 1954 гг. США проводили испытания атомного и водородного оружия]. Женский купальный костюм, состоящий из узкого бюстгалтера и маленьких плавок. | Название возникло из сравнения эффекта, производимого одетой в такой купальник женщиной, со взрывом атомной бомбы» (с. 113).

6. Приведенные примеры достаточно наглядно демонстрируют полезность, а в ряде случаев и необходимость энциклопедической информации в лингвистическом по своему характеру словаре: это

позволяет описать не только собственно языковые характеристики слова, но и тот историко-культурный, технический, социально-бытовой и всякий иной контекст, в котором оно употребляется. Наш опыт показывает, что не всегда удается жестко разграничить лингвистический и энциклопедический типы информации о слове. Придерживаясь правила: помещать энциклопедические сведения в отдельной зоне словарной статьи, – составитель нередко был вынужден отступить от этого правила, и такое отступление было обусловлено особенностями семантики описываемого слова (термина) и спецификой его использования в речи.

Неявные ограничения в лексической и семантической сочетаемости слова ^[44]

1. Под **явными** ограничениями в лексической и семантической сочетаемости слова имеются в виду такие, которые прямо указываются в словарном толковании лексемы. Например, в толковании глагола *разинуть* присутствуют компоненты 'рот, пасть'; тем самым рекомендуются как нормативные только такие виды реализации второй актанта валентности этого глагола, в которых фигурируют либо сами указанные слова (*разинуть рот, Лев разинул пасть*), либо их синонимы (ср., например, возможность сочетания глагола *разинуть* с просторечными и жаргонными словами, обозначающими рот: *хайло, варежка, хлебало, хлебальник, поддувало* и под.).

Неявными можно назвать такие ограничения в лексической и семантической сочетаемости слова, которые не указаны эксплицитно в словарном толковании лексического значения. Например, глагол *журчать* толкуется в словарях так: 'о воде: течением производить легкий монотонный шум' [СОШ 1997], то есть на вид водного потока и на характер течения воды таким толкованием не накладывается никаких ограничений, и стало быть, допускаются сочетания типа **Волга журчит, *журчит бурный горный поток* и т. п., которые воспринимаются как аномальные или, во всяком случае, необычные.

2. Неявные ограничения могут касаться сочетаемости данного слова с семантическими классами слов (семантическая сочетаемость)

или с отдельными лексемами (лексическая сочетаемость). Как правило, эти ограничения имеют нежесткий, вероятностный характер, то есть соответствуют утверждениям типа: «чаще всего (обычно) слово X сочетается со словом Y или со словами из семантического класса W и не сочетается со словом Z или со словами из семантического класса Q». Кванторы вида 'чаще всего', 'обычно' указывают на то, что возможны контексты и ситуации, когда слово X всё же можно употребить в сочетании с «запрещенными» лексемами (скажем, в шутливом контексте)^[45].

Например, глагол *стукнуть* в значении 'минуть, исполниться (о годах)' [МАС], 'о возрасте, сроке: минуть, исполниться' [СОШ 1997], в норме употребляющийся в сочетании только с такими числительными или количественно-именными группами, которые обозначают пожилой и средний возраст (*Ей стукнуло восемьдесят; Моему сыну уже сорок лет стукнуло*; заметим, что это ограничение не содержится в приведенном толковании и не следует из него), – можно употребить в шутку и при обозначении небольшого возраста (дед, обращаясь к внуку-первокласснику: – *Ну, и сколько же лет тебе стукнуло?*).

3. Ограничения, накладываемые на лексическую и семантическую сочетаемость слова, могут касаться слов, разных как по тематической принадлежности, так и по своим значениям. Это, например, такие лексические группы и отдельные слова:

3.1. Слова, характеризующие возраст человека: см. приведенный выше пример с глаголом *стукнуть*; ср. также: «Когда человек еще не достиг возраста зрелости или старости, но в своем движении близок к нему ('немного не дошло до'), мы для выражения этой идеи употребляем предлог *под*: *Ему под пятьдесят; Шкловскому было под 80, когда я увидела его снова* (Н. Иванова). Не говорят: *Ей было под 10*, – 10 лет не возраст зрелости, сомнительно *Ей под 20*, но уже вполне нормально *Ей под 30, 40, 50...*» [Крейдлиן 1996: 213].

3.2. Слова, называющие человека по признаку пола: ср. несочетаемость слов *пышный, пышнотелый, сдобный* с существительными, обозначающими лиц мужского пола: можно сказать

пышная (сдобная, пышнотелая) буфетчица, но не **пышный (сдобный, пышнотелый) буфетчик* – см. [Урысон 2000: 246-247], и, напротив, сомнительность сочетаний слов типа прилагательного *кряжистый* или глагола *крякнуть* с именами лиц женского пола (если такие сочетания и возможны, то в них обычно присутствует скрытое сравнение лица женского пола с мужчиной – по облику, телосложению, манерам, поведению и т. п.).

3.3. Слова, обозначающие социальные и межличностные отношения; напр., слова типа *благоволить, гневаться, распекать* не могут сочетаться с именами таких адресатов обозначаемых ими действий, статус или социальная роль которых выше статуса или роли субъекта этих действий: *благоволят, гневаются и распекают* обычно те, кто имеет власть или занимает более высокое положение, чем те, кому адресованы эти действия; подробнее см. [Крысин 1983].

Предикаты *быть похожим, быть другом*, которые обычно рассматриваются как симметричные (описание русских симметричных предикатов см. в [Иомдин 1980, 1981]), в действительности имеют определенные ограничения, накладываемые на характер существительных, которые заполняют первую и вторую актантные валентности: можно сказать *Сын похож на отца*, но не говорят **Отец похож на сына*; высказывание *Плетнев был другом Пушкина* предпочтительнее высказывания *Пушкин был другом Плетнева*; подробнее об этом см. [Крысин 1986, 1990].

Ограничения, аналогичные тем, которые имеет предикат *быть похожим*, характеризуют и прилагательное *вылитый* (точнее, предикат *быть вылитым*) в значении 'совсем такой же, как; очень похожий' [СУ]; 'такой же, как кто-л.; очень похожий на кого-л.' [МАС]; 'очень похожий на кого-н.' [СОШ 1997]. При речевой реализации конструкции *X – вылитый Y* должны соблюдаться по крайней мере два условия: в качестве *Y*-а может фигурировать 1) либо «эталон» или просто лицо, хорошо известное слушающему (а не только говорящему), 2) либо, если речь идет о родственных связях, лицо, которое старше *X*-а в семейной иерархии или в иерархии родственников. Можно сказать: *Наш*

преподаватель – вылитый Берия; Маша – вылитая мать; Петя – вылитый дядя Миша, но нельзя сказать: **Берия – вылитый наш преподаватель; *Мать – вылитая Маша; *Дядя Миша – вылитый Петя* (при условии, что Петя – племянник дяди Миши). Высказывания типа: *Наш преподаватель – вылитый Иванов*, если не соблюдено первое из указанных условий, неизбежно вызывают у слушающего вопрос: – *А кто такой Иванов??*

Кроме того, в приведенных выше словарных толкованиях нет указания на то, что прилагательное *вылитый*, по-видимому, наиболее уместно при сравнении внешности живых существ, преимущественно людей, а не любых предметов (едва ли можно сказать **Этот новый письменный стол – вылитый мой прежний; *Клавиатура этого компьютера – вылитая клавиатура пишущей машинки*). Этой особенностью предикат *быть вылитым* отличается от предиката *быть похожим*, который не имеет данного ограничения на реализацию первой и второй актанных валентностей (то есть фразы типа *Этот новый письменный стол похож на мой прежний; Клавиатура компьютера похожа на клавиатуру пишущей машинки* вполне правильны).

4. В рассмотренных примерах фигурируют слова, которые в существующих толковых словарях не имеют помет об ограничениях в их лексической или семантической сочетаемости. Это можно расценивать как недостаток толковых словарей, но, по всей видимости, в толкованиях и не надо предусматривать все виды ограничений на сочетаемость: эта информация может содержаться в отдельной зоне словарной статьи, в которой сообщаются данные обо всех видах и особенностях сочетания данной леммы с другими словами и классами слов (детальная разработка такой зоны имеет место, например, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под рук. Ю. Д. Апресяна).

Терминологическая лексика в современных лингвистических словарях^[46]

1. Как известно, лингвистические словари фиксируют не только лексику общего употребления, но и термины многих наук и отраслей техники. В одних типах словарей эта фиксация ограничивается подачей

правильного написания и рекомендациями нормативного их произношения (орфографические и орфоэпические словари – см., например [РОС 2005], [ОС 1997]), в других даются переводы терминов на другой язык (другие языки), как в дву- и многоязычных словарях (см. [Крысин 2005]), в третьих содержатся определения терминов и примеры их употребления в тексте (толковые словари); наконец, имеются специальные терминологические словари, в которых термин получает описание, наиболее адекватное тому, как понимают этот термин представители соответствующей профессии или специальности (правда, такие словари можно назвать лингвистическими с большой натяжкой, поскольку в них мало сведений о собственно языковых свойствах термина – его правильном произношении, грамматических формах, грамматических характеристиках, о его словообразовательных возможностях, сочетаемости с другими словами в тексте и т. п.).

2. В этой статье речь пойдет главным образом о толковых словарях (не терминологических), то есть словарях, адресованных широкому кругу пользователей. Имеются в виду два типа таких словарей: 1) толковые словари русского языка – например, [МАС], «Толковый словарь русского языка» С. И. Ожегова – Н. Ю. Шведовой [СОШ], «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [БТС] и нек. др. (так наз. общие толковые словари) и 2) словари иностранных слов (см., например [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003; СИС 1987; ССИС 1992; Крысин 2005]).

Лексикографическое представление терминов в этих двух типах словарей различается, во-первых, отбором терминов для словника, во-вторых, характером толкования, в-третьих, системой помет, которые используются в словарных статьях, описывающих термины.

2.1. Очевидно, что в словник общих толковых словарей попадает сравнительно небольшое число специальных терминов – главным образом, такие из них, которые вошли или входят в общее употребление, не теряя своего терминологического значения^[47]: ср. термины типа *апогей, атом, вирус, ген, катод, клетка (живой ткани, организма), компьютер, коррозия, мегаполис, пастеризовать, пигмент,*

ректификат, реле, репарация, сепсис, табло, шлифовать, экспонировать и т. п.

Словники словарей иностранных слов включают в свой состав гораздо больше специальных терминов. Это объясняется, по крайней мере, двумя причинами: 1) исторически словари иностранных слов были фрагментами энциклопедий, и те понятия, которые в энциклопедиях имели иноязычные наименования, составили основу первых словарей иностранных слов (до недавнего времени словари иностранных слов были по преимуществу энциклопедическими, а не филологическими, то есть содержали информацию, главным образом, о реалиях, понятиях, свойствах, но не о словах, называющих эти реалии, понятия и свойства; подробнее об этом см. [Крысин 1995]); 2) в большинстве специальных терминологий значительный, если не подавляющий, процент составляют иноязычные единицы, при этом многие термины могут принадлежать одновременно нескольким отраслям знания, имея, естественно, и разные дефиниции (ср., например: *агглютинация* – термин, используемый и лингвистами, и физиологами, *агломерат* – термин геологии, металлургии и демографии, *активация* – физический и химический термин, *ассоциация* – термин психологии, химии, астрономии, ботаники, *дивергенция* – термин биологии, анатомии, математики, лингвистики, *инверсия* – термин химии, физики, биологии, лингвистики, математики, метеорологии; термин *кодификация* хорошо знаком и юристам, и языковедам, *матрица* – и полиграфистам, и математикам, *ремиссия* – и финансистам, и медикам и т. п.). Стало быть, для пользователя удобнее, если такие термины будут описаны в одном словаре, а не в разных словарях, относящихся к соответствующим отраслям знания. Таким единым словарем-справочником и служит словарь иностранных слов.

Однако словник и этого словаря имеет определенные ограничения, касающиеся включения в него специальных терминов: как правило, **узкоспециальные термины** в этот словник не попадают ^[48].

2.2. В общих толковых словарях термины не имеют строгих дефиниций. Скорее, здесь содержатся такие их толкования, которые соответствуют представлениям обычного носителя языка (не

специалиста в данной области науки или техники) о том или ином предмете, явлении, устройстве, процессе. Словари иностранных слов в этом отношении ближе к словарям терминологическим: в их словарных статьях обычно бывают представлены более или менее строгие дефиниции, в целом соответствующие дефинициям, которые дают соответствующим терминам специалисты. Ср., например, словарные статьи одного и того же термина (а) в толковом словаре общего назначения и (б) в словарях иностранных слов:

(а) **ГЕНО́М**, – а, м. (спец.). Совокупность всех генов—носителей наследственной информации индивидуума. *Г. человека* [СОШ 1997: 128].

(б) **ГЕНО́М**, а, м., биол. Совокупность генов, содержащихся в одинарном (гаплоидном) наборе хромосом данной животной или растительной клетки [Крысин 2005: 189]; курсивом в тексте словарной статьи этого словаря выделяются те слова – компоненты толкования, которые описываются в этом же словаре на своем алфавитном месте.

(а) **РЕЛЕ́**, нескл., ср. (спец.). Устройство для замыкания и размыкания электрической цепи. *Электромагнитное р.* [СОШ 1997: 675].

(б) **РЕЛЕ́**, нескл., с., тех. Элемент автоматических устройств, предназначенный для скачкообразных изменений состояния электрической цепи (напр., для ее замыкания или размыкания) в результате внешнего воздействия. *Р. времени* (устройство, контакты которого замыкаются с нек-рой задержкой во времени после получения управляющего сигнала) [Крысин 2005: 665].

В отличие от общих толковых словарей, словари иностранных слов содержат не только лингвистическую информацию (то есть сведения о слове и его грамматических, лексико-семантических, произносительных и иных языковых свойствах), но и информацию энциклопедического характера: например, об устройстве того или иного механизма, способах его применения, о разновидностях того или иного предмета, вещества, явления, о технологии тех или иных процессов и т. п. Подобного рода энциклопедические сведения могут составлять часть толкования, а могут выделяться в особую зону словарной статьи (как это сделано в [Крысин

2005], где эта зона отделена от собственно дефиниции вертикальной чертой). Ср. следующие примеры:

АЦЕТИЛЭН... *хим.* Органическое соединение – ненасыщенный углеводород *алифатического* ряда; бесцветный газ, получаемый действием воды на *карбид* кальция, а также *крекингом* и *пиролизом* метана [Крысин 2005: 94];

МИТÓЗ... *биол.* Одна из форм непрямого деления клетки, при которой наблюдается сложное преобразование компонентов клеточного ядра – *хромосом*; протекает в 4 фазы: *профаза*, *метафаза*, *анафаза* и *телофаза*; период между двумя последовательными делениями носит название *интерфазы* (ср. *амитоз*, *мейоз*) [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003: 405]; **МИТÓЗ.** *биол.* Непрямое деление клетки, при котором происходит сложное преобразование компонентов клеточного ядра – *хромосом*. | М. имеет четыре фазы: *анафаза*, *метафаза*, *профаза*, *телофаза* [Крысин 2005: 494].

В скрытом виде энциклопедические сведения иногда присутствуют даже в иллюстративных примерах, сопровождающих толкование; например: **ТРИПЛЭТ...** **1.** *физ.,хим.* Система, состоящая из трех частей. *Т. элементарных частиц. Т. нуклеотидов* [Крысин 2005: 794]; из этих примеров мы можем заключить, что в виде триплетов существуют элементарные частицы и нуклеотиды (подробнее о месте энциклопедической информации в лингвистических словарях см. [Крысин 2003], а также наст. изд., с. 113-119).

Следует подчеркнуть, что в лингвистическом словаре, каковым является словарь иностранных слов, дается мини-м у м энциклопедической информации, необходимый для правильного понимания и употребления того или иного термина. Для поиска более подробных сведений о понятии или явлении, которое обозначается данным термином, пользователь должен обращаться к нелингвистическим словарям – энциклопедиям и специальным терминологическим словарям и справочникам. Надо сказать, что на практике не всегда удается найти этот минимум, и в недавнем прошлом некоторые статьи словарей иностранных слов были перегружены

информацией, уместной скорее в энциклопедическом или специальном терминологическом словаре: см., например, описание ряда биологических, химических, физических, технических и т. п. терминов – таких, как *газификация, дезоксирибонуклеиновая (кислота), молекулярный, пастеризация, радио, спин* и др. – в разных изданиях [СИС 1987] и в созданном на его основе [ССИС 1992]. Ср.:

СПИН... собственный механический момент количества движения элементарной частицы (электрона, протона, нейтрона) или атомного ядра, всегда присущий данному виду частиц, определяющий их свойства и обусловленный их квантовой природой; частицы с целочисленным значением спина (0, 1, 2, ...) в спец. единицах $h = 6,626 \times 10^{-34}$ Дж ? с называются бозонами, частицы с полуцелым спином ($1/2, 3/2 \dots$) – *фермионами* [ССИС 1992: 573].

Обратим внимание на то, что при столь насыщенном специальной информацией описании в этой словарной статье отсутствует указание (например, с помощью пометы *физ.*) на область науки, к которой принадлежит термин *спин*.

2.3. О пометах, относящих тот или иной термин к определенной области знания или техники, которыми сопровождаются специальные термины в толковых словарях и словарях иностранных слов, надо сказать особо.

Основное различие между этими типами словарей заключается в том, что общие толковые словари нередко ограничиваются пометой «спец.» (см. выше примеры словарных статей *геном* и *реле*), а в словарях иностранных слов обычно используется система помет, более детально квалифицирующая тот или иной термин с точки зрения принадлежности его соответствующей отрасли знания или техники: *ав.* (= термин авиации), *авт.* (= термин автомобильного дела), *анат.* (= термин анатомии), *антр.* (= термин антропологии), *астр.* (= термин астрономии), *биол.*, *бот.*, *геогр.*, *геод.*, *геол.*, *инф.* (= термин информатики), *кулин.*, *кфт.* (= термин кино- и фототехники) ит.п. – ср. пометы такого рода в [Крысин 2005]. Такая детализация помет позволяет не только точно отнести тот или иной термин к

соответствующей научной дисциплине или области техники, но и дать дифференцированное описание многозначного термина, тогда как составитель толкового словаря общего профиля, ограничиваясь пометой «спец.», может не ставить перед собой задачу подобного дифференцированного описания. Ср. следующие примеры:

ИНВЕРСИЯ... **1.** *лингв.* Изменение обычного порядка слов в предложении с целью усилить выразительность речи. **2.** В сочетании: инверсия сахаров (*хим.*) – расщепление сложных сахаров на простые под действием кислот и ферментов. **3.** *биол.* Тип мутации, заключающийся в разрыве и повороте на 180° одного из внутренних участков хромосомы. **4.** *мат.* В комбинаторике: нарушение нормального порядка двух элементов в перестановке. **5.** *мат.* В геометрии: особый вид отображения плоскости или пространства посредством обратных радиусов. **6.** *метеор.* Возрастание температуры воздуха в атмосфере с высотой вместо обычного для тропосферы убывания ее. **7.** В сочетании: инверсия геомагнитного поля (*физ.*) – изменение направления (полярности) магнитного поля Земли на обратное (Северный полюс становится Южным, и наоборот), наблюдающееся через интервалы времени от 0,5 млн до 50 млн лет [Крысин 2005: 299].

ИНВЕРСИЯ... (*спец.*). **1.** Изменение нормального положения компонентов, расположение их в обратном порядке. *И. геомагнитного поля Земли. И. температуры* (повышение температуры в одном из слоев атмосферы вместо нормального понижения). **2.** В синтаксисе: изменение нормального (стилистически нейтрального) порядка слов в предложении, сопровождаемое перемещением интонационного центра [СОШ 1997: 246]; см. также [МАС, I: 664], где у слова *инверсия* только одно значение: оно квалифицируется как лингвистический и литературоведческий термин (с пометами «лингв.», «лит.»).

3. В заключение отметим, что между общими толковыми словарями и словарями иностранных слов, при всех различиях в отборе терминов, их толковании и стилистической квалификации, нет раз и навсегда установленной границы: в одни периоды развития языка определенные термины могут иметь статус сугубо специальных, известных в достаточно

узкой профессиональной среде (и в этом случае они должны описываться либо в терминологических словарях, либо в словарях иностранных слов), в другие периоды те же самые термины могут выходить за рамки специального употребления и вливаться в состав общеупотребительной лексики (и в этом случае они могут фиксироваться и в общих толковых словарях). Так, на современном этапе развития русского языка в состав общеупотребительной лексики, регистрируемой общими толковыми словарями, вошло довольно значительное число экономических и финансовых терминов, которые лет 20-30 тому назад были принадлежностью специальных терминологий: ср. термины *бартер, брокер, дефолт, дилер, инвестировать, инвестиции, ипотека* и др.

Некоторые соображения относительно насыщенности специальных терминологий англоязычными заимствованиями^[49]

1. Подходы к анализу и оценке численности и качества иноязычных заимствований а) в общеупотребительном языке и б) в специальной терминологии, обслуживающей какую-либо профессиональную сферу, **различны.**

Если в первом случае присутствуют ориентация на общепонятность заимствования, его уместность, оценка его свойств с точки зрения смысла, освоенности фонетической и грамматической системами языка, стилистической окраски, конкуренции с соответствующими исконными или ранее заимствованными словами, наконец, соображения языкового вкуса, то во втором случае действуют несколько иные критерии, а именно:

1.1. Связь того или иного конкретного заимствованного термина с процессом **интернационализации** специальных терминологий: если он «вписывается» в этот процесс, то есть термин известен специалистам (в данной профессиональной сфере) многих стран, шансы его на укоренение в терминологии, использующей это заимствование, **высоки**, поскольку интернационализация терминологий – процесс, который позволяет людям определенной профессии, живущим в разных странах, легче понимать друг друга.

1.2. Внедряется ли заимствованное слово в уже существующую **микросистему** терминов или же, напротив, оно приходит в составе целого **пучка**, покрывающего ту или иную предметную область, которая до этого не имела специальных номинаций, и само вместе с другими составляющими такого пучка образует некую терминологическую микросистему.

Примеры:

1) а) в начале 30-х годов XX века в русской кинематографической терминологии появился заимствованный из немецкого языка термин *тонфильм*, который, однако, не прижился, поскольку уже существовала микросистема из двух соотносительных терминов: *немой фильм* – *звуковой фильм*;

б) пример иного рода: в современной финансовой терминологии используются термины *кредитор* и *дебитор*, обозначающие соотносительные понятия. На базе этой микросистемы могут появляться другие термины, обозначающие разновидности должников и заимодавцев (и эти разновидности в действительности есть – правда, они относятся исключительно к разным видам кредиторов: *кредитор конкурсный*, *субординированный*, *необеспеченный*, *по денежным обязательствам*, *по закладной* и др., а разновидностей дебиторов, кажется, нет).

Но вот вопрос: возможно ли возрождение самого термина *заимодавец*, наряду с, по-видимому, всё еще используемым термином *заёмщик*? Скорее всего, нет, поскольку и *кредитор*, и *дебитор* вписываются в общую и в значительной степени интернационализированную финансовую терминологию, а *заимодавец* (как слово, устаревшее даже для общеупотребительного языка – см. словари) не вписывается;

2) финансово-экономические термины с основой *инвест-* (*инвестиции*, *инвестировать*, *инвестор*) представляют собой пучок заимствований, достаточно хорошо обслуживающий соответствующую предметную область; более того, они обрастают производными, появившимися уже на русской почве: *инвестиционный*, *инвестирование*,

инвесторский, а словообразовательная активность специального термина – один из важных показателей его укоренения в данной национальной терминологии.

1.3. В теории иноязычного заимствования давно известна закономерность: **однословные** номинации имеют преимущество перед описательными оборотами. Поэтому если иноязычное слово, в том числе и специальный термин, замещает исконный описательный оборот, то у него есть шансы закрепиться в языке (*снайпер* – вместо *меткий стрелок*, *стайер* – вместо *бегун на длинные дистанции* и т. п.). Мне кажется, этот принцип применим и к ряду новых финансовых терминов англоязычного происхождения (естественно, при этом надо учитывать и другие критерии, касающиеся процесса кодификации терминологий).

1.4. При рассмотрении терминологических пар «иноязычное – русское» никак нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что исконное слово часто бывает отягощено дополнительными смыслами и коннотациями (а это мешает его терминологичности, поскольку в идеале термин должен быть однозначен). Например, мне кажется, что слово *соучастники*, которое предлагается ввести вместо английского *стейкхолдеры*, имеет слишком явную коннотацию с контекстами типа *соучастники преступления* (при этом я не утверждаю, что английский термин безусловно хорош).

2. В отличие от общеупотребительного языка, где процесс иноязычного заимствования более или менее стихийен, в специальной терминологии он находится в русле более общего и при этом **целенаправленного** процесса терминотворчества. Стихия здесь недопустима, поскольку ведет к разнобою и в составе терминов, которые обслуживают данную профессию, и в их дефинициях, и в соотношении с терминами смежных предметных областей и т. д. По-видимому, в каждой профессии должны существовать (а где-то они, вероятно, и существуют) группы **кодификаторов**, занимающиеся проблемами регулирования данной специальной терминологии. И одна из проблем – иноязычные термины: насколько они уместны и необходимы, как соотносятся с исконными словами, каков их интернациональный статус и т. п.

Мне кажется только, что работа таких экспертных групп не должна опираться на аргументы типа «засилье иностранщины», «свое всегда лучше заимствованного», «обойдемся без американцев» и др. Необходимо учитывать и те объективные критерии, примеры которых я привел.

3. Тексты, создаваемые в рамках той или иной профессии, – специальные исследования, диссертации, монографии, учебники, инструкции и т.п. – как это вполне очевидно, жанрово различны. Различаются они и по языку, по используемым лексическим и терминологическим средствам. Одно дело – документ, написанный для «внутреннего» употребления, то есть обращенный к узкому кругу специалистов, и другое – учебник или учебное пособие, популярная статья на темы данной отрасли знания. В первом случае почти нет ограничений на используемую терминологию, в том числе и иноязычную, – лишь бы она была понятна всем, входящим в этот узкий круг специалистов (например, банковским служащим или людям, работающим на фондовых рынках); во втором необходим отбор терминов и – в необходимых случаях – их пояснение.

4. Последнее: распространение английского языка в современном мире – процесс объективный, не зависящий от воли отдельных лиц и даже целых организаций. Многие отраслевые терминологии складываются в значительной степени под мощным влиянием терминологии англоязычной (самый очевидный пример – вычислительная техника и компьютерные технологии). По существу, англоязычные термины становятся интернациональными. А это соответствует той тенденции, с которой я начал перечисление факторов, влияющих на формирование и функционирование той или иной специальной терминологии. В то же время вполне естественна стратегия регулирования процесса терминотворчества. И здесь выбор между своим, исконным термином и чужим, заимствованным целесообразно делать под определенным углом зрения: что лучше выполняет свою функцию – обозначает соответствующее понятие, то и должно приниматься в качестве основной номинации.

О типах лексикографической информации в русской части русско-иноязычных словарей^[50]

Создание двуязычных словарей представляет собой самостоятельную отрасль современной лексикографии. Теория и практика составления этих словарей имеет большую традицию. В разное время и разными авторами в специальной литературе обсуждались такие вопросы, касающиеся создания двуязычных словарей, как их предназначение, объем и характер словников, соотношение «ядра и периферии» лексики при формировании словника и при подаче лингвистических сведений о слове, структура словарных статей, типы информации, относящейся как к входному слову, так и к его переводу, возможность сочетания в словарной статье лингвистических и энциклопедических сведений и т. п. (см., например: [Копецкий 1974; Берков 1973, 1977, 2004; Аракин 1977; Ким 1981; Головащук 1987; Апресян 1993] и др.); работы, посвященные двуязычным словарям, составляют большой раздел в библиографическом справочнике по современной лексикографии Ладислава Згусты [Zgusta 1988], издается международный журнал «Bilingual Dictionaries»), регулярно проводятся конференции и рабочие совещания по проблемам составления общих и отраслевых двуязычных словарей и т. д.

Тем не менее, приступая к созданию того или иного двуязычного словаря, лексикограф нередко обнаруживает: кое-что в теории и технике составления таких словарей не вполне ясно. Кроме того, задача разработки словаря двух определенных языков (а не вообще двуязычных словарей как жанра лексикографии) может породить вопросы, специфичные именно для данного лексикографического труда. Они касаются как отбора лексики – и тем самым объема и характера словника, – так и структуры и содержания словарных статей. Неясно, например, должны ли чем-либо принципиальным различаться двуязычные словари, служащие для перевода слов генетически и типологически далеких языков, с одной стороны, и словари, которые служат для перевода слов генетически родственных и типологически близких языков, с другой стороны (интуитивно кажется, что чем сильнее

один язык отличается от другого, тем более разнообразные средства требуются для адекватного описания его слов и, в частности, для перевода их на другой язык); какого рода сведениями должно сопровождаться слово входного языка (заметим, что та лингвистическая информация о входном слове, которая содержится даже в лучших русско-иноязычных словарях^[51], представляется недостаточной); каково должно быть соотношение в словаре (и, соответственно, в его словарных статьях) собственно лингвистических сведений о слове и энциклопедической информации о том, что данное слово обозначает, и т. п.

Я далек от мысли, что в данной статье даже небольшая доля подобных вопросов найдет исчерпывающие ответы – хотя бы потому, что речь пойдет лишь о русской части одного конкретного словаря – русско-украинского. Однако, коль скоро ставится задача создания такого словаря, необходимо сформировать определенное представление о том, каким должен быть его словник, какого рода сведения о входном слове будут содержаться в словарной статье и каков порядок подачи этих сведений в этом словаре.

Большой русско-украинский словарь (далее – БРУС) составляется в сотрудничестве с Языково-информационным («Мовно-шформацшним») Фондом Национальной академии Украины с ориентацией на наиболее полное лексикографическое отражение лексики и фразеологии русского и украинского языков конца XX – начала XXI в. Российская сторона в лице Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН разрабатывает русскую часть этого словаря. Приблизительный планируемый объем русской части – 120 тыс. словарных статей, с последующим пополнением словника.

I. Состав словаря

Входная (русская) часть Словаря содержит описание четырех типов языковых единиц:

- 1) слов;
- 2) словообразовательных морфем;
- 3) терминологических сочетаний;

4) фразеологизмов.

1. Слова

1.1. Основу русского словника составляет лексика и фразеология современного литературного языка в двух его разновидностях – книжной (кодифицированной) и разговорной. Кроме того, в БРУС включаются наиболее употребительные в современной речи слова просторечного, диалектного и жаргонного происхождения (напр., *охальник, баба 'женщина', притаранить 'принести, притащить'; намедни, шибко; беспредел, тусовка, баксы, прокол* и т. п.), в том числе слова, которые в толковых словарях имеют пометы «груб.», «вульг.», «бран.» (ср., например, различного рода оскорбительные характеристики человека: *гад, зараза, придурок, сволочь; жид, кацап, хохол, чучмек* и т. п.).

1.2. Ввиду того, что БРУС задуман как самый полный русско-украинский словарь, в нем в достаточно значительном объеме должна быть представлена специальная – научная и техническая – терминология как в виде однословных терминов, так и в виде терминологических словосочетаний. Особое внимание следует обратить на такие области профессиональной деятельности, которые в последние десятилетия бурно обогащаются новой лексикой и фразеологией, распространяющейся и среди неспециалистов: таковы, например, медицина, вычислительная техника, спорт, экономика и нек. др. Выборка терминологической лексики и терминосочетаний должна осуществляться как из русской части соответствующих отраслевых двуязычных словарей и из кратких энциклопедических словарей по различным направлениям науки и техники, так и путем обращения к специалистам в соответствующей профессиональной сфере.

1.3. В словник включаются также некоторые разряды собственных имен, называющих лица и объекты, имеющие общекультурное или историческое значение:

- имена библейских и мифологических персонажей (многие из этих имен приобрели и переносное значение): *Амур, Аполлон, Геркулес, Ирод, Иуда, Каин, Персей, Сатурн* ит. п.;

- имена основателей мировых религий: *Будда, Магомет (Мохаммед), Христос*, названия священных религиозных книг: *Библия, Коран, Талмуд, Тора*;

- названия религиозных праздников и знаменательных дат: *Рождество, Пасха, Вознесение, Благовещение, Сретенье; Байрам, Рамазан* и т. п.

- названия крупных исторических эпох, выдающихся событий, оставивших след в истории человечества или же сделавшихся символами определенных понятий, действий, поступков ит.п.: *Возрождение, Реконкиста, Ренессанс* и др.;

- топонимы, послужившие основой для формирования переносных значений соответствующих слов, для образования фразеологизмов и т. п., напр.: *Голгофа, Рубикон* (ср. *перейти Рубикон* в значении 'совершить решительный поступок, принять бесповоротное решение'), *Каносса* (ср. *идти в Каноссу* 'смиряться, признавать себя побежденным') и т. п.

1.4. Все производные слова, образованные от одной основы, даются в Словаре каждое на своем алфавитном месте, например: *решать, решение, решимость, решительно, решительность, решительный, решить* (о подаче глаголов совершенного и несовершенного вида см. ниже); *бессистемно, бессистемность, бессистемный, внесистемный, система, систематизация, систематизировать, систематика, систематически, систематический, систематичный, системно, системность, системный, системотехника, системщик.*

1.5. В качестве самостоятельных входных единиц русского словника должны фигурировать некоторые сокращения. Помимо слоговых аббревиатур типа *профком, спецназ, рыбхоз*, которые по своим грамматическим свойствам ничем не отличаются от обычных склоняемых существительных (и, следовательно, должны включаться в словник БРУСа), это буквенные аббревиатуры типа *бомж, загс, ОМОН*, грамматический статус которых также подобен грамматическому статусу обычных существительных.

По-видимому, и другие виды буквенных и звуковых аббревиатур могут включаться в словник, несмотря на определенную «ущербность» их с точки зрения грамматики (несклоняемость, отсутствие форм числа и т. п.). Это касается тех сокращений, которые в украинском языке могут иметь также аббревиатурные соответствия, образованные, однако, на основе собственных, украинских слов-компонентов: ср., например, аббревиатуры типа *МАГАТЭ* (**М**еждународное **А**гентство по **А**томной **Э**нергии), *ОМОН* (**О**тряд **М**илиции **О**собого **Н**азначения) и под. Такие аббревиатуры, естественно, должны иметь перевод на украинский язык.

1.6. Не включаются в словник следующие разряды слов:

- лексика обценная;
- названия торговых марок – напр., марок автомобилей («Москвич», «Волга», «Мерседес», «Форд», «Тойота»), типов самолетов («Боинг», «Конкорд»), марок радио- и телеаппаратуры («Панасоник», «Шарп») ит. п.;
- названия лекарств (кроме самых ходовых – ср. названия типа *анальгин, аспирин* и под.);
- названия сортов сигарет, папирос («Ява», «Мальборо»), марок вин («Киндзмараули», «Куантро»), за исключением родовых названий типа *виски, водка, джин, коньяк, портвейн, ром, самогон*, которые, естественно, в словник включаются;
- слова – «кентавры», одна из частей которых (обычно первая) пишется латинскими буквами, типа: *web-конференция, www-чат, rip-карта, TV-программа, ISQ-сервер* и под.

2. Словообразовательные морфемы

В качестве самостоятельных входных единиц в словарь включаются словообразовательные морфемы:

- префиксы: *а-, анти-, в-, вне-, воз-, за-, из-, к-, контр-, меж-, между-, на-, недо-, о- (об-, обо-), около-, пере-, по-, при-, про-тиво-, псевдо-, ре-, с- (со-), супер-, у-, ультра-* и под.;
- суффиксы: – *ание, – ение, – тель, – тор, – ник, – чик, – щик, – ка, – н-, – ск-, – ов-, – овать, – ировать, – изировать* и др.;

- иноязычные корневые морфемы типа *аудио.., бизнес-.., био.., видео.., ...гейт, ...дром, зоо.., интер.., кардио.., кибер-.., кос-мо.., ...ман, ...мания, мини-.., ретро.., секс-.., ...фон, фоно.., шоу-.., электро.., этно..* и под., весьма продуктивные в современном русском языке.

Среди этих морфем немало новых, которые в значительной степени сохраняют вещественное значение и могут образовывать сложные слова по сравнительно новым для русского языка словообразовательным моделям: ср. *бизнес-...* (*бизнес-класс, бизнес-план*), *кибер-...* (*кибер-пространство, кибер-машина*), *секс-...* (*секс-символ, секс-услуги*) и под. Каждое слово, образованное с помощью подобных иноязычных словообразовательных морфем (напр., *биосинтез, видеоман, электрокардиография, бизнес-план, кибер-машина, секс-символ* и др.), дается в Словаре в качестве самостоятельной входной единицы. Естественно, список подобных сложений не может быть исчерпывающим (их производство в современном русском языке весьма продуктивно и численность их стремительно увеличивается), однако наиболее употребительные из них должны быть в Словаре.

3. Терминологические сочетания

В качестве отдельных единиц словника даются те терминологические сочетания, которые в своем составе имеют уникальные лексемы, не употребляющиеся вне данного терминологического сочетания (типа *бикфордов шнур*). Входом в словарную статью служит первое слово такого терминологического сочетания. Другие виды терминологических сочетаний описываются внутри словарной статьи опорного компонента: напр., *усталость металла* – в словарной статье МЕТАЛЛ, *лошадиная сила* – в статье СИЛА, *коэффициент полезного действия* – в статье КОЭФФИЦИЕНТ и т. д.

4. Фразеологизмы

В качестве самостоятельных единиц словника даются такие фразеологизмы, которые в своем составе содержат уникальные лексемы, не употребляющиеся вне данного фразеологического сочетания, – типа *бить баклуши, распускать нюни, ничтоже сумняшеся* и под. Входом в словарную статью служит как раз такая уникальная лексема, напр.:

баклу́ши: бить баклши..;

нюни: распу́скать ню'ни...

Словарная статья фразеологизма *ничтоже сумняшеся* (и немногих ему подобных, в которых оба компонента являются уникальными для современного русского языка лексемами или словоформами) начинается с первого компонента:

ничто́же сумня'шеся...

Другие виды фразеологических сочетаний описываются внутри словарной статьи одного из компонентов фразеологизма: напр., *водить за нос* – в словарной статье НОС, *откалывать номера* – в словарной статье НОМЕР, *играть первую скрипку* – в словарной статье СКРИПКА и т. д.

II. Порядок подачи слов в русской части словаря

1. Вход в словарную статью

1.1. Входные единицы даются в алфавитном порядке. Входное слово начинается со строчной буквы (кроме имен собственных), набирается полужирным шрифтом и снабжается знаком ударения, напр.: ***вслéдствие; инцидéнт; ктó-нибудь; начáть; набóтмашь; очереднóй; Аполлóн.*** У слов, содержащих букву ё, которая в русских словах всегда ударна, знак ударения над ё отсутствует: ***ёлка, просёлочный, невтерпёж, дёргать.***

Словообразовательные морфемы, являющиеся входами в их словарные статьи, знака ударения не имеют: ***аудио..; ...мания; между..; противо..; – тель; – ка; – овать; – ировать*** и т. п.

1.2. Если одно и то же существительное употребляется в русском языке и как нарицательное, и как собственное, то их алфавитный порядок в словаре определяется отношениями мотивации: первой по алфавиту следует статья мотивирующего имени, а второй – статья слова мотивируемого. Таковы, например, отношения между именами библейских и мифологических персонажей и возникшими на их основе существительными с переносными значениями, напр.:

Геркулéс (древнегреческий мифологический герой);

геркулэс (1) человек огромной физической силы; 2) сорт овсяной крупы);

Кáин (библейский персонаж);

кáин (предатель).

Имена знаков зодиака – *Весы, Дева, Скорпион* и т. п., – напротив, мотивированы соответствующими нарицательными существительными (*весы, дева, скорпион*), поэтому они описываются в словарных статьях, которые следуют после словарных статей нарицательных существительных.

1.3. Многосложные слова, а также те этимологически сложные иноязычные слова, которые еще недостаточно освоены русским языком, имеют, кроме основного, еще и побочное ударение, иногда два, напр.: **грóмкоговори'тель, óбросюжéтный, элэ́ктрокáрдиология; сáундтрéк, снóубóрдинг, Уóтергéйт.**

1.4. Если слово имеет варианты написания, то такие варианты даются в последовательности, определяемой алфавитным принципом, а второй из вариантов, кроме того, помещается на своем алфавитном месте в виде отсылочной статьи; напр.:

плéер и плéйер..;

плéйер – см. **плéер.**

Если подобные варианты различаются по степени употребительности, то первым дается более употребительный вариант, затем менее употребительный, который, кроме того, на своем алфавитном месте составляет отсылочную статью, напр.:

конквистадóр – см. конквистадóр;

конквистадóр и (*устар.*) **конквистадóр...**

Если слово имеет варианты, различающиеся по своим грамматическим характеристикам, то порядок подачи таких вариантов (с соответствующими грамматическими пометами) также определяется степенью их употребительности: первым дается более употребительный вариант, напр.:

кáди, м., нескл. и (устар.) кáдий, – я, м.;

кайфовáть и кейфовáть.

Если варианты различаются одной буквой в середине слова и при этом ни один из них не имеет преимуществ по употребительности, стилистической окраске и т. п., то такие варианты даются в виде одного заглавного слова, а варьируемая буква указывается в круглых скобках, напр.: **анде(р)гра́унд**.

1.5. Слова-омонимы обозначаются арабской цифрой в верхней правой части входного слова, как это обычно и делается в лексикографической практике. При этом порядок подачи омонимов определяется степенью их употребительности: первым дается наиболее употребительный омоним, затем – менее употребительный, далее – специальный, жаргонный и т.д., напр.:

ба́нка¹ (сосуд);

ба́нка² (отмель на морском дне), *мор.*;

ба́нка³ (сиденье в лодке для гребцов), *мор.*;

ба́нка⁴ (гол), *жарг.*

1.6. Раздельно пишущиеся наречия – типа *во всеоружии, на отшибе, без утайки*, второй компонент которых не употребляется в виде самостоятельного слова, – помещаются в словаре так: в качестве входной единицы фигурирует знаменательное слово, на основе которого образовано наречие, а за этим знаменательным словом после двоеточия следует само наречие, напр.:

всеору́жие: во всеору́жии;

отшúб: на отшúбе;

утáйка: без утáйки.

Другие раздельно пишущиеся наречия – типа *без конца, до смерти, за границей, под утро* – даются внутри словарной статьи знаменательного слова, входящего в состав такого наречия.

1.7. Раздельно пишущиеся предлоги типа *в течение, в отношении, за счет, по поводу, с помощью* помещаются в соответствующей зоне (см. об этом ниже) словарной статьи знаменательного слова, формирующего подобные предлоги, напр.:

течéни\е... в ~е..;

отношéни\е... в ~и..;

счёт... за **повод...** по ~у..;

пóмощ\ь... с ~ью...

1.8. Составные союзы типа *потому что, оттого что, так как* описываются в словарной статье, входом в которую является первый компонент такого союза:

потому́: ... **потому́ что..;**

оттогó: ...**оттогó что..;**

так: . **тáк как.**

В таких словарных статьях должны описываться и другие составные союзы с данным словом (напр., *потому как, так что* и т. п.).

Сведения о специфике подачи заглавных слов, принадлежащих разным частям речи, см. ниже, в разделе 2.1.

2. Структура русской части словарной статьи

Русская часть словарной статьи имеет несколько **зон**, каждая из которых содержит определенный тип лексикографической информации о входной единице. Выделяются следующие зоны:

- 1) зона входного (заглавного) слова;
- 2) зона помет о произношении заглавного слова или его форм;
- 3) зона грамматических сведений о слове;
- 4) зона стилистических помет;
- 5) зона синтаксического управления (для предикатных слов);
- 6) зона семантических пояснений;
- 7) зона полусвободной лексико-семантической сочетаемости;
- 8) зона фразеологизмов и терминологических сочетаний;
- 9) зона прагматических сведений, касающихся особенностей употребления данного слова, специфики использования обозначаемой им реалии и т. п.

Зоны (1) и (3) обязательны (они есть в любой словарной статье), остальные зоны факультативны: они заполняются лишь при наличии соответствующей информации о слове и его свойствах.

2.1. Зона входного (заглавного) слова. В дополнение к тем положениям, которые составляют содержание пункта следует сказать, что в качестве заглавного слова могут фигурировать слова всех частей

речи, имеющих в русском языке, и, кроме того, словообразовательные морфемы, фразеологизмы и терминологические словосочетания (см. выше, разделы I.1-I.4). Финальная часть входного слова, которая при словоизменении чередуется с другими частями, отделяется вертикальной чертой, например:

вод|а́;

молок|о́;

че́стност|ь;

хоро́ш|ий;

золот|о́й;

чита́|ть;

ве́р|ить;

ид|ту́.

2.1.1. Заглавные слова – склоняемые существительные даются в форме именительного падежа единственного числа:

вече́р;

голов|а́;

со́лнц|е.

2.1.2. Зона заглавного слова у несклоняемых существительных состоит из такого существительного:

жалюзи́;

ко́фе;

портье́.

2.1.3. Заглавные слова – изменяемые прилагательные даются в форме мужского рода и единственного числа:

дерева́'нн|ый;

дорог|о́й;

ра́достн|ый.

2.1.4. Зона заглавного слова у неизменяемых прилагательных состоит из такого прилагательного:

беж;

ха́ки;

эпо́нж.

2.1.5. Заглавные слова – глаголы даются в форме инфинитива совершенного и несовершенного вида. В тех случаях, когда между этими формами – лишь видовое различие (как, например, в глаголах *начать – начинать*), не осложненное различиями лексического характера, одна из глагольных форм, а именно, форма совершенного вида составляет отсылочную статью к статье глагола несовершенного вида, то есть, например:

начина́|ть.

нач|а́ть – см. *начинать*.

Общий принцип подачи многозначных глаголов, у которых видовые формы, помимо грамматических различий, имеют различия лексико-семантические, состоит в том, что в качестве входной единицы избирается та видовая форма, которая «покрывает» наибольшее число лексических значений данного глагола. Чаще всего (но далеко не всегда!) это оказывается форма несовершенного вида. Ср., например, различия в числе лексических значений у глагольных пар типа *идти – пойти, наступать – наступить* (в значении 'ведя военные действия, двигаться вперед, тесня противника' форма совершенного вида не употребляется), *рисовать – нарисовать* (в контекстах типа *Она прекрасно рисует* форма совершенного вида невозможна) и под.

В большинстве случаев, однако, формы совершенного и несовершенного вида, помимо чисто видовых различий, имеют и более или менее значительные лексико-семантические расхождения: ср., например, семантические и сочетаемостные различия членов таких глагольных пар, как *говорить – сказать* (с одной стороны, в контекстах типа *Ребенок еще не говорит; говорить с другом; Это говорит о многом; В нем говорит зависть* и нек. др. форма совершенного вида невозможна, а с другой, в контекстах типа **Скажите, пожалуйста, который час? – Когда вы дадите ответ? – Ну, скажем, завтра** и нек. др. невозможен глагол *говорить*; кроме того, *сказать* участвует в достаточно большом числе фразеологизованных выражений типа **Скажите, какой умник нашелся! сказать по совести; ничего не скажешь; Этим всё сказано** и др.), *решать – решить* (*Он не решал эту задачу* означает, что он и не

приступал к ее решению, а *Он не решил эту задачу* означает, что он пытался совершить соответствующее действие, но не смог довести его до нужного результата), *удивлять – удивить* (в некоторых сочетаниях с отрицанием возможен только совершенный вид: *Его ничем не удивишь {не удивить}*) и мн. др.

У ряда многозначных глаголов форме несовершенного вида соответствуют разные формы вида совершенного (иногда с определенными лексико-семантическими «наращеннями») – в зависимости от значения: ср. *бить – побить, избить* (*Мальчика побили {избили} одноклассники*), *разбить* (*Разбили всю посуду*), *пробить* (*Часы пробили двенадцать*); *терзать – растерзать* (*Волк терзал – растерзал ягненка*), *истерзать* (*Душу терзали – истерзали сомнения*) и под.

Кроме того, каждый член видовой пары (даже в случае, если эта пара является «чистовидовой») может иметь специфическую сочетаемость или фразеологию: ср., например, выражения *сказано – сделано, будет сделано! сделал дело – гуляй смело* и др., в которых возможна только форма совершенного вида *сделать* и ее производные. Поэтому в большинстве случаев глаголы совершенного и несовершенного вида должны каждый составлять самостоятельную словарную статью, правда, с разным объемом информации, что зависит от степени, в которой различаются члены одной видовой пары.

С другой стороны, при рассмотрении вопроса о виде, в котором глагол должен описываться в словаре, могут приниматься и решения в пользу какого-либо одного члена видовой пары. Так, некоторые группы глаголов правильнее давать в форме совершенного вида, поскольку форма вида несовершенного менее употребительна или даже теоретически «невыводима» из формы совершенного вида: таковы, например, некоторые глаголы с суффиксами *-ну-*, *-ану-* со значением однократного действия (*уснуть* – форма совершенного вида *усыпать*, в отличие от *засыпать*, – по-видимому, окончательно устарела и сейчас не употребляется; *пугануть* – форма несовершенного вида *пугать* имеет другое значение: можно сказать *Неизвестность пугает меня*, но нельзя **Неизвестность пуганула меня*). Одновидовые глаголы (типа

заблудиться, молвить, ринуться, хлынуть – только сов., *блуждать, заблуждаться, зависеть, находиться, присутствовать, преобладать* – только несов.), естественно, даются в форме соответствующего вида (поскольку другой формы у них просто нет).

2.1.6. У наречий в зоне заглавного слова помещается само такое наречие:

вверху́;
за́втра;
сгоряча́;
наро́чно;
о́чень;
два́жды;
весе́ло;
мучи́тельно.

2.1.7. Количественные и собирательные числительные в зоне заглавного слова даются так же, как существительные:

пят|ь;
девяно́ст|о;
се́мер|о.

Порядковые числительные даются как изменяемые прилагательные:

пе́рв|ый;
се́дьм|о́й.

2.1.8. У слов, принадлежащих к служебным частям речи, которые не имеют форм словоизменения, – союзов, предлогов, частиц, – а также у междометий зона заглавного слова состоит из такого слова:

и;
что́бы;
в;
у́з-за;
да́же;
неужели́;
ура́.

2.1.9. Частицы *-ка, – нибудь, – либо, – таки, – то*, которые существуют только в связанном состоянии с другими словами, а также частица *кое-*, которая в косвенных падежах местоимений *кое-кто, кое-что* может «отрываться» от второй части первообразным предлогом и тем самым теряет свойство связанности (ср.: *кое у кого, кое с чем*), описываются в самостоятельных словарных статьях (входом в такую словарную статью служит каждая из этих частиц). Свои словарные статьи имеют также частицы *бы* и *ли*.

2.1.10. Зона заглавного слова у словообразовательных морфем состоит из самой морфемы, напр.: **за-**;

до-;

– тель;

– ство;

видео..;

...ман;

экс-..,

с указанием в необходимых случаях морфонологических вариантов таких морфем и условий их появления:

о-, об-, обо-;

раз-, перед глухим согласным рас-.

2.1.11. О подаче терминологических сочетаний и фразеологизмов см. выше (пп. I.3, I.4).

2.2. Зона помет о произношении заглавного слова или его форм. Информация об особенностях произношения слова или словоформы помещается непосредственно после входного слова (до его словоизменительных финалей) или непосредственно после какой-либо из его словоформ, напр.:

партёр [тэ'];

инцидэнт [не: инциндэнт].

манья'к, – я'ка [не: – яка́].

Пометы о произношении подразделяются на четыре группы:

1) указание на нормативное произношение слова или словоформы, напр.:

абсенте́изм [сэнтэ́];

дит|а [иэ́];

2) указание на вариативное произношение, не связанное с семантическими или стилистическими различиями, напр.:

эне́рги|я [нэ́' и не́'];

3) указание на стилистически или социально обусловленные различия в произношении, напр.:

скре́пер, – а, *мн.* скре́перы, – ов и *проф.* скреперá, – óв;

ко́мпас [*у моряков:* компáс];

4) запретительные пометы, вводимые с помощью отрицания *не*, напр.:

музе́|й [не: зэ́'];

киломе́тр [не: килóметр]

2.3. Зона грамматических сведений о слове. Эта зона словарной статьи содержит (1) основные формы входного слова и (2) грамматические характеристики входного слова.

2.3.1. Основные формы входного слова.

2.3.1.1. При склоняемых именах существительных указываются окончания родительного падежа:

вече́р, – а;

голова́, – ы́;

со́лнце, – а,

а также партитива (у тех существительных, у которых этот падеж имеется); флексия партитива записывается в скобках после флексии родительного падежа:

ме́д, – а (-у);

ко́ня'к, – яка́ (-яку́).

Если при склонении ударение перемещается с основы на флексию, то после заглавного слова указывается финальная часть словоформы родительного падежа, начиная с гласного, на который падает ударение в исходной форме существительного, напр.:

вира́ж, – ажа́;

моря́'к, – яка́.

Если при склонении выпадает беглая гласная перед конечным согласным основы, то в форме родительного падежа приводится финаль слова, начиная с согласного, после которого выпадает беглая гласная:

довéсок, – ска;

конéц, – нц;

пáлец, – льца.

У сложных существительных типа *бизнес-план*, *шеф-повар* (с неизменяемой первой частью) и типа *скатерть-самобранка*, *сестра-хозяйка* (с изменяемой первой частью) форма родительного падежа указывается полностью:

бúзнес-плáн, бúзнес-плна;

шéф-пóвар, шéф-пóвара;

скáтерт|ь-самобрáнк|а, скáтерти-самобрáнки;

сестр|á-хозя'йк|а, сестры'-хозя'йки.

При тех сложных существительных, у которых в косвенных падежах первое слово может как склоняться, так и оставаться неизменным, указываются оба варианта, напр.:

дивáн-кровáт|ь, дивáна-кровáти и дивáн-кровáти.

При существительных *pluralia tantum* (*часы*, *сани*, *брюки*, *ножницы*) непосредственно за исходной формой указывается форма родительного падежа – либо в виде флексии множ. числа:

час|ы', – óв;

сáн|и, – éй,

либо, при появлении беглого гласного, в виде финальной части формы родительного падежа, начиная с согласного, предшествующего беглой гласной:

носúлк|и, – лок;

дéньг|и, – нег;

сúмерк|и, – рек,

либо, в случае нулевой флексии множ. числа, – в виде основы существительного:

брю'к|и, брюк;

но́жниц|ы, но́жниц;

дря'зг|и, дрязг.

При существительных, которые употребляются преимущественно в форме множественного числа (напр., *гастроли, кроссовки, гланды*), указывается окончание множ. числа (или, при нулевой флексии, вся форма родительного множественного), а затем приводится форма единственного числа:

гастрóл|и, – ей, ед. гастрль;

кроссо́вк|и, – вок, ед. кроссо́вка;

гláнд|ы, гланд, ед. гláнда.

Супплетивно образуемые формы множественного числа существительных (*люди, дети* и под.) описываются в самостоятельных словарных статьях, в которых упоминается и форма единственного числа (которая, естественно, описывается на своем алфавитном месте), напр.:

лю'д|и, – ёй, ед. человек.

дéт|и, – ёй, ед. ребёнок...

2.3.1.2. У имен прилагательных и порядковых числительных указываются окончания женского и среднего рода, а у качественных прилагательных еще и финали кратких форм мужского, женского и среднего рода, а также формы множественного числа – в случаях, когда эти формы допускают вариативное ударение (как, например, *добры'* и *дбры*, *пра́вы* и *правы'*); при нулевых окончаниях в тех или иных кратких формах, а также при перемещении ударения с одних слогов на другие эти формы приводятся полностью, напр.:

ра́достн|ый, – ая, – ое, кратк. ф. – тен, – тна, – тно;

дешёв|ый, – ая, – ое, кратк. ф. дешёв, дешевá, дешёво.

2.3.1.3. Супплетивные формы степеней сравнения (*лучше, наилучший; хуже, наихудший* и т. п.) даются в виде самостоятельных словарных статей с указанием тех слов, от которых эти формы образованы:

лу́чше, ср. ст. от **хороший** и от **хорошо**;

наилу́чш|ий, – ая, – ое, превосх. ст. от **хороший**;

ху́же, ср. ст. от **плохой** и от **плохо**;

наиху́дш|ий, – ая, – ое, превосх. ст. от **плохой**.

2.3.1.4. Наречия, обозначающие градуируемые действия или признаки, имеют при себе финали форм сравнения, напр.:

вёсел|о, – ёе;

мучительн|о, – ее, – ейше.

2.3.1.5. Личные местоимения я, ты, он, она, оно, *мы, вы, они*, а также вопросительные *кто, что* в их словарных статьях содержат, помимо исходной формы в именительном падеже, косвенные падежные формы, которые образованы супплетивно (основы этих форм не совпадают с основой исходной формы именительного падежа):

я, род., вин. меня', твор. мной, дат. мне, предл. (обо) мне;

он, род., вин. (н)его', дат. (н)ему, твор. (н)им, предл. (о) нём;

кто, род., вин. кого', дат. кому, твор. кем, предл. (о) ком;

что, род. чего', дат. чему, вин. что, твор. чем, предл. (о) чём.

Каждая из косвенных падежных форм имеет в словаре на своем алфавитном месте отсылку к основной словарной статье, напр.:

меня' – см. я;

кому' – см. кто.

2.3.1.6. Глаголы имеют при себе окончания 1-го и 3-го лица единственного числа, с указанием всех морфонологических и акцентных особенностей образования этих форм:

берé|чь, – регу', – режёт;

кля'сться, клянү'сь, клянётся;

останов |үть, – влю', – но'вит;

собр|ать, – беру', – берёт.

Члены супплетивно образуемых видовых пар (типа *брать – взять*) имеют самостоятельные словарные статьи со взаимными отсылками друг к другу:

бр|ать, беру', берёт, несов. (сов. взять, см.);

вз|ять, возьму', возьмёт, сов. (несов. брать, см.).

2.3.2. Грамматические характеристики слова.

2.3.2.1. При склоняемых существительных указываются следующие грамматические характеристики.

а) Род (м., ж., с.):

вэ́чер, – а, м.

голов|а́, – ы', ж.

со́лнц|е, – а, с.

б) Число (мн., ед.). Существительным pluralia tantum приписывается характеристика «мн.!» (это сокращение читается как «только множественное число!»):

пассату́ж|и, – ей, мн.!

но́жниц|ы, но'жниц, мн.!

пра́ймериз, нескл., мн.!

Помета «мн.» (без восклицательного знака) может использоваться в зоне грамматических помет, если нужно указать форму множ. числа данного существительного (либо в именительном, либо в косвенных падежах), напр.:

ла́гер|ь¹, – я, мн. лагерь', – ей, м. {ср.: детские, военные, исправительно-трудовые лагерь'}^[52];

ла́гер|ь², – я, мн. ла'гери, – ей, м. {ср.: враждебные друг другу общественные ла'гери};

се́рвер, – а, мн. се'рверы, – ов и проф. сервера', – о'в, м.

Помета «мн. нет» приписывается

(1) существительным, у которых нет формы множественного числа, напр.:

азо́т, – а, мн. нет, м.;

молок|о́, – а', мн. нет, с.;

тишин|а́, – ы', мн. нет, ж.;

(2) существительным, форма множественного числа которых хотя и возможна теоретически, но неупотребительна, напр.:

крутизн|а́, – ы', мн. нет, ж. {ср., однако, у П. Антокольского: «... и снова рушится с крутизн» – цит. по «Краткому словарю трудностей русского языка» Н. А. Еськовой};

ма́тер|ь, – и, мн. нет, ж. {имеется в виду Божия Матерь};

(3) тем значениям многозначного слова, в которых оно не имеет формы множественного числа: напр., существительному овёс в значении 'злак' – в противоположность другому значению этого существительного

'поле, засеянное этим злаком', которое имеет форму множественного числа: *овсы*).

Многие существительные – обозначения веществ, материалов, минералов, заболеваний и т. п. – употребляются обычно в форме единственного числа, напр.: *масло, цемент, халцедон, ангина*. Однако в профессиональной речи возможно употребление этих слов и в форме множественного числа: *масла, цементы, халцедоны, ангины*. Хотя подобные формы обозначают не реальную множественность предметов (как в случае с конкретными существительными типа *стол*), а сорта, разновидности веществ, материалов, минералов, виды заболеваний и т. д., – запретительная помета «мн. нет» при таких словах, как правило, не ставится, но при форме множ. числа в скобках делаются пометы: (*сорта*), (*виды*), (*разновидности*).

Помета «ед.» фигурирует в словарных статьях тех существительных, которые употребляются преимущественно во множ. числе:

гастрóл|и, – ей, ед. гастрóль, – и, ж.;

мемуáр|ы, – ов, ед. мемуа'р, – а, м.

Помета «ед. не употр.» приписывается существительным, от которых теоретически можно образовать форму единственного числа, но такая форма в современном литературном языке не употребляется, напр.:

финáнс|ы, – ов, ед. не употр.;

чёсанк|и, – нок, ед. не употр.

в) Указание на несклоняемость существительного дается с помощью пометы «нескл.». Эта помета приписывается существительным типа *бюро, жалюзи, кафе, колибри, шимпанзе* и под.; в словарной статье она предшествует помете, обозначающей род существительного и его число:

желé, нескл., с.;

мада́м, нескл., ж.;

кутюрье́, нескл., м.;

жалюзи́, нескл., с. или мн.

г) При указании на синтаксическую одушевленность существительного используются две пометы: «одуш.»; «одуш. и неодуш.».

Первая помета приписывается склоняемым существительным, у которых винительный падеж совпадает с родительным (у существительных мужского рода это происходит и в единственном, и во множественном числе, а у существительных женского рода – только во множественном), а также несклоняемым существительным, у которых винительный падеж определяется синтаксически:

áвтор, – а, м., одуш.;

поко́йник, – а, м., одуш.;

ре́фери, нескл., м., одуш. {ср.: Спортклуб взял на работу **молодого рефери**};

да́м|а, – ы, ж., одуш.;

ле́ди, нескл., ж., одуш. {ср.: Пригласили **двух ледей**}.

Вторая, «сдвоенная» помета указывается при существительных, которые могут иметь в винительном падеже две вариативные формы: одна совпадает с родительным падежом этого существительного, а вторая – с его именительным падежом. Таково, например, слово *персонаж*: в современном русском литературном языке возможны высказывания типа *Писатель ввел в роман **новые персонажи** и **...новых персонажей*** (тем же свойством обладает в форме множ. числа слово *лицо* – в контекстах типа *Перечислить всех действующих лиц/все действующие лица спектакля; Наложить взыскание на должностных лиц/на должностные лица*).

Кроме того, некоторые существительные в одном значении могут совмещать указание как на одушевленный, так и на неодушевленный предмет, и в связи с этим винительный падеж у такого существительного может иметь две разные формы. Таков, например, термин *абориген* в значении 'растение или животное, возникшее в процессе эволюции в данной местности и поныне в ней обитающее'; ср.: *изучать животных-аборигенов* и *растения-аборигены*.

2.4. Зона стилистических помет. Эта зона словарной статьи содержит:

(1) пометы о преимущественной сфере употребления слова или какого-либо его значения: «биол.», «мат.», «тех.», «физ.», «хим.» и др.; ими снабжаются специальные термины и терминологические сочетания, а также многозначные слова – в том случае, если какие-либо из их значений являются специальными терминами (напр.: *поле* – ср. *теория поля* в физике, *контур* – ср. одно из его значений 'замкнутая цепь проводников', *зависнуть* – о задержке в работе компьютера, *плавный* – ср. лингвистический термин *плавные согласные* ит.п.);

(2) собственно стилистические пометы, которые

а) указывают на стилистическую, социальную или территориальную разновидность языка, в которой употребляется данная лексема: «разг.», «прост.», «жарг.», «диал.» и нек. др.;

б) квалифицируют лексему как устаревшую: «устар.», «ист.»;

в) обозначают оценку говорящим данного понятия, действия, факта, свойства ит.п.: «ирон.», «неодобр.», «презр.», «пренебр.», «шутл.» и нек. др.

Стилистическая помета ставится после грамматических характеристик, до указания значения слова (см. ниже зону 2.6). В статьях многозначных слов помета указывается после цифры, обозначающей номер значения, напр.:

финт, – а и -а', м. **1.** *прост.* (хитрая уловка)... **2.** *спорт.* (обманное движение);

крут|бй, – а'я, – о'е, *кратк. ф.* *крут*, *крута'*, *кру'то*, *круты'* и *кру'ты*... **4.** *прост., жарг.* (о человеке: производящий сильное впечатление своей решительностью, манерой поведения и т. п.);

провал|ётся, – алю'сь, – а'лится, *сов.* ... **3.** *разг.* (потерпеть неудачу).

Такая помета может также сопровождать устойчивый (в частности, терминологический) оборот, помещаемый внутри русской части словарной статьи – при условии, что устойчивый оборот отличается от входной единицы своей стилистической окраской. Например:

ажу́р, – а, м. ... ◇ В ажуре (*разг.*) {перевод};

абсолю'тный, – ая, – ое, – тен, – тна, – тно ... ◇ Абсолютная высота (*геод.*) {перевод}.

2.5. Зона синтаксического управления. Эта зона заполняется при предикатных словах – глаголах, отглагольных существительных, предикативных наречиях (*можно, надо, необходимо, жаль* и т. п.), прилагательных типа *готовый, рад* (ср.: *готовый на всё, рад приезду сына*), а также при предлогах и союзах. Указание на способ синтаксического управления дается в виде сокращенных названий косвенных падежей с предлогами и без предлогов, пометы «инф.», свидетельствующей о том, что управляемое слово является глаголом в инфинитиве (ср. управление при предикативных наречиях: *надо учиться, можно спросить* и т. п.), или в виде союзов, если данное слово допускает управление не только другими словами, но и предложениями. Предлоги снабжаются указанием на то, каким падежом (или падежами) они управляют, союзы – сведениями о типах предложений, вводимых данным союзом. Примеры:

по|сла́ть, – шлю', – шлёт, *сов.* ... **1. а)** (отправить куда-л.) вин. в (на) + вин. (*сына в магазин, рабочего на склад*); **б)** (отправить с какой-л. целью) за + твор. (*за хлебом*), инф. (*ребенка погулять*) ... **б. прост.** (обругать кого-л., чтобы не приставал) к + дат. (*к чёрту*), на (в) + вин. (*на фиг, в баню*);

начина́|ть, – ю, – ет, *несов.* **1.** вин. и с инф. {ср.: *начинать работу, начинать работать*};

допрóс, – а, м., вин. о + предл. {ср.: *допрос подозреваемого об обстоятельствах преступления*};

гото́в|ый, – ая, – ое, *кратк. ф.* гото́в, гото́ва, гото́во... **2.** на + вин. и с инф. {ср.: *готов на всё, готов выступить*};

по, предлог, с дат., вин. и предл. пад. {ср.: *плыть по реке; воды по колено; по ком звонит колокол*};

что, союз, присоединяет изъяснительное придаточное предложение к главному {ср.: *Сообщили, что поезд опаздывает*}.

2.6. Зона семантических пояснений. Семантические пояснения, используемые в русской части русско-иноязычных словарей, значительно отличаются от толкований, которые даются в одноязычных толковых словарях. Во-первых, своей краткостью: во многих случаях они представляют собой семантические дескрипторы, назначение которых – отличить одно значение слова от других, например, в тех случаях, когда в одном существительном совмещаются значения действия или процесса, с одной стороны, и предметное значение, с другой, – ср. слова типа *завязка, передача, убеждение* и под. Во-вторых, зона семантических пояснений факультативна: краткими толкованиями снабжаются омонимы и разные значения многозначных слов. Слова, имеющие только одно значение, как правило, не сопровождаются семантическим пояснением; исключения составляют редкие или малоупотребительные слова, которые могут вызвать затруднения при переводе.

Семантическое пояснение дается в круглых скобках. У слов-омонимов оно указывается после сведений о грамматических, стилистических и синтаксических свойствах слова. Примеры:

лук¹, – а, м., мн. лу'ки (спец., в знач. сорта') (растение);

лук², – а, м. (оружие);

топ|уть¹, – лю', то'пит, несов., кого-что (погружать в воду);

топ|уть², – лю', то'пит, несов., что (поддерживать огонь, обогреть);

топ|уть³, – лю', то'пит, несов., что (расплавлять).

У слов-омонимов, принадлежащих к разным частям речи, семантическое пояснение не указывается, так как частеречная принадлежность слова, а вместе с этим и его значение определяются по системе грамматических форм, напр.:

печь¹, – ку', – чёт, что;

печ|ь², – и, мн. печи, – е'й, ж.

прост|ой, – ая, – ое, кратк. ф. прост, проста', про'сто;

простó|й, – я, м.

У многозначных слов семантическое пояснение дается после номера значения, который указывается арабской цифрой, набирается полужирным шрифтом и имеет после себя точку. Если в данном значении слово имеет грамматические, синтаксические и иные особенности употребления, а также стилистическую помету, то эти сведения предшествуют семантическому пояснению. Примеры:

ид|тú, *иду'*, *идёт*, *прош. шёл*, *шла*, *шло*, *несов.* **1.** (о человеке или животном: передвигаться); **9.** 1 и 2 л. не употр. (приближаться, наступать); **17.** 1 и 2 л. не употр., *разг.* (находить сбыт, распродаваться); **20.** 1 и 2 л. не употр., *кому-чему* и *к чему* (быть к лицу, подходить);

наклéйк|а, – и, ж. **1.** мн. нет (действие); **2.** (этикетка);

проко́л, – а, м. **1.** (действие); **2.** (отверстие); **3.** *перен., разг.* (неудача).

2.7. Зона полусвободной лексико-семантической сочетаемости. В этой зоне помещаются наиболее употребительные сочетания с данным словом, отличающиеся, однако, от фразеологизмов (см. зону 2.8.) меньшей идиоматичностью и устойчивостью. Заполнение этой зоны представляет собой наиболее сложный и трудоемкий процесс, поскольку отсутствуют ясные критерии, на основании которых одни словосочетания надо включать в словарь, а другие – нет^[53]: в большинстве случаев составитель словаря опирается на собственную интуицию, а также на представление о том, как те или иные сочетания должны переводиться на другой язык.

Всё же можно выделить по крайней мере три типа сочетаний, которые необходимо помещать в русской части словарных статей:

- 1) сочетания, отражающие предикативные связи слова;
- 2) сочетания, отражающие атрибутивные связи слова;
- 3) сочетания, обозначающие разновидности предмета, понятия, действия, процесса, свойства и т. п., которые обозначены данным словом; такие сочетания, помимо лингвистической, содержат и энциклопедическую информацию о называемой словом реалии.

Примеры:

внимáни|е, – я, с. **1.** ... обратить ~е; отнестись со ~ем; оставить без ~я; принять во ~е; привлечь (чье-н.) ~е; проявить ~е; сосредоточить ~е; уделить ~е (кому-чему); в центре ~я (быть, находиться);

скóрост|ь, – и, ж., кого-чего **1.** ... высокая ~ь, большая ~ь, бешеная ~ь, невиданная ~ь, головокружительная ~ь; медленная ~ь, тихая ~ь, малая ~ь, черепашня ~ь; на полной ~и; иметь ~ь; достигать ~и, набрать ~ь; развить ~ь; увеличить ~ь; ~ь возрастает, растет, увеличивается, повышается; ~ь падает, снижается, уменьшается; гасить ~ь, сбрасывать ~ь; терять ~ь; ~ь звука; ~ь света; сверхзвуковая ~ь^[54];

вы'й|ти, – ду, – дет, *прош.* вы'шел, вы'шла, вы'шло... **1.** (покинуть пределы чего-н., переместиться)... ~ из дома, ~ из берегов; ~ из-за стола; ~ на поверхность;

увелíчива|ться, – юсь, – ется, *несов.* ... значительно ~, резко ~; ~ в несколько раз, ~ на порядок; ~ в объеме;

нзк|ий, – ая, – ое, *кратк. ф.* – зок, – зка', – зко ... **3.** (меньше нормы) ... ~ое давление; ~ая температура; ~ое напряжение; ~ие цены; ~ий заработок; ~ий уровень (знаний, жизни, воды в реке);

крем, – а, м. ... **3.** (косметическое средство) ... мазать ~ом; ~ впитался (в кожу); детский ~; ~ для рук; ~ для лица; ночной ~; ~ для бритья; ~ после бритья;

нож, – а', м. **1.** (инструмент для резания) ... резать ~ом; полоснуть ~ом; лезвие ~а; ручка, рукоятка ~а; острый ~; тупой ~; точить ~; затупить ~; охотничий ~, перочинный ~, столовый ~, фруктовый ~; разрезной ~; ~ (-и) мясорубки; штык—;

пóезд, – а, м. **1.** (состав железнодорожных вагонов) ... ехать на (в) ~е, ~ом (в ~е метро); опоздать на ~; отстать от ~а (скорого или пассажирского); попасть под ~; стоянка ~а (скорого или пассажирского); пассажирский ~, скорый ~, товарный ~, пригородный ~, ~ метро.

Порядок подачи сочетаний в словарной статье определяется принципом «ядра и периферии»: (см. об этом [Апресян 1993]) сначала даются наиболее употребительные словосочетания, а затем менее

употребительные, стилистически отмеченные, специальные, просторечные, жаргонные; сочетания, содержащие энциклопедическую информацию о реалии (о ее видах, разновидностях, типах и т. п.), даются последними.

Каждое такое словосочетание сопровождается переводом.

2.8. Зона фразеологических единиц (фразеологизмов).

Здесь помещаются фразеологизмы и терминологические сочетания. Они даются за знаком \diamond и размещаются в конце словарной статьи (в том числе и словарной статьи многозначного слова), например:

внимáни|е ... \diamond Ноль ~я ..;

вы'й|ти ... \diamond ~ из себя ..; ~ замуж ..; как бы чего не вышло .. ; не вышел (чем-л.) .. ;

нож ... \diamond ~ острый ..; на ~а'х быть (с кем-л.) ..; резать без ~а'..; пустить под ~ ..;

но́мер ... \diamond выкинуть ~ ..; откалывать ~а' ..; ~ не пройдет ..; пустой ~ ..; вот это ~ !

морáльн|ый ... \diamond ~ый износ (тех.) ..; ~ое устаревание (*спец.*).

Каждый фразеологизм и каждое терминологическое сочетание предусматривает его перевод.

2.9. Зона прагматических сведений о слове. Эта зона заполняется в словарных статьях лишь тех русских слов, особенности употребления которых не могут быть объяснены собственно языковыми – грамматическими, лексико-семантическими, сочетаемостными, стилистическими – правилами. Адекватный перевод таких слов возможен только при учете прагматических факторов. Определение того, что называется языковой прагматикой, и подробный анализ различных видов прагматической информации о слове содержится в работе [Апресян 1995а]. Здесь же будут приведены только примеры словарных единиц (слов, морфем, фразеологических сочетаний), для перевода которых необходимы сведения прагматического характера.

1) Слово *законник* имеет в современном языке (в отличие от языка XIX в.) отрицательную или ироническую оценку говорящим лица, обозначаемого этим словом (ср.: *С этим законником лучше не*

связываться; Тоже мне законник выискался!), поэтому перевод его на другой язык словом или словосочетанием, которое имеет значение 'знарок законов' или значение 'человек, который строго соблюдает законы или следит за их соблюдением', без каких-либо комментариев прагматического характера был бы не вполне точен (заметим, что, например, в [СОШ 1997] именно эти два значения даны без каких-либо помет, указывающих на оценку слова говорящим).

2) Глагол *принять* в одном из своих значений, реализующемся в контекстах типа *Вчера президент США принял посла Франции; Директор сегодня не принимает посетителей*, должен быть сопровождается указанием на то, что принимающее лицо выше по статусу, чем лицо принимаемое (к сожалению, в современных толковых словарях это существенное обстоятельство игнорируется, и тем самым «разрешаются» высказывания типа **Посол Франции принял президента США; *Посетитель не принял директора*, которые воспринимаются как аномальные).

3) Местоимение *мой* в одном из своих употреблений (а именно, при сочетании с названиями так наз. иерархизованных коллективов, то есть организованных по принципу 'глава – подчиненные': *семья, цех, отдел* и под.) имеет следующее ограничение: оно естественно в устах главы такого коллектива (*моя семья, мой цех, мой отдел*), тогда как в речи члена коллектива предпочтительнее местоимение *наш* (*наша семья, наш цех, наш отдел*). Некоторые другие местоимения – например, *ты, Вы* (обращенное к одному лицу) – также нуждаются в указании на прагматические факторы, регулирующие употребление этих местоимений.

4) Постфиксальная глагольная морфема-*ка* (которая, естественно, должна быть представлена в БРУСе в виде самостоятельной словарной статьи), присоединяясь к глагольным формам повелительного наклонения (*подай-ка, сходи-ка, подвиньтесь-ка* и под.), сигнализирует об определенном типе отношений между субъектом и адресатом обозначаемого глаголом действия: формы с *-ка* естественны при обращении старшего по возрасту к младшему (напр., бабушки к внуку) или при общении близко знакомых, примерно равных по возрасту

людей; в ситуациях же общения «снизу вверх» формы с *-ка* менее естественны или даже запрещены (напр., обращение малолетнего внука к бабушке в форме: *Принеси-ка мне воды* воспринимается как недопустимая грубость).

5) Употребляемое в переносном смысле фразеологическое сочетание *сыт по горло* должно сопровождаться прагматическим по своему характеру указанием на то, что говорящий отрицательно оценивает объект «сытости»; ср. нормальное *сыт по горло вашими обещаниями* и сомнительное *сыт по горло вашими похвалами*.

Разумеется, подробная информация о прагматических свойствах слова уместна прежде всего в толковом словаре. Однако и в словаре двуязычном элементы такой информации необходимы – не только для правильного перевода слова на другой язык, но и для адекватного отображения в переводе условий его употребления во входном языке.

Каким образом, какими средствами надо фиксировать в русской части БРУСа сведения прагматического характера? Очевидно, это нельзя делать в виде более или менее пространных описаний – типа тех, к которым мы прибегли в приведенных примерах: жанр словаря не допускает этого. Необходимо разработать систему прагматических помет с описанием того содержания, которое подразумевается под каждой пометой, и в необходимых случаях сопровождать то или иное слово одной или несколькими пометами. Одни из этих помет сходны со стилистическими, другие указывают на определенные компоненты в семантике слова, третьи – на положительные или отрицательные коннотации слова, сопровождающие те или иные его значения.

Этностереотипы: отражение в языке представлений о «чужом» и «своём» этносе^[55]

Термин *этностереотип* понимается здесь как стандартное представление, имеющееся у большинства людей, составляющих тот или иной этнос, о людях, входящих в другой или в собственный этнос (естественно, возможны и другие толкования этого термина). Понятие этностереотипа тесно связано с понятием *коннотации*, определяемое как стандартная, устойчивая ассоциация, которую вызывает в языковом

сознании носителей языка употребление того или иного слова в данном значении (напр., употребление слова *осел* в его прямом значении у носителей русского языка вызывает ассоциацию с такими свойствами, как тупость и упрямство); определение понятия *коннотация* и типологию коннотативных смыслов см. в [Иорданская, Мельчук 1980; Апресян 1995]).

Изучение этностереотипов – часть более общей проблемы, которую условно можно обозначить как «стереотипы сознания и их языковое выражение». Выделяют стереотипы возраста (см. статью Г. Е. Крейдлина с тем же названием [Крейдлин 1996]), стереотипы, связанные с различиями людей по полу (они изучаются в рамках так наз. гендерной лингвистики), стереотипные представления об исполнении тех или иных социальных ролей и о характеристиках таких ролей (напр., ролей учителя, судьи, врача, продавца, пассажира и т. п.), и многие другие. В той или иной форме подобные стереотипы получают языковое выражение – в виде слов, словосочетаний, фразеологически или синтаксически обусловленных конструкций и т. п., которые, как это вполне очевидно, должны получать определенную лингвистическую интерпретацию.

Этностереотипы—одна из разновидностей стереотипов сознания.

В современной этнографии, культурологии и социальной психологии тема этностереотипов весьма популярна. Однако в лингвистике она изучена недостаточно. Одна из первоначальных задач такого изучения – отделить лингвистический аспект темы от всех остальных, понять, что в этой проблематике заведомо не относится к компетенции языковедов. Например, вопрос о том, насколько соответствует тот или иной стереотип реальным свойствам представителей данного этноса, находится, по-видимому, вне сферы лингвистики и ее интересов.

В чем состоит лингвистический аспект изучения этностереотипов? Прояснению ответа на этот вопрос, возможно, поможет рассмотрение двух связанных друг с другом подходов.

Во-первых, важно понять, какие сферы жизни того или иного народа, личностные свойства людей, составляющих его, их интеллектуальные, психические, антропологические особенности становятся объектами оценки. Очевидно, что это разного рода о т л и ч и я, то, что «не похоже», что выделяет данную национальную культуру среди других. Повторяемость отрицательных или положительных оценок, их массовость (среди представителей данного этноса) и устойчивость во времени – условие формирования этностереотипов. Объектами оценки, в частности, могут быть национальные традиции и обычаи, модели повседневного поведения, черты национального характера, особенности анатомии, физических движений, походки, речи и многое другое. Ср. стереотипное представление о грузинах, запечатленное в современных русских анекдотах: «Это человек заметный, шумный, пестро, часто безвкусно, но всегда «богато» одетый. Больше всего на свете грузин озабочен тем, что у него чего-то нет, он очень любит прихвастнуть, показать свое реальное или мнимое богатство. Грузины в русских анекдотах – люди гостеприимные, любящие компанию, застолье, тосты; щедрые, иногда слишком щедрые. Грузины преувеличенно мужественны, но при этом отношение к женщине у них «восточное», как к низшему существу...» [Шмелева, Шмелев 1999: 163].

Во-вторых, необходимо выделить языковые единицы – слова, фразеологизмы, синтаксические конструкции, которые можно интерпретировать как средства обозначения этнических стереотипов.

Это могут быть:

– слова, в свернутой форме содержащие в своих значениях оценку свойств типичного представителя другого этноса; таково, напр., жаргонное *чурка* – о жителе Средней Азии; в основе лежит представление о нем как о непонятливом и даже тупом, хотя в действительности он просто плохо понимает русский язык; значение просторечного глагола *выцыанить* 'получить что-либо у другого лица в результате настойчивых, надоедливых просьб' основывается на пресуппозиции, согласно которой цыгане умеют добиваться своего именно путем таких просьб; диалектно-просторечное *жидиться*

'скупиться, жадничать', образованное от существительного *жид* в его бранном значении 'скупой, как скупы все евреи' (ср.: «2. перен. В кругах антисемитов – скряга (*простореч. бран.*)» [СУ: 868], и др.;

– атрибутивные словосочетания, где определение – прилагательное, образованное от этнонима, а определяемое – имя какого-либо свойства человека: *американская деловитость, английская чопорность, с немецкой аккуратностью (дотошностью), русский размах* ит. п.;

– генитивные словосочетания, где в позиции подчиненного генитива – этноним, а в позиции синтаксического «хозяина» – имя какого-либо человеческого свойства: *Он добивается своего с упорством китайца*;

– сравнительные обороты: *точен, как немец; холоден, как англичанин; молчалив, как финн* и т. п.; интересно изучить разное лексическое «наполнение» этой сравнительной конструкции: первый компарат – имя свойства, второй компарат – этноним (ср. работы Ю. А. Сорокина, напр. [Сорокин 1977]); для выявления национально обусловленных различий в такого рода сравнительных конструкциях возможен (и он реально применяется) устный опрос или письменное анкетирование информантов;

– фразеологизмы: *уйти по-английски*; ср. в английском языке выражение *French leave* 'уход без прощания' (буквально: 'уход по-французски') – см. [НБАРС, I: 818];

– пословицы, поговорки, включающие этнонимы и эксплицитно или имплицитно указывающие на какие-либо свойства представителей соответствующей национальности: *Что русскому хорошо, немцу – смерть; Незванный гость хуже татарина* и под.

Материал для лингвистического анализа этностереотипов могут давать анекдоты, которые часто эксплуатируют расхожие представления о том или ином этносе или какой-либо его группе в качестве сюжетобразующих компонентов. Ср., например, анекдоты о габровцах (жителях города Габрова), построенные на представлении об обитателях этого болгарского города как о необычайно скупых и экономных людях.

Задача лингвистического анализа – выявить способы и средства, которыми передается информация об этих свойствах габровцев. Интересен также вопрос о характерных приметах речи представителей того или иного этноса—типа обращения *кацо* у грузин – героев анекдотов, *однако* – у чукчей, грассирующего [р] и частицы *таки* – в анекдотах про евреев и т. п. (см. об этом [Шмелева, Шмелев 1999]).

Для языкового выражения этностереотипов характерны **обобщение** и **гиперболизация** тех или иных свойств. Этой цели служат, в частности, кванторные слова типа: *все* (**Все** чехи любят пиво; **Все** русские бабы – толстые), *всегда* (Немец **всегда** пунктуален), *никогда* (Англичане **никогда** не поступятся вековыми традициями ради сомнительных новшеств современной цивилизации), *каждый* (**Каждый** азиат – многоженец; У **каждого** американца есть автомобиль, а то и два), *любой* (У бразильцев **любой** ребенок играет в футбол лучше нашего мастера)^[56] и т. п.

Интересны также модальные наречия типа *просто*, *прямо*, *прямотаки*, усилительные частицы типа *даже*, оценочные прилагательные *настоящий*, *истинный*, *подлинный* и нек. др., которые употребляются в контексте сравнения свойств того или иного лица со свойствами представителя «эталонного» в этом отношении этноса: *Ну и аккуратист!* **Просто** немец какой-то (**прямо настоящий** немец)!; *Ты **прямо** цыган: умеешь выпрашивать, что тебе надо; Тут **даже** финн разговорится* (имеется в виду ситуация, когда способен разговориться и тот, кто обычно молчит) и т. п.

Заслуживают исследовательского внимания случаи переносного употребления некоторых этнонимов или слов, обозначающих представителей какой-либо расы: например, слово *негр* в русской разговорной речи употребляется в значении 'человек, который тяжело и не имея никаких прав работает на другого' (*Нашел себе **негра**: ишачь на него, а он будет деньги огребать!*^[57]). Переносные значения имеют и некоторые прилагательные, образованные либо от этнонимов, либо от имен стран и материков; ср.: *азиат* в значении 'некультурный, грубый человек', *азиатский* 'дикий, грубый'^[58] (ср. также производное

азиатчина), употребление слов *африканский, китайский* в составе устойчивых оборотов *африканские страсти, китайская грамота, китайские церемонии* и нек. др. В основе подобных переносных употреблений, как это вполне очевидно, – определенные представления об эмоциональном мире, о характере менталитета или культурных традициях тех или иных народов.

Исследователь этностереотипов не может пройти и мимо своеобразных импликатур, которые в неявно выраженном виде содержат те или иные мнения об определенном этносе и о характерных свойствах его представителей. Ср. высказывания типа: *Я не русский, **НО** выпить люблю; Александр не пьет спиртного, **ХОТЯ** он и русский* (примеры из книги [Zybatov 1995: 154]); *Катя вышла замуж. Муж ее еврей, **НО** человек хороший.*

Следующий шаг на пути лингвистического анализа этностереотипов – установление того, каким образом отображаются стереотипные представления об этносе в значениях языковых единиц.

Если это слова, то естественно задаться вопросом: в какой части лексического значения помещается подобного рода информация – в ассерции, в пресуппозиции или в оценочной части? Ответ на этот вопрос можно получить, лишь истолковав значения имен этностереотипов, а также выявив коннотации, которыми сопровождается у говорящих – представителей данной этнической общности – употребление языковых единиц, так или иначе связанных с представлениями о другом этносе, – например, таких этнонимов, как *француз, немец, англичанин, чукча, еврей, татарин* и т. п., кличек и прозвищ (часто обидного, иногда – шуточного характера), которые даются представителям тех или иных этносов: напр., *макаронники* – об итальянцах, *чернота, чернорожие, черножопые* – о жителях Кавказа на неисконных (преимущественно российских) территориях их проживания, *саранча* – о китайцах, незаконно проникающих на территорию Дальнего Востока и юго-восточной Сибири, и др.

Такого рода коннотации могут быть обусловлены не только этнически, но и социально: внутри одного этноса употребление одних и

тех же этнонимов нередко сопровождается разными дополнительными смыслами. Отсюда – мостик к еще одной теме, связанной с данной: *социальные стереотипы*, или *социостереотипы*, и лингвистический аспект их изучения.

Литература

Апресян 1974 – *Ю.Д.Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

Апресян 1993 – *Ю.Д.Апресян*. Лексикографическая концепция нового большого англо-русского словаря // Новый большой англо-русский словарь / Под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. Т. 1. М.: Рус. яз., 1993. С. 6-17.

Апресян 1995 – *Ю.Д. Апресян*. Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1995. С. 156-177.

Апресян 1995а – *Ю.Д.Апресян*. Прагматическая информация для толкового словаря // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1995. С. 135-155.

Аракин 1993 – *В. Д.Аракин*. Лексическая сочетаемость как один из компонентов словарной статьи // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 245-254.

APCASC – Англо-русский словарь американского сленга / Перев. и сост. Т. Ротенберг и В.Иванова. М., 1994.

Баранникова 1974 – *Л.И.Баранникова*. Просторечие как особый социальный компонент языка // Язык и общество. Вып. 3. Саратов, 1974. С. 3-22.

Баранникова 1977 – *Л.И.Баранникова*. Просторечие и литературная разговорная речь // Язык и общество. Вып. 4. Саратов, 1977. С. 59-77.

БАС – Словарь современного русского литературного языка.

Т. 1-17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949-1965. Берков 1973 – *В. П. Берков*. Вопросы двуязычной лексикографии.

Л.: Изд-во. Ленингр. ун-та, 1973. Берков 1977—*В. П. Берков*. Слово в двуязычном словаре. Таллин: Валгус, 1977.

Берков 2004 – *В. П. Берков*. Двуязычная лексикография: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ, 2004.

Бояркина 1993 – *В. Д. Бояркина*. Новая глагольная лексика в современном русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.

Брейтер 1997 – *М. А. Брейтер*. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. М.: Диалог-МГУ, 1997.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1999.

Виноградов 1928 – *В. В. Виноградов*. Язык Зощенки (заметки о лексике) // Михаил Зощенко: Статьи и материалы. Л.: Academia, 1928. С.51-94.

Виноградов 1947 – *В. В. Виноградов*. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947.

Виноградов 1999 – *В. В. Виноградов*. История слов. М.: Азбуковник, 1999.

Винокур 1980 – *Т. Г. Винокур*. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980.

Головащук 1987 – [*С. И. Головащук*]. Предисловие // Русско-украинский словарь. В 3 т. 3-е изд., стер. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1987. CV-XIV.

Городское просторечие 1984 – Городское просторечие: Проблемы изучения / Отв. ред. Е. А. Земская и Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1984.

Даль 1955 – *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955.

Журавлев 1984 – *А. Ф. Журавлев*. Иноязычные заимствования в русском просторечии (фонетика, морфология, лексическая семантика) // Городское просторечие. М.: Наука, 1984.

Зализняк 1977 – *А. А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М.: Рус. яз., 1977.

Зализняк 2003 – *А. А. Зализняк*. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 4-е изд., испр. и доп. М.: Рус. словари, 2003.

Захаренко, Комарова, Нечаева 2003 – *Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева*. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003.

Земская 1992—*Е. А. Земская*. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.

Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 – *Е.А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев*. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.

Иомдин 1980 – *Л. Л. Иомдин*. Симметричные предикаты в русском языке и проблема взаимного залога. М., 1980. (Предварительные публикации Института русского языка АН СССР; Вып. 131).

Иомдин 1981 – *Л.Л. Иомдин*. Симметричные предикаты в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. 1979. М., 1981. С. 82-105.

Иорданская 2004 – *Л.Н. Иорданская*. Лингвистика частей тела // Семиотика. Лингвистика. Поэтика: К 100-летию со дня рождения А. А. Реформатского. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 397-406.

Иорданская, Мельчук 1980 – *Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук*. Коннотация в лингвистической семантике // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 6, 1980. С. 191-210. Иорданская, Мельчук 2007 – *Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук*.

Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки слав. культуры, 2007.

Калинин 1984 – *А. В. Калинин*. Культура русского слова. М.: Изд-во МГУ, 1984.

Капанадзе 2005 – *Л.А. Капанадзе*. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М.: ВИНТИ, 2005.

Квятковский 1966 – *А. Квятковский*. Поэтический словарь. М.: Сов. энцикл., 1966.

Ким 1981 – *С. С. – Д. Ким*. Вопросы комплексной разработки типовой русской части для русско-национальных словарей (заметки практика) // Вопр. языкознания. 1981. № 5. С. 39-53.

Коготкова 1970 – *Т. С. Коготкова*. Литературный язык и диалекты // Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука, 1970. С. 104-152.

Коготкова 1979 – *Т. С. Коготкова*. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М.: Наука, 1979.

Копецкий 1974 – *Л. В. Копецкий*. О статье двуязычного славянского словаря // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков: К 80-летию С. Г. Бархударова. М., 1974. С. 15-21.

Костомаров 1993 – *В. Г. Костомаров*. Русский язык в иноязычном потоке // Русский язык за рубежом. 1993. № 2 (142). С. 56-64.

Крейдлин 1996 – *Г. Е. Крейдлин*. Стереотипы возраста // Wiener Slawistischer Almanach. Bd 37, 1996. С. 207-218.

Крысин 1968 – *Л.П. Крысин*. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968.

Крысин 1983 – *Л.П. Крысин*. О «социальном» компоненте лексических значений // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 11, 1983. С. 169-187.

Крысин 1986 – *Л.П. Крысин*. Социальные ограничения в семантике и сочетаемости слова // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 34-54.

Крысин 1988 – *Л.П. Крысин*. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М.: Наука, 1988. С. 95-111.

Крысин 1990 – *Л.П. Крысин*. Социальные компоненты в прагматике языкового знака: квазисимметричные предикаты // Metody formalne w opisie j[^]zyk[?]w slowianskich / Pod red. Z. Saloniego. Bialystok, 1990. С. 195-199.

Крысин 1995 – *Л. П. Крысин*. Типы лексикографической информации об иноязычном слове // Русистика сегодня. 1995. № 2. С. 66-80.

Крысин 1996 – *Л. П. Крысин*. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки рус. культуры, 1996. С. 142-161.

Крысин 1996а – *Л. П. Крысин. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки рус. культуры, 1996. С. 384-408.*

Крысин 1997 – *Л. П. Крысин. Лексикографическое представление иноязычного слова: типы грамматической информации // Облик слова: Сб. памяти акад. Д. Н. Шмелева / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 1997. С. 65-71.*

Крысин 1998 – *Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.*

Крысин 1998а – *Л. П. Крысин. Об одной модели грамматического освоения иноязычных слов // Язык: изменчивость и постоянство: К 70-летию Л. Л. Касаткина. М., 1998. С. 317-319.*

Крысин 2000—*Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000.*

Крысин 2001 – *Л. П. Крысин. Новые иноязычные аналитические прилагательные и явление хиатуса // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова / Отв. ред. С. М. Кузьмина. М.: Языки рус. культуры, 2001. С. 189-196.*

Крысин 2002 – *Л. П. Крысин. Иноязычное заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопр. языкознания. 2002. №> 6. С. 27-34.*

Крысин 2002а—*Л. П. Крысин. Лингвистический аспект изучения этностереотипов (постановка проблемы) // Встречи этнических культур в зеркале языка / Отв. ред. Г. П. Нещименко. М.: Наука, 2002. С. 171-175.*

Крысин 2003 – *Л. П. Крысин. Сведения энциклопедического характера в лингвистических словарях // Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet / Red. nauk. L. Szypielewicz. Warszawa, 2003. С. 36-40.*

Крысин 2005 – *Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов. 6-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2005.*

ЛЭС 1990 – *Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990.*

Львов 1964 – *А. С. Львов. Проран* [заметка о слове] // Вопросы культуры речи. Вып. 5. М., 1964. С. 150-153.

МАС – Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1-4. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1981-1984.

Мельчук, Жолковский 1984 – *И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка*. Вена, 1984. С. 69-103. (*Wiener Slawistischer Almanach, SBd. 14*).

Михайлова 1998 – *О. А. Михайлова. Ограничения в лексической семантике русского слова: Автореф. дис. ... докт. филол. наук.*

Екатеринбург, 1998. Народы мира 1988 – *Народы мира: Ист. – этногр. справ. М., 1988. НБАРС, – Новый большой англо-русский словарь. Т. 1-3 /*

Под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. М.: Рус. яз., 1993.

Нечаева 2004 – *И. В. Нечаева. Правописание иноязычных слов в свете действующих правил орфографии // Рус. яз. в шк. 2004. №5. С. 76-81.*

Нечаева 2005 – *И.В. Нечаева. Мотивированность иноязычных заимствований: орфографический аспект проблемы // Рус. яз. в науч. освещении. 2005. №1 (9). С. 83-95.*

Никитина, Васильева 1996 – *С. Е. Никитина, Н.В. Васильева. Экспериментальный системный словарь стилистических терминов. М., 1996.*

НСИС 2003 – см. [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003].

НФРС—*В. Г. Гак, К. А. Ганшина. Новый французско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1994.*

ОС 1997 – *Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под ред. Р. И. Аванесова. 6-е изд. М.: Рус. яз., 1997.*

Панов 1971 – *М.В. Панов. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 240-253.*

Редкие слова 1997 – Редкие слова в произведениях авторов XIX в.: Словарь-справочник / Отв. ред. Р. П. Рогожникова. М.: Рус. словари, 1997.

РЯиСО – Русский язык и советское общество. Кн. 1—4 / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968.

РОС 1999 – Русский орфографический словарь / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Рус. словари, 1999.

РОС 2005 – Русский орфографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2005.

СИС 1933 – Словарь иностранных слов / Под ред. Т. М. Капельзона. М., 1933.

СИС 1987 – Словарь иностранных слов. 14-е изд. М., 1987.
Скляревская 1998 – Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Отв. ред. Г. Н. Скляревская. СПб., 1998.

Современный словарь... 2000 – Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва и др. М.: Цитадель, 2000.

Сорокин 1977 – *Сорокин Ю. А.* Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977.

СОШ 1977 – *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1977.

ССИС 1992 – Современный словарь иностранных слов. М., 1992.

СУ – Толковый словарь русского языка. Т.1-4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935-1940. Т. 1. М., 1935.

Супрун 1958 – *Супрун А.Е.* Экзотическая лексика // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1958. №2. С. 38-43.

Тимофеева 1992 – *Г. Г. Тимофеева.* Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографический аспект): Автореф. дис. . докт. филол. наук. СПб., 1992.

Тихонов 1985 – *А. Н. Тихонов.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1-2. М.: Рус. яз., 1985.

Труфанова 2006 – *Н. О. Труфанова*. Проблемы номинации лиц в современной финансово-экономической терминологии (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. . канд. филол. наук. М., 2006.

Урысон 2000 – *Е. В. Урысон*. Понятие нормы в метаязыке современной семантики (параметры человеческого тела с точки зрения русского языка) // Слово в тексте и в словаре: Сб. ст. к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 243-252.

Чуковский 2001 – *К. Чуковский*. О старом словаре и новых словах // Собрание сочинений. Т.4. М.: Тера-Книжный клуб, 2001. С. 182-191.

Шмелева, Шмелев 1999 – *Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев*. «Неисконная русская речь» в восприятии русских // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 162-169.

Юганов, Юганова 1997 – *И. Юганов, Ф. Юганова*. Словарь русского сленга: Сленговые слова и выражения 60-90-х гг. / Под ред. А. Н. Баранова. М.: Метатекст, 1997.

Chapman 1975 – *New Dictionary of American Slang* / Ed. by R. Chapman. N.Y.etc., 1975.

Petit Robert 1973 – *Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue francaise* / Par Paul Robert. 14^e ed. Paris, 1973.

Zgusta 1988 – *L. Zgusta*. Lexicography Today: An Annotated Bibliography of the Theory of Lexicography. Tbingen: Niemeyer, 1988.

Zybatow 1995 – *L. Zybatow*. Russisch im Wandel: Die russische Sprache seit der Perestrojka. Wiesbaden, 1995.

Литературная норма и речевая практика

Языковая норма в проекции на современную речевую практику^[59]

Понятие *нормы*, *нормального* важно для многих видов человеческой деятельности. Существуют *нормы выработки продукции* (например, на заводе) и *нормали*, то есть технические требования, которым эта продукция должна удовлетворять. Диетологи говорят о *нормах питания*, спортсмены «укладываются» в определенные

нормативы (в беге, в прыжках). Ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что в любом цивилизованном обществе действуют *нормы взаимоотношений людей, нормы этикета*; у каждого из нас имеется представление о том, что нормально для человеческого общения, а что ненормально, выходит за пределы некоей неписаной нормы. Да и наша повседневная речь пестрит этими словами: – *Как поживаешь? – Нормально! – Ну, как дела? – Да ничего, в норме.*

Более того, норма незримо присутствует и в таких наших высказываниях, в которых нет самих слов *норма* или *нормальный*. Когда мы оцениваем, например, рост человека или животного, то можем сказать: – *Какой высокий парень!* или: – *Что-то этот жираф маловат для жирафа*, – и тем самым сравниваем рост парня и жирафа с какой-то подразумеваемой нормой роста (естественно, разной для человека и для жирафа). Когда мы говорим: *удобный стул, слишком темная комната, невыразительное пение*, мы имеем в виду (хотя не отдаем себе в этом отчета) некие общепринятые «нормы» удобства стула, освещенности помещения, выразительности пения.

Как хорошо известно, норма есть и в языке. И это вполне естественно: язык – неотъемлемая часть не только цивилизованного, но и вообще всякого человеческого общества. Норма – одно из центральных лингвистических понятий, хотя нельзя сказать, что все лингвисты толкуют его одинаково.

В монографии «Русский язык и советское общество» (1968) Михаил Викторович Панов сформулировал теорию антиномий – присущих языку постоянно действующих противоречий, благодаря которым совершается его развитие. Основные антиномии: говорящего и слушающего, узуса и возможностей языковой системы, кода и текста, антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака, антиномия двух функций языка – информационной и экспрессивной (см. [РЯиСО, I: 24 и сл.]). Механизмы действия антиномий были убедительно продемонстрированы в указанной работе на материале развития русского языка первой половины XX века; сама теория получила

признание у большинства лингвистов, занимающихся проблемами языковой эволюции.

К теме этой статьи имеет прямое отношение, главным образом, антиномия узуса и возможностей языковой системы. Вот как иллюстрирует действие этой антиномии М. В. Панов:

Узус ограничивает использование языковых единиц и их сочетаний; живые потребности речевого употребления заставляют постоянно прорывать цепь этих ограничений, используя возможности, заложенные в языковой системе. Например, узус запрещает сказать *победу*, или *побежу*, или *побежду*. Можно использовать оборот *я буду победителем*, *я одержу победу*, *победа за мной*; но они слишком книжны, не годятся для непринужденной бытовой речи (и могут в ней употребляться только шутливо). Потребности языкового общения и запрещают и одновременно заставляют использовать эти формы (ведь строгое исполнение языковых запретов отвечает определенной потребности общения) [РЯиСО, I: 25].

Термин «узус» употреблен здесь практически как синоним термина «норма»: на это указывают такие характеристики, содержащиеся в приведенной цитате: узус ограничивает, цепь ограничений (накладываемых узусом), узус запрещает, исполнение языковых запретов (диктуемых узусом); как известно, ограничения и запреты – это функции языковой нормы. По-видимому, такая синонимия послужила причиной того, что в работах других исследователей, развивавших теорию М. В. Панова, эта антиномия иногда называется антиномией системы и нормы (см., например [Крысин 1968; 1989: 22; Беликов и Крысин 2001: 105, 106-107])^[60].

Насколько оправдано употребление терминов «узус» и «норма» как синонимов? Не обозначают ли они нечто хотя и близкое, но всё же существенно различающееся?

Прежде чем ответить на эти вопросы, рассмотрим понимание языковой нормы в современной лингвистике.

Термин *норма* часто используется в двух смыслах – широком и узком.

В широком смысле под нормой подразумевают традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов. В этом понимании норма близка к понятию *узуса*, т. е. общепринятых, устоявшихся способов использования данного языка. Так, можно говорить о норме применительно к территориальному диалекту: например, нормальным для севернорусских диалектов является оканье, а для южнорусских – аканье. По-своему нормативен и любой из социальных или профессиональных жаргонов: например, то, что используется в торговом аргоне, будет отвергнуто как чуждое теми, кто владеет жаргоном плотников; устоявшиеся способы использования языковых средств существуют в армейском жаргоне и жаргоне музыкантов – «лабухов», и носители каждого из двух этих жаргонов с легкостью отличат чужое от своего, «нормального», и т. д.

В узком смысле норма – это результат целенаправленной кодификации языка. Такое понимание нормы неразрывно связано с понятием литературного языка, который иначе называют нормированным, или кодифицированным^[61]. Территориальный диалект, городское просторечие, социальные и профессиональные жаргоны не подвергаются кодификации, и поэтому к ним неприменимо понятие нормы в узком смысле этого термина^[62].

Получается, что применительно к некодифицированным сферам языка мы можем употреблять термины «узус» и «норма» безразлично: то, как принято говорить, скажем, на данном диалекте, это языковой обычай, узус, но это и диалектная норма, отличающая его от других диалектов^[63]. Однако относительно кодифицированной подсистемы, каковою является литературный язык, такое безразличие в использовании терминов «узус» и «норма» явно неоправданно: одно дело, как предписывают употреблять языковые средства словари и грамматики (норма), и другое – как в повседневном речевом общении следуют этим предписаниям носители литературного языка (узус, речевая практика). Несовпадение нормативных прескрипций и речевой

практики более или менее очевидно, и современная устная и письменная речь предоставляет нам массу примеров такого несовпадения.

Из сказанного следует, что применительно к литературному языку полезно различать (в рамках рассматриваемой антиномии) три сущности: систему, норму и узус. При этом в понятии нормы надо иметь в виду два указанных выше смысла – широкий и узкий: 1) норма как результат традиции, как многолетний обычай использовать языковые единицы и их сочетания и 2) норма как результат кодификации, как совокупность предписаний, касающихся употребления языковых единиц.

Литературная норма объединяет в себе и языковую традицию, и кодификацию, во многом основывающуюся на этой традиции. Тем самым литературная норма противопоставлена, с одной стороны, системе (не всё, что допускает языковая система, одобрено нормой), а с другой, – речевой практике: в речевой практике вполне обычны большие или меньшие отклонения как от традиционной нормы, так и от тех нормативных предписаний, которые содержатся в грамматиках и словарях.

Примеры несовпадения системных возможностей, нормативных предписаний и речевой практики многочисленны и разнообразны.

Так, фонетическая система русского языка допускает сочетания мягких задненёбных согласных с последующим /o/: [к'o], [г'o], [х'o]. Литературная же норма отвергает словоформы типа *берегёт*, *жгёт* (хотя в речевой практике литературно говорящих людей эти формы встречаются^[64]), словоформы со звуко сочетанием [к'o] единичны: *ткёшь*, *ткёт*, *ткём*, *ткёте*, а слова с [х'o] в русском литературном языке не встречаются. Тем не менее, эти звуко сочетания «фонетически закономерны», и «можно уверенно ожидать, что какое-нибудь заимствование типа *гёла*^[65] или необычное имя собственное с этим сочетанием (*Хёлин*) будет произноситься людьми, владеющими русским литературным языком, без звуковых замен и без артикуляционных запинок: они сохраняют именно такой свой облик, с [г'o] и [х'o], даже если войдут в число общеупотребительных, частых в бытовой речи слов» [Панов 1967: 79-80].

Языковое творчество детей и некоторых писателей также может служить свидетельством того, что возможности системы языка значительно шире того, что разрешает литературная норма и что закреплено в узусе.

В знаменитой книге Корнея Чуковского «От двух до пяти» приведены многочисленные факты «незаконных» (а на самом деле вполне допускаемых системой русского языка) детских формо- и словообразований типа *зададу, спрятаю, пивнул, откуснул, всколькером, рукти* (по образцу слова *ногти*: «на ногах ногти, а на руках рукти»), *окошный дом, зубовный врач, пугательные сказки* и т. п. [Чуковский 1990: 105 и сл.]. Один из персонажей романа А. Солженицына «В круге первом», Илларион Герасимович, «не слабел, а, наоборот, *сильнел* от такой жизни». Разумеется, система языка не ставит под запрет образование глагола *сильнеть* от прилагательного *сильный*, поскольку словообразовательная модель производства глаголов со сходной семантикой ('приобретать свойство, обозначенное прилагательным, в большей степени') от других прилагательных, имеющих в своем составе суффикс *-н-*, существует: ср. *полный – полнеть, умный – умнеть, ясный – яснеть* и под. Однако ни в нормативных словарях, ни в речевой практике большинства говорящих по-русски глагола *сильнеть* нет. Заметим, что А. И. Солженицын вполне осознанно и целенаправленно расширяет русский словарь, вводя в него слова, отчасти забытые, отчасти стоящие на периферии языка, отчасти придуманные им самим, но образованные в большинстве случаев в соответствии с системными закономерностями русского языка: *выкоренить* ('искоренить, истребить'), *головотряс* (недуг), *думчивый* ('требующий призадуматься'), *изломистый, крохота* ('мелюзга, мелкота'), *лють* ('сильный мороз, стужа'; ср.: «Ой, лють там сегодня будет, двадцать семь с ветерком, ни укрыва, ни грева!» – «Один день Ивана Денисовича»), *неують, скорodelьный, сличка* ('сравнение'), *хрусткий* ('жесткий, твердый и ломкий'), *чашничать* ('бражничать, пировать') и под. [Солженицын 1990].

В разные периоды развития языка литературная норма имеет качественно разные отношения с речевой практикой.

В эпохи демократизации языка тенденции, действующие в узусе, преодолевают сопротивление традиционной нормы и в литературном языке появляются элементы, которые до того времени норма не принимала, квалифицируя их как чуждые нормативному языку. Например, характерное для современной речевой практики распространение флексии *-а (-я)* в именительном падеже множественного числа на всё более широкий круг существительных мужского рода (*инспектора, прожектора, сектора, цеха, слесаря, токаря* и под.) означает, с одной стороны, что конфликт между системой и нормой разрешается в пользу системы, а с другой, что постоянно изменяющийся, пополняемый новшествами узус, живая речевая практика оказывает давление на традиционную норму, и для некоторых групп существительных образование форм на *-а (-я)* оказывается в пределах кодифицированной нормы (и, значит, конфликт между нормой и узусом разрешается в пользу узуса).

Форма родительного падежа множественного числа *носок* (*несколько пар носок*), наряду с традиционно-нормативной *носков*, недавно разрешенная современными кодификаторами грамматической нормы (см. [Еськова 1994: 191; ОС 1997: 304]), – несомненная уступка просторечному узусу, из которого форма родительного падежа множественного числа с нулевой флексией (*носок*), ранее оценивавшаяся как бесспорно неправильная, распространилась и в среду говорящих литературно. Влиянием просторечной и профессионально-технической среды объясняются и многие другие варианты, допускаемые современной русской литературной нормой: *договор, договора, договоров* (наряду с традиционными *договор, договоры, договоров*) [Еськова 1994: 88; ОС 1997: 126], *переговоры по разоружению* (наряду с *переговорами о разоружении*), *радиовещание на границу* (то есть радиовещание для слушателей, живущих за границей), *война на уничтожение* (вместо традиционной конструкции *война с целью уничтожения*), *поделиться о впечатлениях* (вместо *поделиться впечатлениями*)^[66] ит.п.

Речевая практика может способствовать не только проникновению в нормированный язык новых для литературного языка единиц, но и укреплению в нем новых моделей – словообразовательных, синтаксических и других. Так, многочисленные лексические заимствования из других языков, главным образом из английского, расширившие нормативный русский словарь в конце XX века, способствуют и тому, что активизируются структурно новые типы слов. Таковы, например, некоторые словосочетания с так называемыми аналитическими прилагательными – типа *бизнес-план*. Надо сказать, что образование подобных словосочетаний – явление не новое для русского языка, их массовое возникновение (на основе сокращений типа *парт-, проф-, сов-* и т. п.) относится еще к 20-м годам XX в.; грамматические свойства аналитических прилагательных достаточно хорошо изучены (см. в первую очередь работы М. В. Панова, который предложил и сам термин «аналитические прилагательные» – [Панов 1956, 1971]). В большинстве случаев аналитическое прилагательное представляет собой неизменяемую единицу: *аудио-, био-, видео-, гидро-, кардио-, космо-, нарко-, шоу-* и под., и препозитивное присоединение ее к знаменательному слову – явление вполне естественное, аналогичное тому, как присоединяются к определяемым словам обычные, изменяемые определения-прилагательные. Однако когда в качестве аналитического прилагательного выступают слова, которые могут существовать и в виде склоняемых существительных – типа *бизнес, Интернет*, то речь может идти не только об образовании словосочетаний с аналитическими прилагательными: *бизнес-план, Интернет-карта*, но и о более традиционных для системы русского синтаксиса генитивных словосочетаниях типа *план бизнеса, карта Интернета* или о предложно-падежных конструкциях: *план по бизнесу, карта для Интернета*; кроме того, вполне в духе языка употребить и относительное прилагательное, образованное от такого существительного: ***бизнесный план, интернетная карта***, но ни современная речевая практика, ни тем более литературная норма не воспользовались возможностью образования таких прилагательных.

Под иноязычным влиянием появляются конструкции, не характерные для русского синтаксиса. Например, деепричастные заголовочные конструкции вида *Подводя итоги*, достаточно частотные в прессе начиная со второй половины XX века, появились под влиянием соответствующих конструкций английского языка – ср. англ. *summing up* (именно так было переведено на русский язык название автобиографической книги Сомерсета Моэма «*The Summing up*»). Сюда можно отнести также появление форм множественного числа у существительных, которые традиционная норма предписывает употреблять преимущественно в единственном: *гонка **вооружений*** (ср. англ. *arms race*), *мирные **инициативы*** (ср. англ. *peace initiatives*) и нек. др. Профессионально-технический язык стал источником таких конструкций, как *проверка емкостей на герметичность*, *бурение скважин на воду*; в сфере военно-делового языка – конструкций *приказ на наступление*, *задание на поход* и под. (см. [РЯиСО, III: 251 и сл.; Золотова 1974]).

Еще более показательное давление узуса на норму в области орфографии. Например, возврат в написании ряда слов, относящихся к религиозной сфере, к старой, дореволюционной норме – с прописной буквы (вместо положенного, согласно «Своду правил орфографии и пунктуации» 1956 года, написания их с буквы строчной): *Бог*, *Богородица*, *Рождество*, *Пасха*, *Сретенье*, *Библия* и др. – произошел первоначально в письменной практике конца XX века, а уж затем это было утверждено в качестве обязательной орфографической нормы (подробнее об этом см. во вступительной статье «Правила употребления прописных букв» к словарю [Лопатин, Чельцова, Нечаева 1999: 12–34]; о других случаях соотношения традиционной орфографической нормы и узуальных новшеств, а также о возможности сосуществования орфографических вариантов см. в статье [Кузьмина 2004]).

В периоды укрепления языковых традиций – что, несомненно, связано с определенной социальной, политической и культурной стабилизацией общества – фильтрующая сеть нормативной кодификации становится более частой, и тогда ненормативное, но при этом достаточно

широко представленное в узусе с большим трудом попадает в литературный язык. Например, в 30-е годы XX в., когда формировался «советский языковой стандарт», который дожил «до падения советского режима» [Живов 2005: 199], литературная норма отвергает имперфективные глагольные формы, образуемые от двувидовых глаголов: *атаковывать, использовать, мобилизовывать, организовывать* и под., хотя в 20-е годы XX в. они были весьма употребительны не только в просторечии, но и в литературной речи и имели определенные социальные перспективы укрепиться в нормативном языке. Академик С. П. Обнорский даже написал специальную статью, посвященную глаголу *использовывать* [Обнорский 1935], в которой выражал крайнее беспокойство по поводу распространения этой просторечной формы в речи литературно говорящих людей. Беспокойство оказалось напрасным, никто из владеющих литературной нормой не скажет сейчас: **Надо использовать такую возможность*. Но другие, сходные формы можно и услышать, и увидеть напечатанными: *таковы*, например, *организовывать* и *мобилизовывать*^[67] (см. об этом также [Мучник 1961; РЯиСО, III, § 68; Горбачевич 1971: 222-223]).

Взаимоотношения языковой нормы и речевого узуса не всегда антиномичны, то есть не всегда имеют форму конфликта, разрешаемого непременно в пользу какой-то одной из сторон. Вариативность, сосуществование, с одной стороны, языковых средств, освященных традицией и закрепленных в норме путем ее кодификации, и, с другой, языковых средств новых, идущих из речевой практики, также представляет собой форму взаимоотношений нормы и узуса. Несмотря на то, что литературная норма, как это давно признано ее исследователями, строга и консервативна^[68], она допускает совместное функционирование вариантов одной и той же языковой единицы.

Варьирование языковых единиц в пределах нормы имеет несколько типов:

1) свободное: таково, например, вариативное произношение твердого или мягкого согласного перед [э] (ударным или безударным) в

некоторых иноязычных словах: пре[т'э]н-зия – пре[тэ]нзия, [сэ]ссия – [с'э]ссия, [дэ]зодорант – [д'э]зодорант и т. п.; вариативность ударения в словах *одновременно* (на третьем или на четвертом слоге), *угля* и *угля*; вариативность некоторых падежных форм и личных форм глагола: *в мозгу* и *в мозге*, *чтят* и *чтут*;

2) семантически обусловленное: например, варьирование форм родительного падежа и партитива: *чая* – *чаю*, *сахара* – *сахару*, *коньяка* – *коньяку* и т. п., форм предложного и местного падежей: (*лежать*) *в снегу* – *в снеге* (*мало живописности*), *на самом краю* – *на переднем крае*; *в круге света* – *в своем кругу* и т. п., форм множ. числа в зависимости от значения слова: *тормоза* (механизм) – *тормозы* (в работе), *учителя* (в школе) – *учители* (о главах учений, научных или социальных теорий), *сыновья* (в семье) – *сыны* (*сыны Отечества*) и др.;

3) стилистически обусловленное: *тракторы*, *инспекторы*, *прожекторы* (книжн.) – *трактора*, *инспектора*, *прожектора* (нейтр. или разг.)^[69], *в отпуске* (книжн. или нейтр.) – *в отпуску* (разг.), *тропою* (устар.) – *тропой*;

4) профессионально обусловленное: *компас* – *компас* (в речи моряков), *лоскут* – *лоскут* (остатки в некоторых видах производства, например, в ткацком), *сейнеры* – *сейнера*, *разбивка* – *разбиение* (второе – в научной речи, при общем для обоих слов значении 'распределение чего-л. по группам, классам');

5) социально обусловленное: *по средам* (главным образом, в речи интеллигенции старшего поколения) – *по средам* (в речи молодого и среднего поколений независимо от социальной принадлежности), е[ж':]у, дро[ж':]и (в речи интеллигенции, преимущественно московской, старшего поколения) – ё[ж:]у, дрд[ж:]и (в речи других групп носителей современного литературного языка), ш[ы]гй, ж [ы]ра (в речи москвичей старшего поколения) – ш[а]гй, ж[а]ра (в речи других групп носителей современного литературного языка) и др.;

6) территориально обусловленное. Этот тип варьирования литературной нормы признаётся далеко не всеми исследователями: например, Ф. П. Филин отстаивал единство и неварьируемость русского

литературного языка на всей территории его распространения (см. [Филин 1981]). Однако языковая действительность расходится с этой точкой зрения на литературную норму. Исследования последних десятилетий убедительно показали, что русский литературный язык существует в определенных локальных вариантах, характеризующих главным образом фонетику, акцентуацию, интонацию, а также словоизменение и лексику (единицы других сфер языка подвержены варьированию в меньшей степени). Так, для речи интеллигенции таких городов, как Вологда, Пермь, Красноярск, Тобольск и нек. др., характерна меньшая, чем в «столичной» норме, редукция гласных в неударных (особенно в заударных) слогах; в речи носителей литературного языка, живущих в городах к югу от Москвы, встречается [y] фрикативный на месте [г] взрывного; у носителей литературного языка, живущих в Москве и Санкт-Петербурге, наблюдаются различия в использовании наименований одних и тех же объектов, а также некоторые акцентные особенности, и т. п. (см. об этом, например, в работах [Беликов 2004, 2006; Григорьева 1980; Ерофеева 1979; Жильцова 1987; Игнаткина 1982; Парикова 1966; РЯДМО; Чуркина 1969]).

Самым «слабым звеном» среди этих шести групп вариантов, допускаемых литературной нормой, является первая группа: свободная вариативность постоянно испытывает давление со стороны нормы, которая в принципе неохотно допускает функционально не оправданную дублетность языковых единиц (ср. основанное на этом свойстве нормы определение М. В. Пановым понятия литературного языка – в [Панов 1966]). Срок существования ничем не обусловленных вариантов в литературном языке относительно короток: такие варианты постоянно «растаскиваются» в другие группы, где вариативность определяется теми или иными условиями. Например, акцентная вариативность слова *творог* имеет отчетливо выраженную тенденцию перейти в другой тип варьирования – социально обусловленный: *творог* предпочитают говорить преимущественно представители интеллигенции старшего поколения, а *творог* – вариант более молодой и социально слабо

маркированный; похожая тенденция в распределении акцентных вариантов слова *щавель* (ударение на первом слоге – более молодое и, возможно, еще просторечное, но широкоупотребительное^[70], а *щавель* отмечается преимущественно в речи интеллигенции старшего поколения).

В целом сосуществующие в литературном языке варианты функционально и коммуникативно подвижны: их использование зависит от сферы и стиля общения, от социальной и профессиональной принадлежности говорящего, от его коммуникативных намерений (например, говорит ли он всерьез или хочет пошутить) и способности переключаться с одной манеры речевого общения на иную (например, с профессиональной речи на общелитературный язык) и от некоторых других факторов (см. об этом, в частности, в работе [Современный русский язык... 2003]).

В процессе обновления нормы определенное значение имеет распространенность, частота того или иного новшества в речевой практике, хотя роль этого фактора нельзя преувеличивать: распространенной, массовой может быть и явная ошибка (ср., например, произношение типа *инцидент*, *беспрецедентный*, весьма часто встречающееся даже в публичной речи, в частности, у журналистов)^[71]. А. Б. Шапиро полвека назад справедливо заметил: «Даже если девяносто процентов будут говорить *документ*, это не может стать литературной нормой».

Однако в случае не столь контрастных отличий вновь появляющегося языкового факта от традиционно используемой языковой единицы новое может приобретать широкое распространение и получать признание у большинства говорящих, и обе формы – старая и новая – могут длительное время сосуществовать в пределах литературной нормы. Современные словари и справочники дают обильные примеры вариативных произносительных и акцентных норм: *твори'г* – *тво'рог*, *по среда'м* – *по сре'дам*, *раку'рс* – *ра'курс*, *ста'ртер* – *стартёр*, *бу'ло[шн]ая* – *бу'ло[чн]ая*, *[дэ]зодора'нт* – *[д'э]зодора'нт*, *пре[т'э]нзия* – *пре[тэ]нзия*, *[сэ]ссия* – *[с'э]ссия*^[72]; о редком явлении надо говорить *феномен*

(ударение *феномен* не рекомендуется), а применительно к обладающему исключительными, редкими качествами человеку можно употреблять и ту и другую акцентную форму [ОС 1997: 599] (хотя в живой речи произношение этого слова с ударением на втором слоге, по-видимому, большая редкость) и т. п.

Постепенно один из вариантов вытесняет своего конкурента: например, ударение на первом слоге в слове *творог* и в дательном падеже множественного числа слова *среда* (*по сре'дам*) сейчас является статистически преобладающим среди носителей русского литературного языка, так же как и произношение *бу'ло[чн]ая* (традиционное старомосковское произношение этого слова со звуко сочетанием [шн] характерно главным образом для речи москвичей; см. об этом более подробно [РЯДМО, гл. 2]), акцентная форма *ра'курс* – по сравнению с ныне устаревшей (но до относительно недавнего времени единственно правильной^[73]) формой *раку'рс* и нек. др.^[74]

В обновлении нормы, в ее изменении под влиянием речевой практики важна также социальная и культурная среда, в которой то или иное новшество получает распространение. В общем случае, чем выше «общественный вес» той или иной социальной группы, ее престиж в обществе, ее культурный уровень, тем легче иницируемые ею языковые новшества получают распространение в других группах носителей языка (ср. понятия социального статуса, социального престижа и престижной языковой формы, используемые У. Лабовом при объяснении им фонетических изменений, – см. [Labov 1972; Лабов 1975: 225; 1975а: 323]). Однако обратное не всегда верно: то, что рождается в непрестижной, социально низкой и малокультурной среде, может, конечно, сохраняться в этой среде, не выходя за ее пределы, но может – и нередко! – проникать в речь других социальных групп, в том числе и в речевую практику носителей литературного языка. Ср. замечание А. Д. Швейцера, основанное на анализе инновационных процессов в английском литературном языке и в английских диалектах: несмотря на сопротивляемость кодифицированного языка новшествам, идущим из субстандартных источников, «существует и противоположный путь

распространения инноваций – «снизу вверх», т. е. из субстандартных разновидностей языка в литературный язык. В результате этого процесса происходит сублимация субстандартных языковых форм и их закрепление в узусе, санкционируемом нормами литературного языка» [Швейцер 1996: 74]^[75].

Сходные процессы наблюдаются и в русском языке.

Так, традиционно «законодателем мод» в области русского литературного произношения и словоупотребления считается интеллигенция, призванная быть основным носителем речевой культуры данного общества. Однако произносительные, грамматические и лексические образцы, принятые в социальных группах с высоким уровнем общей и речевой культуры, не всегда имеют преимущество (при вхождении в общий речевой оборот) перед образцами, привычными для социальной среды с более низким уровнем культуры. Например, известно, что слово *двuruшник* вошло в литературный язык из нищенского арга (первоначально так называли нищего, который собирал милостыню двумя руками), *животрепещущий* – из речи торговцев рыбой, *мелкотравчатый* – из языка охотников, *скоропалительный* – из языка военных, *топорный* – из профессионального языка плотников (первоначально так говорили о плотничьей работе, в отличие от работы столярной, более тонкой и тщательной) – см. об этом в работах [Виноградов 1938/1982; 1994; Сорокин 1965: 497-498].

В современном литературном языке получают распространение факты, идущие из некодифицированных языковых сфер – главным образом, из просторечия и жаргонов, и традиционно-нормативные единицы постепенно вытесняются новыми. Например, традиционные *обусловливать*, *сосредоточивать*^[76] вытесняются новыми *обуславливать*, *сосредотачивать*; наряду с нормативным *морщить* появляется новое (по-видимому, просторечное) *смарщивать* – как форма несовершенного вида к *сморщить*; жаргонные слова *беспредел*, *тусовка*, *разборка*, *откат* мелькают в речи тех, кого общество привыкло считать образцовыми носителями литературной нормы; многие не замечают, что можно *указывать о чём*, *договориться по чему* (*удалось договориться с*

Украиной по газу, договорились по кандидатуре губернатора (см. об этом [Гловинская 1996]) – вместо традиционно правильных конструкций *указывать что и указывать на что, договориться о чем*.

В подобных случаях узус пренебрегает нормативными рекомендациями и запретами, и речевая практика приходит в противоречие с языковой традицией и с предписаниями кодификаторов.

Особого разговора заслуживают сознательные отклонения от нормы, которые, в частности, могут опираться на нереализованные возможности языковой системы или использовать нетрадиционные, не характерные для литературного языка средства. Намеренное нарушение нормы обычно делается с определенной целью – иронии, насмешки, языковой игры. В этом случае перед нами не ошибка, не узуальное новшество, вступающее в противоречие с принятой нормой, а речевой прием, свидетельствующий о свободе, с которой человек использует язык, сознательно – с целью пошутить, обыграть значение или форму слова, скаламбурить ит.д. – игнорируя нормативные установки. Одним из распространенных приемов языковой игры является стилистически контрастное использование разного рода расхожих штампов – газетных клише, оборотов какого-либо профессионального языка, канцеляризмов ит.п.: *Каждый год он вел борьбу за урожай на этой неказистой грядке* (из газетного очерка); *По достижении пятидесяти лет я оставил большой секс и перешел на тренерскую работу* (М. Жванецкий). Сознательное обырывание фразеологизмов, намеренное отклонение от их нормативного употребления – также один из приемов языковой игры: *Он съел в этом деле не одну собаку; Они жили на широкую, но босую ногу; (быть) между Сциллой и харизмой; пиар во время чумы*^[77] (примеры из современной печати).

Итак, языковая норма имеет разную природу в кодифицированных и некодифицированных подсистемах языка. В некодифицированных она равна узусу—традиционно употребляемым языковым единицам и способам сочетания их друг с другом. В кодифицированных подсистемах, и прежде всего в литературном языке^[78], норма объединяет в себе традицию и целенаправленную кодификацию. Норма как совокупность

традиционно используемых языковых средств и правил их сочетания противопоставлена системе языка (как комплексу возможностей, из которых норма реализует лишь некоторые), а норма как результат целенаправленной кодификации может входить в противоречие с речевой практикой, в которой наблюдается как следование кодификационным предписаниям, так и нарушение их. Языковая деятельность носителя литературного языка протекает в постоянном (но при этом обычно не осознаваемом) согласовании речевых действий с возможностями системы, с тем, что предписывают словари и грамматики данного языка, и с общепринятыми в данное время средствами и способами его использования (речевой практикой, узусом).

Толерантность языковой нормы^[79]

Свойство вариативности нормы, находящееся в диалектической связи со свойствами единства и общеобязательности нормативных установок, можно интерпретировать как проявление своего рода толерантности.

Толерантность языковой нормы имеет несколько измерений, из которых наиболее существенны следующие: структурное, коммуникативное, социальное.

Структурная толерантность – это допущение нормой вариантов, различающихся своей структурой (фонетической, акцентной, морфологической, синтаксической) при тождестве содержательной стороны. Например, фонетические варианты *ску'[шн]о* – *ску'[чн]о*, *дро'[ж':]и* – *дро'[ж:]и*, *ж[ы]ле'ть* – *ж[а]ле'ть*^[80], акцентные *тво'рог* – *тво'рог*, *каза'ки* – *казаки'*, *однове'нно* – *однове'менно*, морфологические *цехи* – *цеха'*, *в цехе* – *в цеху*, *каплет* – *капает*, *гас* – *гаснул*, словообразовательные *резание* – *резка*, *истеричный* – *истерический*, *популяризовать* – *популяризировать*, синтаксические *указать что* – *указать на что*, *учебник русского языка* – *учебник по русскому языку*, *банка для сметаны* – *банка под сметану* и мн. др. находятся в пределах современной русской литературной нормы и при этом не различаются по смыслу или по употреблению.

Коммуникативная толерантность – это использование вариативных средств языка в зависимости от коммуникативных целей, которые преследует говорящий в тех или иных условиях общения. Например, в юридическом документе – постановлении, законе, договоре – вряд ли кто отважится употребить жаргонные слова *тусовка* или *беспредел*, просторечные *обрыдло* ('надоело') или *(все) навалом*, но в непринужденном общении и носители литературного языка иногда прибегают к этим жаргонизмам. Более того, некоторые жаргонизмы и элементы современного просторечия – далеко не редкость в публичной речи, в частности в средствах массовой информации. И хотя раздаются голоса о недопустимости подобного «мусора» в речи, рассчитанной на массового читателя и слушателя, в целом общество достаточно терпимо относится к этим процессам.

Социальная толерантность – это допущение языковой нормой вариантов, распределенных по разным социальным группам носителей данного языка. Примеры такой социальной (включая возрастную, профессиональную и т. п.) распределенности вариантов хорошо известны. В нормативных словарях и справочниках подобные варианты снабжаются пометами: «в профессиональной речи», «у медиков», «в речи моряков», «в языке военных» и т. п.; ср., например, такого рода пометы при вариантах *при'вод*, *флюорографи'я*, *компа'с*, *(служить) на флоте* и под. Кроме того, один и тот же носитель языка, общаясь с разными слоями говорящих, может сознательно выбирать те из предоставляемых языком вариантов, с помощью которых он надеется достичь определенного коммуникативного комфорта в соответствующей социальной среде. Знаменитый металлург академик И. П. Бардин на вопрос о том, с каким ударением он произносит слово *киломе'тр*, ответил: «Когда как. На заседании Президиума Академии – *кило'метр*, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском заводе, конечно, *километр*, а то подумают, что зазнался Бардин» (цит. по: [Костомаров, Леонтьев 1966: 5])^[81].

«Открытость» литературного языка внешним влияниям, активное освоение им средств, заимствуемых из иных подсистем данного языка

(просторечия, диалектов, социальных и профессиональных жаргонов) или из других языков, свидетельствует о еще одной стороне языковой нормы – ее то-лерантности к новшествам.

Правда, это требует определенных оговорок.

Далеко не всякое новшество входит в литературный язык, одобряется нормой. В процессе освоения иносистемных элементов норма играет роль фильтра: она пропускает в литературное употребление всё наиболее выразительное, коммуникативно необходимое и задерживает, отсеивает всё случайное, функционально излишнее. Но принципиальная возможность освоения того, что раньше не допускалось в состав нормативных средств, свидетельствует об определенной «терпимости» нормы к новому.

Говоря о принципиальной возможности освоения нормой новшеств, нельзя упускать из вида, что норма не только регистрируется словарями и грамматиками, но и реально воплощается в речи носителей языка – тех, чья речь может считаться образцовой, соответствующей нормативным требованиям. Однако, принадлежа к разным (хотя и преимущественно культурным) социальным слоям общества, говорящие с разной степенью терпимости относятся к нововведениям в языке. С учетом этого фактора можно говорить о некоей шкале толерантности, на одном полюсе которой располагаются оценки «консерваторов», неохотно соглашающихся с тем, что обновление нормы необходимо, а на другом – оценки их антиподов, «новаторов», которые с легкостью допускают в собственную речь новшества и не видят ничего страшного в том, чтобы эти новшества распространились и в общественном узусе.

Даже внутри однородной социальной группы и в идиолекте одного и того же носителя языка разные новшества оцениваются с разной степенью толерантности. Например, в интеллигентской среде преобладает мнение, что умеренное заимствование иноязычной лексики естественно и необходимо. Но заимствование некоторых групп слов вызывает резко отрицательную реакцию: таково, например, отношение опрошенных нами информантов из филологической и медицинской среды к англоязычным междометиям типа *вау*, *упс* или *олс*, которые

распространились в последнее время, преимущественно в речи молодежи.

Для такой негативной оценки употребления в русской речи подобных иноязычных междометий есть и некоторые лингвистические основания. Дело в том, что разного рода «коммуникативная мелочь» – союзы, частицы, предикативные наречия и в особенности междометия – составляют наиболее специфичную и консервативную часть каждого национального языка и с трудом пропускают в свой круг «чужаков». Одно из редких исключений – заимствование русским языком междометия *алло*, которое представляет собой фонетическое видоизменение английского *hallo(a)*. В его заимствовании была определенная коммуникативная необходимость, поскольку оно пришло к нам вместе с самым новым видом связи – телефоном. По-видимому, сходные причины объясняют заимствование «театральных» междометий *бис* и *браво*: они вошли в русский язык в составе театральной лексики и терминологии. Если таких причин нет, то иноязычные междометия, по-видимому, не имеют шансов закрепиться в общем употреблении^[82].

В заключение следует сказать, что понятие толерантности применительно к языковой норме позволяет рассматривать норму не только как лингвистический, но и как социальный конструкт, на формирование которого оказывают влияние общественные предпочтения и запреты.

Речевые «неправильности»: социолингвистический аспект изучения^[83]

Возникающие в речи «неправильности» обычно анализируются с точки зрения нормы, существующей в данное время в данном литературном языке.

Собственно нормативный взгляд на разного рода речевые ошибки и отклонения от языковой правильности может быть дополнен их социолингвистическим анализом. Суть его в том, чтобы квалифицировать (естественно, там, где это возможно) нарушения литературной нормы как возникающие в определенной социальной среде.

В данной статье рассматривается ряд фактов, относящихся к современной русской речи (и к недавнему прошлому русского языка), под углом их «социального происхождения». При этом сами языковые явления привлекаются к анализу в более или менее свободном порядке, – главное внимание обращается на социальную и профессиональную среду, которая порождает эти явления.

Такой подход, как кажется, полезен для осмысления механизма и перспектив развития литературного языка: общеизвестно, что многие факты литературной речи, вполне одобряемые современной нормой, в прошлом могли оцениваться как чуждые языковой традиции или просто как «неправильности».

Например, известный автор русской грамматики А. Н. Греч негативно оценивал – в первой трети XIX в. – формы *колени* вместо единственно правильной, по его мнению, формы *колена*. «*Поезда* вместо *поезды* ныне во всеобщем употреблении, но совершенно неправильно и неизвестно, на каком основании», – писал в заметке «Неправильности в современном разговорном, письменном и книжном русском языке» неизвестный автор, скрывшийся за инициалами «Н. Г.» (СПб., 1890. С. 18).

По свидетельству Корнея Чуковского, знаменитый юрист, академик Анатолий Федорович Кони возмущался употреблением наречия *обязательно* вместо *непременно*. «– Представьте себе, – говорил он, хватаясь за сердце, – иду я сегодня по Спасской и слышу: «Он *обязательно* набьет тебе морду!» Как вам это нравится? Человек сообщает другому, что кто-то любезно поколотит его!» [Чуковский 1982: 14]. Сам Чуковский признавался, что его коробит пришедшее из актерской среды прилагательное *волнительный* (и наречие *волнительно*) [Там же: 21-22].

Еще в начале прошлого века ревнителей чистоты и правильности русского языка выводил из себя глагол *вылядеть* (Вы *сегодня прекрасно вылядите!*), в котором они видели «незаконную» словообразовательную кальку с немецкого *aussehen* (см., например: [Огиенко 1915]). Александр Блок писал: «Нам кажется недопустимым, чтобы в пьесе, под

которой подписано имя такого стилиста, как Сологуб, хотя бы и в ремарке встречалось выражение «выглядит хорошо»» (цит. по [Грановская 1996: 13]).

Примеры такого рода можно многократно умножить.

Некоторые из фактов, квалифицировавшихся на том или ином этапе развития литературного языка лингвистами как «неправильности», первоначально были характерны для определенной социальной или профессиональной среды и лишь спустя какое-то время распространялись среди других групп носителей языка. Это же характерно и для современного этапа развития русского языка.

Например, формы родительного падежа множественного числа существительных, обозначающих единицы различных физических величин (веса, мощности, напряжения и т. п.), не имеющие флексий: *сто грамм, двести двадцать семь ватт, семьдесят пять вольт* (вместо «положенных» по традиционной норме форм с флексией *-ов*), – возникли в технической среде и первоначально были признаком «технического» стиля, но не допускались литературной нормой. Например, Б. Н. Головин [Головин 1966: 61] запрещал форму (сто) *грамм*. Д. Э. Розенталь отмечает формы *граммов* и *грамм* как свидетельство к о л ебания нормы [Розенталь 1965: 103], а К. С. Горбачевич в книге 1971 года пишет: «Форма с нулевым окончанием в родительном падеже множественного числа слова *грамм* прочно завоевала право на существование», – и приводит многочисленные примеры, подтверждающие это мнение [Горбачевич 1971: 186]. Современный «Орфоэпический словарь русского языка» вводит понятие счетной формы (впервые счетная форма как особый падеж рассматривается в работе [Бидер и др. 1978: 38]), которое актуально для названий единиц измерения – существительных мужского рода с основами на твердый согласный. При указании количества какой-либо энергии или физической величины формы типа (5) *вольт*, (10) *ампер*, (100) *ватт* кодифицируются как нормативные. В иных же контекстах, где речь не идет о количестве, правильны только формы на *-ов*: «введение [как единиц измерения] *вольтов, амперов, ваттов.*» [ОС 1989: 670-671].

«Незаконное» причастие *несгораемый*, образованное, вопреки правилу, от непереходного глагола *сгорать*, возникло, по-видимому, в профессиональной среде пожарных, но впоследствии стало настолько распространенным в других слоях носителей языка, что сейчас было бы явным анахронизмом призывать к запрету этого слова.

Некоторые языковые факты не несут в своей структуре никаких особенностей, характеризующих ту или иную социальную среду, и лишь специальные лингвистические исследования могут указать на их происхождение, как это имеет место, например, в истории слов *животрепещущий*, *двурушник*, *промокашка*. Хотя по отношению к такого рода языковым фактам термин «неправильность» едва ли применим, в языке прошлого они воспринимались как новшества, шедшие вразрез с литературной традицией.

Как известно, слово *животрепещущий* первоначально было принадлежностью профессионального языка торговцев рыбой (*животрепещущая рыба*), «но уже в критике и публицистике 30-40-х гг. [XIX в.] выступает употребление слова в расширительном смысле: *животрепещущая новость дня, животрепещущий опыт*» [Сорокин 1965: 497]. *Двурушником* в языке нищих называли того, кто собирал милостыню обеими руками. В. В. Виноградов отмечает, что впервые в художественной литературе слова *двурушник* и *двурушничать* были употреблены В. В. Крестовским в «Петербургских трущобах» – при описании быта нищих, и приводит обширную цитату из этого произведения, иллюстрирующую употребление существительного и глагола [Виноградов 1994: 130].

Слово *промокашка* попало в общее употребление из школьного арго, и в словаре В. Долопчева оно отмечается как неправильность – вместо правильного словосочетания *промокательная бумага* [Долопчев 1909].

Естественно, далеко не всякий факт, характерный для словоупотребления той или иной социальной среды, может расширить сферу своего использования и проникнуть в общий речевой обиход. Например, многочисленные случаи нарушения современной акцентной

нормы остаются локализованными в определенных группах носителей языка. К. С. Горбачевич отмечает акцентные профессионализмы типа *а'лкоголь*, *агони'я* (в речи врачей), *астроно'м*, *ато'мный* (в речи физиков) и др. [Горбачевич 1978: 59]. Сюда можно добавить *прикус* – у стоматологов, *при'вод* – в речи милицейских работников, *про'гиб* – в речи строителей, *наркомани'я* – в речи врачей, *ка'учук* – в речи химиков, *со'зв* – в речи парламентариев и политиков, и мн. др.

Акцентные явления – одна из характерных примет, по которым опознаётся социально или профессионально специфичная речь. Например, яркой приметой речи милицейских работников, прокуроров, следователей служат два акцентных варианта: *осу'жденный* и *возбужденное (дело)*. Интересно, что известный в прошлом юрист П. Сергеич (псевдоним П. С. Пороховщикова) отмечал накоренное ударение в глагольной форме *возбу'дил* как характерное для речи юристов конца XIX века [Сергеич 1960: 38].

В этой же профессиональной среде распространены такие формы, как *срока'*, *сроко'в* (*Незаконно увеличиваются **срока'** пребывания подсудимых в СИЗО; Постановление предусматривает сокращение **сроко'в** предварительного заключения.* – Телевидение, 11.06.99, выступление заместителя министра юстиции России; эта же словоформа встречается и в речи заключенных, ср. в стилизованной песне Ю. Визбора: «Идут на север *срока'* огромные, Кого ни встретишь – у всех Указ...»), *обыско'в* (*Прокуратура дала санкцию на проведение **обыско'в** в помещениях обеих фирм.* – Телевидение, май 1999, в речи милицейского начальника).

Формы именительного падежа множественного числа существительных мужского рода с основой на согласный, имеющие ударную флексию *-а'* (*-я'*), как известно, широко распространены в речи представителей разных профессий. Систему ударных флексий в формах множественного числа обычно приобретают наиболее употребительные в данной профессии слова и термины: если юристы могут говорить о *срока'х* и *обыска'х*, то работники скорой помощи сетуют на то, что в иную ночь у них бывает по несколько *вызово'в*, военные

укомплектовывают личный состав *взводо'в*, кулинары варят *супа'* и изготавливают *торта'*, строители закрепляют такелажные *троса'*, старатели недовольны задержкой зарплаты на *прииска'х* и т. п. (краткую справку об истории развития тенденции к распространению форм на *-а'* (*-я'*), данные массового социолингвистического обследования использования этих форм говорящими, а также перечень работ, посвященных этому языковому явлению, см. в [РЯДМО: 179-187]).

Профессионально ограниченными являются и некоторые другие особенности ударения, характерные для слов или словоформ. Так, накоренное ударение в словоформах *све'рлишь*, *све'рлит*, *све'рлят*, *рассве'рлишь*, *рассве'рлит*, *рассве'рлят* и др. характерно для речи рабочих, имеющих дело со слесарной и токарной обработкой металла. На текстильных фабриках работают *мо'тальщицы* – именно так называют эту профессию и сами мотальщицы, и те, кто близок к текстильному производству. А в цехах механических заводов стоят *стро'гальные станки*, на которых работают *стро'гальщики*, и такое ударение является единственно возможным в этой профессиональной среде (сказать здесь *строга'льный станок*, *строга'льщик* – значит обнаружить себя как «чужака»).

Помимо акцентных явлений, социально маркированными могут быть и некоторые факты словоупотребления и синтаксиса. При этом явления, характерные для той или иной социальной или профессиональной среды, находятся в разных отношениях с литературной нормой: одни резко контрастны ей (и принятым в литературном языке образцам), другие более или менее «эластично» входят в речевой обиход носителей литературного языка.

Так, источником языковых «неправильностей» (которые, однако, всё шире распространяются в речи) часто становятся чиновничья среда и среда военных. Отмечаемая современными словарями трудностей и неправильностей русской речи как яркая черта канцелярского стиля конструкция *согласно* + род. пад. существительного (*согласно заявления*) в военном языке употребляется как единственно возможная: *согласно приказа*, *согласно указания вышестоящего начальника* и т. п.

Этот же профессиональный язык, как известно, стал источником распространения тенденции к несклонению топонимов на -о: *под Нахабино, из Быково, до Переделкино* и т. п., что уже стало почти нормой (во всяком случае, средства массовой информации, освещая события в Югославии в марте-июне 1999 года, писали о ситуации *в Косово*, о последних известиях *из Косово*, о том, что к *Косово* приковано внимание всех людей мира, и т. д.).

Из языка военных распространился в общее употребление глагол *задействовать* (первоначально, по-видимому, он употреблялся применительно к новым подразделениям, вводимым в военную операцию: *задействовать все резервы, задействовать дивизию* и т. п.), особенно активно используемый сейчас в языке административных документов и вообще характерный для речи чиновников.

Чиновничий язык порождает такие непривычные для традиционного литературного словоупотребления образования, как *проговорить* в значении 'обсудить' (*Необходимо **проговорить** этот вопрос на совещании*), *обговорить* как синоним всё того же общеупотребительного глагола *обсудить* (***Обговорим*** это позднее), *озадачить* – в значении 'поставить перед кем-нибудь какую-либо задачу' (*Главное – **озадачить** подчиненных, чтобы не болтались без дела*), *подвижка* (*Произошли **подвижки** по Югославии* – из выступления В. С. Черномырдина), *наработки* (*По этой проблеме у нас уже есть некоторые **наработки***), *конкретика* (*Документ важный, но надо наполнить его **конкретикой**, применить к реальным ситуациям в разных префектурах Москвы* – Телевидение, июнь 1999, из выступления сотрудника Московской мэрии) и нек. др.

Не все из перечисленных фактов представляют собой прямое нарушение литературной нормы, тем не менее, все они находятся (пока?) вне «нормативного поля» и осознаются как характерные для узуса людей из определенной социальной среды.

Несколько иначе обстоит дело с многочисленными жаргонизмами, проникающими в литературный оборот. Хотя источник их распространения весьма определен – это уголовная или

полууголовная среда, представители теневого бизнеса и т. п., – едва ли можно утверждать, что такие слова, как *крутой (парень), разборка, наехать (на кого-либо), тусовка, баксы, беспредел* и т. п. ограничены в своем употреблении именно указанными социальными группами. Напротив, такого рода лексика активно используется в устно-разговорной разновидности литературного языка, в языке средств массовой информации. Она формирует так называемый общий жаргон – языковое образование, составляющее, по-видимому, часть словаря, используемого носителями современного литературного языка (о сущности общего жаргона, его функциях и лингвистическом статусе см. в работе [Ермакова, Земская, Розина 1999]; в книге [Розина 2005] дана подробная характеристика этого языкового образования, которое автор называет общим сленгом. Как известно, понятие общего сленга используется также при описании современного состояния других национальных языков, например, американского варианта английского языка, французского языка, – см. об этом [Швейцер 1983; Хорошева 1998]).

Современная социальная и языковая ситуация в российском обществе такова, что жаргонные лексические элементы, подобные перечисленным выше, не только не осуждаются носителями литературного языка, но и активно вовлекаются в речевой оборот. Их вхождение в литературный обиход, несомненно, нарушает культурную традицию, но, по-видимому, не нарушает языковую норму, даже если иметь в виду норму стилистическую: слова общего жаргона, как правило, стилистически маркированы и употребляются носителями литературного языка лишь в определенных ситуациях (обычно – при непринужденном общении в «своем» кругу).

В заключение отметим, что данная заметка содержит лишь постановку вопроса о возможности *социолингвистической* интерпретации речевых «неправильностей» и намечает типы языковых явлений, которые могут быть таким образом интерпретированы. Более или менее полное описание «неправильностей», встречающихся в современной русской речи, под социальным углом зрения – задача самостоятельного

исследования (а возможно, и специального словаря, который содержал бы «социальную паспортизацию» речевых ошибок). Отдельной, но лингвистически весьма содержательной задачей является задача обнаружения среди подобных «неправильностей» своего рода «точек роста», то есть таких явлений, которые свидетельствуют об определенных тенденциях в развитии языка; подробнее об этом см. [Гловинская 1996] и книги [Современный русский язык 2008; Современный русский язык, в печати].

Об одном типе нарушений синтаксической нормы^[84]

В современной речевой практике наблюдаются многочисленные и разнообразные случаи отклонения от традиционной синтаксической нормы. Вот некоторые из них:

– так называемое согласование по смыслу – согласование сказуемого по модели множественного числа с подлежащим, выраженным существительными *большинство, множество, ряд, часть*, а также существительными, обозначающими различные множества, – типа *молодежь, правительство, армия (большинство солдат обеспечены... вместо ...обеспечено; ряд примеров свидетельствуют... вместо ...свидетельствует; часть студентов не сдали зачет вместо не сдала;* – см. об этом, в частности [Розенталь 1986; Розенталь, Теленкова 1987; Mullen 1967]);

– замена падежного управления предложно-падежным (*указывать о чем* вместо *указывать что, факты о чем* вместо *факты чего, пункт по прокату видеотехники* вместо *пункт проката видеотехники, опыт в работе* вместо *опыт работы, уделять время на что* вместо *уделять время чему*, ср.: *уделять время на создание пунктов питания* ит. п., – см. об этом, в частности [Золотова 1974; Гловинская 1996]);

– замена одного типа предложно-падежного управления другим (*соревнования по бегу* вместо *соревнования в беге, погрузка топлива на Финляндию* вместо *погрузка топлива для Финляндии* ит.п. – см. об этом [Шведова 1964, 1966; Золотова 1974; РЯиСО, III]);

– замена управляемого существительного управляемым глагольным инфинитивом (*бесполезность уговаривать* вместо *бесполезность*

уговоров, подстрекать развертывать борьбу вместо *подстрекать к развертыванию борьбы* и т. п. (см. [Ицкович 1974, 1982]);

– употребление некоторых переходных глаголов без прямого дополнения (*переживать* вместо *переживать что*, *осознать* вместо *осознать что* (см. [Чурилова 1974]; ср. *Многие заключенные осознали и могут теперь претендовать на досрочное освобождение* – из газет 1990-х годов) и др.

Эта заметка посвящена одному из часто встречающихся в современной устной и письменной речи синтаксическому явлению, а именно, постановке общего управляемого имени или именной группы при двух (обычно) или (реже) нескольких разноуправляющих предикатах – глаголах или отглагольных существительных, образующих сочинительную конструкцию, например: *организовать и руководить оркестром* – при нормативном: *организовать оркестр* (вин. п.) и *руководить им* (твор. п.). Это несомненное нарушение синтаксической нормы обращает на себя внимание вследствие его чрезвычайной распространенности (главным образом в языке средств массовой информации).

На первый взгляд кажется, что эту синтаксическую неправильность следует трактовать как результат «давления семантики на синтаксис» [Апресян 1967: 27-29], когда «слова одного семантического класса стремятся объединиться одним типом связи с подчиненным (управляемым) словом» [Панов 1962: 73]: близкие по значению глаголы или отглагольные имена существительные приобретают и общую падежную или предложно-падежную форму управляемой именной группы. Сама семантическая близость может при этом иметь разные пределы – от синонимии или квазисинонимии предикатов – членов сочинительной конструкции до их тематической общности. Ср.: ***обвинять и осуждать соседей за бесконечные скандалы*** (при нормативном: ***обвинять соседей в бесконечных скандалах и осуждать их за эти скандалы***); ***отмечать и реагировать на недостатки в работе*** (при нормативном: ***отмечать недостатки в работе и реагировать на них***); ***контролировать и спрашивать с***

подчиненных своевременное выполнение плана (при нормативном: **контролировать подчиненных и спрашивать с них** своевременное выполнение плана); **прием и собеседование с абитуриентами** – по вторникам с 10-ти до 13-ти (при нормативном: **прием абитуриентов и собеседование с ними**); Организован штаб по **профилактике и борьбе с птичьим гриппом** (Эхо Москвы, 09.03.06) – при нормативном: ...штаб по **профилактике** птичьего **гриппа и борьбе с ним** и т. п.

Однако наблюдения показывают, что подобные отклонения от синтаксической нормы могут происходить и при существенных семантических различиях сочиняемых предикатов и даже при принадлежности их к разным тематическим классам лексики. Ср. следующие примеры из современных средств массовой информации:

Необходимо **отмечать и реагировать на недостатки** в работе (Радио «Россия», февраль 2004 г.)

при нормативном **отмечать недостатки в работе и реагировать на них**; заметим, что, помимо существенной разницы в значениях глаголов *отмечать* и *реагировать*, у этих действий могут быть разные субъекты: отмечают недостатки одни, а реагируют на них другие;

... в принятом Федеральным собранием законе свобода людей **образовывать и участвовать в деятельности НПО** [= неправительственных организаций] *под запрет не ставится*... (С. Лавров [министр иностр. дел]. – Новые известия, 18.01.06) – ср.: **образовывать НПО и участвовать в их деятельности**;

... они или **входили**, или **были причастны к преступной группировке** (НТВ, 14.07.05) – ср.: или **входили в преступную группировку**, или **были причастны к ней**;

Кто-то напал и ударил по голове ее сына Павла... (ТВ, Первый канал, 14.11.06) – ср.: **напал на сына и ударил его по голове**.

При этом говорящих в радио– или телеэфире и пишущих в газете не останавливает то обстоятельство, что сочиняемые предикаты могут быть и по смыслу, и по синтаксическим свойствам весьма неоднородны, и в результате общая управляемая именная группа оказывается при таких парах предикатов, первый из которых требует выражения при

себе семантического субъекта в форме подлежащего (то есть в виде существительного в именительном падеже), а второй – в форме дополнения, то есть в виде косвенного падежа существительного или в виде предложно-падежного словосочетания:

... почему в Москве **разразился и кто виноват в энергетическом кризисе** (ТВЦ, 30.05.2005); ср.: **разразился энергетический кризис** (им. пад.) и **(быть) виноватым в энергетическом кризисе** (предл. пад.);

... **взят под стражу и предъявлено обвинение** еще одному **офицеру** из танкового училища в Челябинске (ТВ, конец января 2006 г.); ср.: еще один **офицер** (им. пад.) **взят под стражу и предъявлено обвинение** еще одному **офицеру** (дат. пад.);

Были арестованы и предъявлены обвинения еще **двум подозреваемым** (Радио «Россия», февраль 2006); ср.: **были арестованы два подозреваемых** (им. пад.) и **предъявлены обвинения двум подозреваемым** (дат. пад.).

Во всех без исключения случаях унификация управления происходит под влиянием правого члена группы сочиняемых разноуправляющих предикатов – форма управляемой именной группы диктуется синтаксическими свойствами этого члена сочинительной конструкции: *Олег Лундстрем организовал и **руководил оркестром***, но не: ... **организовал** и **руководил оркестр**; *опека и **забота о детях***, но не **опека** и **забота детей**^[85].

Рассмотренные примеры нарушения синтаксической нормы, конечно же, следует интерпретировать как «неправильности», как результат отклонения от моделей синтаксического управления. Но в речевом явлении, которое отражено в этих примерах, можно видеть и определенную тенденцию развития системы глагольного и именного управления, своего рода «точку роста»: при разноуправляющих предикатах, попадающих в сочинительную конструкцию, часть носителей русского языка предпочитает использовать общую управляемую именную группу, а не разные (как того требуют модели управления сочиняемых предикатов). Возрастающая частотность этих

синтаксических «неправильностей» не только в устно-разговорной, но и в книжно-письменной речи свидетельствует о несомненном развитии указанной тенденции – в ущерб традиционной литературной норме.

Лексические способы нормативного выражения смысла 'часть целого' в русском языке^[86]

Отношение «часть – целое» – одна из фундаментальных категорий, характеризующих материальный и духовный мир. Подавляющее большинство объектов физической и интеллектуальной природы имеет структуру, в которой реально или потенциально выделимы части, в совокупности составляющие целое. У дерева есть корни, ствол, ветви; у человека – голова, туловище, руки, ноги; дом имеет фундамент, стены и крышу; велосипед – раму, колёса, руль, передачу, педали; пальто – полы, воротник, рукава и т. д. Мы можем говорить о *постулатах* и *доказательствах*, составляющих некую научную теорию, о *компонентах* архитектурного проекта, *фрагментах* картины, *обрывках* воспоминаний и т. п.

Во всех этих случаях в явном или неявном виде выступает отношение «целое и его части». Связь части с целым имеет разную природу и различное языковое выражение.

Р. Якобсон считал это отношение лингвистически релевантным и утверждал: «Постоянное внимание к разнообразным формам отношений между целым и частью поможет шире раздвинуть рамки нашей науки» [Якобсон 1985: 305].

В данной статье мы сосредоточим внимание на способах выражения смысла 'часть целого' применительно к двум классам объектов: (а) имеющим пространственную протяженность и (б) имеющим временную протяженность.

Первый класс делится на следующие подклассы:

- 1) природные объекты: *лес, гора, дерево, растение, озеро* и т. п.;
- 2) артефакты: *автомобиль, книга, станок, шоссе* и т. п.;
- 3) человек и животное в их физической сущности (тело человека и животного и части тела): *голова, рука, нога, лапа* и т. п.

Класс объектов, имеющих временную протяженность, делится на два подкласса:

1) периоды времени: *век, год, месяц, неделя, сутки, день, час, минута, секунда* ит.п.; ср. такие обозначения частей временных отрезков, как *начало века, конец года, середина месяца, полдень, вечер, четверть часа, полминуты, доля секунды* ит.п.;

2) этапы развивающихся во времени процессов: ср. сочетания типа *начало химической реакции, ступень эволюции, кульминация события, вершина карьеры* и т. п.

По отношению к большинству объектов материального мира целое интуитивно мыслится как нечто, ограниченное физическими пределами: *дом, человек, дерево, телевизор* и т. п. Такое «нечто» может быть и внутри другого объекта, то есть составлять его часть, но при этом также иметь физические границы: *комната, пещера, сердце, карбюратор (автомобиля), ствол, транзистор* – и, в свою очередь, делиться (или предполагать деление) на части: ср. *стены комнаты, свод пещеры, клапан сердца, сердцевина ствола* и т. п. Подобная «многоступенчатость» проявления отношений между целым и его частями весьма характерна для устройства объектов природы, артефактов и предметов физического мира.

Между двумя указанными классами объектов, которые могут рассматриваться с точки зрения отношения «часть – целое», есть одно весьма существенное различие. Объекты, имеющие пространственную протяженность, дискретны, физически отграничены друг от друга; ср. такие объекты, которые могут мыслиться как целое, имеющее части: *гора (вершина, склон, подножие горы), берёза (корни, ствол, ветки березы), медведь (морда, шкура, лапа медведя), шкаф (стенки, дверца шкафа)* и т. п.

Время же недискретно, континуально, и только человеческое сознание может выделить в нём какие-то части, опираясь на определенные закономерности в чередовании временных фаз: *часть года (весна, лето, осень, зима), часть суток (утро, день, вечер, ночь), начало, середина, конец* протяженных во времени процессов и т. д.

Хотя у человека нет «органа, специализированного на восприятие времени», у него «есть чувство времени. Оно порождено восприятием изменений в мире. Его основной источник – космическое время – смена времен дня и сезонов года» [Арутюнова 1997: 51]. На оси времени мы можем выделять определенные отрезки, части, но эти части принципиально отличны от частей тех объектов, которые принадлежат материальному миру.

Логически отношение «часть – целое» характеризуется следующей зависимостью: если p (1) – часть W , то должны быть p (2), p (3), ..., p (i), которые также являются частями W и в совокупности составляют W как целое; часть не может быть равной целому.

Отношение «часть—целое» и природа вещей

Природа частей, составляющих целое, может быть весьма различной; это относится и к самому целому.

Части могут быть количественно определенными и количественно неопределенными, неотторгаемыми и отторгаемыми, составлять органическое целое с другими частями или быть достаточно автономными, иметь определенные функции или не нести никакой функциональной нагрузки, быть материальными и нематериальными.

Приведем примеры частей целого, соответствующих каждой паре названных признаков:

1) количественно определенные части: *половина, треть, четверть, десятая, сотка, осьмушка* и др.; количественно неопределенные: *доля, кусок, порция, сегмент, фрагмент, компонент, часть, частица* и др.;

2) неотторгаемые части: *верх, низ, край, середина, поверхность, сторона* и др., ср.: *верх шкафа, низ колонны, край скатерти, середина площади, поверхность озера, левая сторона зала*; отторгаемые части: *ветка (дерева), ножка (стула), крыша (дома), подошва (сапога) – ср. подошва горы*, где слово *подошва* обозначает неотторгаемую часть целого – горы;

3) части, составляющие органическое единство с целым: *кисть руки, верхушка ели, дно кастрюли* ит.п.; относительно автономные

части: *ножка (стула), капот (автомобиля), ящики (письменного стола)* и т. п.

4) части, имеющие определенную функцию: *корни (дуба), ковш (экскаватора), лезвие (ножа), сердце (спортсмена), хобот (слона)* ит.п.; функционально неопределенные: *гребень (волны), опушка (леса), обочина (дороги), кромка (льдины)* и т. п.

5) части материальные: *долька (лимона), кусок (провода), обрывок (веревки), обод (колеса), стены (дома), хвост (собаки)* ит.п. – и нематериальные: *прорезь (прицела), разрез (платья); доля секунды, четверть века, полгода* и т. п.

Перечисленные признаки – пересекающиеся: одна и та же часть может быть количественно определенной, отторгаемой, материальной и иметь какую-либо функцию или же, напротив, количественно неопределенной, принципиально неотделимой от целого, функционально не нагруженной, нематериальной и т. д. Легко видеть наиболее естественно сочетающиеся признаки: например, относительно автономными, отторгаемыми, материально выраженными и функционально нагруженными являются главным образом части артефактов – машин, механизмов, приборов, устройств, приспособлений ит. п.; ср.: *крышка чайника, фара автомобиля, гусеницы танка, окуляры микроскопа* и др. Неотторгаемыми, составляющими органическое единство с целым, функционально неопределенными чаще оказываются части природных объектов; ср.: *вершина горы, опушка леса, склон холма, дно озера* и т. п.

Части целого могут различаться по своему «происхождению». Одни – следствие естественного, положенного по природе вещей членения объекта на составляющие: *гора* состоит из подножия, склонов, вершины; *дерево* – из корней, ствола, кроны; *тело человека* – из туловища, головы, конечностей и т. д. Другие возникают в результате деятельности человека, направленной на создание каких-либо объектов: таковы части строений, машин, приборов и др. Третьи – результат действия деструктивных сил, стихийных или сознательно направленных; ср.: *осколки (бутылки), обломок (кирпича), обрезок (доски)* и т. п.

Как правило, разные части артефактов имеют разные функции и неоднородны по структуре: крышка и носик чайника, цоколь, колба и нить накаливания – у электролампы, бумажные листы и переплет или обложка – у книги и т. п.

Части, возникающие в результате деструкции предмета, обычно более или менее однородны по структуре и функционально неопределенны: крошки (батона, сухарей), обрывки (газеты), огрызок (яблока) и т. п.

Слова *целое* и *часть* в русском языке

От смыслов 'целое' и 'часть' следует отличать слова *целое* и *часть*. Слово *целое* в русском языке имеет форму только единственного числа^[87] и употребляется в ограниченном наборе контекстов – типа: *единое целое; Теория представляет собой стройное целое* и т.п., в которых подчеркивается монолитность, неделимость того, что характеризуется как целое^[88]. Это соответствует и словарным толкованиям слова *целое*: «то, что представляет собой нечто единое, нераздельное, монолитное, в противоп. части» [СУ, IV: 1210]; «совокупность чего-либо как нечто единое» [МАС, IV: 638]; «нечто единое, нераздельное» [СОШ 1997: 873].

Между тем, типичные объекты, к которым применимо понятие «целое», как раз имеют составные части, на которые это целое делится (фактически или потенциально). Таково, например, тело человека и других живых существ, многие природные объекты, различные механизмы, устройства, машины ит.п. В своих основных функциях они проявляют себя действительно как нечто единое и даже неделимое, но это не исключает того факта, что осуществление этих функций происходит благодаря действию и взаимодействию частей целого – органов и тканей тела, корней и ветвей деревьев, деталей машин и механизмов и т. д.

Смысл 'целое' актуализуется тогда, когда мы можем говорить о составных частях этого целого; тем самым понятие целого не абсолютно, а относительно. Лишь имея в виду это обстоятельство, мы можем осознавать как целое тело человека, автомобиль, самолет, доменную

печь, телевизор и т. п. Если же мы, например, сопоставляем эти предметы друг с другом безотносительно к их структуре, скажем, по их функциям (автомобиль – чтобы ездить по земле, самолет – чтобы летать по воздуху, доменная печь – чтобы выплавлять сталь и т. д.), то понятие целого неактуально, во всяком случае, оно никак не проявляет себя в высказываниях, включающих имена названных предметов. Ср.: *ехали на автомобиле, прилетел ночным самолетом, задули новую доменную печь, телевизор опять не работает* и т. п. (в отличие от контекстов типа *кабина автомобиля, крыло самолета, горн доменной печи, экран телевизора* и т. п.).

Из этих примеров видно, что смысл 'целое' и слово *целое* во многом различны: смысл 'целое' важен при характеристике тех или иных объектов как состоящих из определенных частей, а слово *целое* употребляется так, что исключает какое-либо представление о «частичности» тех объектов, к которым это слово применимо.

Как кажется, между смыслом 'часть' и словом *часть* такой большой разницы нет.

Имеющиеся словарные толкования слова *часть* едва ли можно признать удовлетворительными, так как они содержат компонент 'доля' (ср.: «доля целого» – [СУ] и [МАС], «доля, отдельная единица, на которые подразделяется целое» – [СОШ 1997]), а слово *доля* толкуется как «часть чего-н.» [СУ; СОШ 1997] или «часть целого» [МАС]; налицо логический круг.

По всей видимости, смысл 'часть (Y-a)' целесообразно считать базовым, элементарным^[89] и потому неразложимым на составные компоненты, а слова типа *доля, кусок, фрагмент* и под. толковать с его помощью. Слово *часть* в основном своем значении равно смыслу 'часть' (ср. сочетания типа *часть целого, верхняя часть яблока, разрезать веревку на части* и т. п.), в других же значениях его толкования могут содержать иные смысловые компоненты: 'предмет как составной элемент чего-либо (организма, машины)' – *голова и другие части тела человека; запасные части автомобиля*; 'раздел литературного или музыкального

произведения' – *роман в трех частях; вторая часть сюиты*; 'отдел учреждения' – *учебная часть* и т. п.

Хотя и в производных своих значениях слово *часть* сохраняет указание на связь с неким целым, в наиболее «чистом» виде эта связь ощущается в первичном, прямом значении этого слова.

Между тем, типичные части какого-либо типичного целого могут иметь в языке такие формы обозначения, которые эксплицитно не указывают на то, что данный объект является частью другого объекта, – информация об этом может содержаться лишь в толковании слов, но не в каких-либо внешних показателях (например, аффиксах). Ср. названия частей тела: *голова, рука, нога, спина* и под. – то, что они являются обозначениями частей целого (тела человека или животного), «встроено» в их значения; в толковых словарях описание прямых значений этих слов осуществляется с помощью смыслового компонента 'часть'. Экспликация же того факта, что они обозначают части тела, может происходить при построении генитивных и атрибутивных конструкций, указывающих на характер «целого», которое состоит из частей, а также в предикативных конструкциях, описывающих строение тела человека или животного: *голова собаки (собачья голова), ноги слона, рука сестры (сестрина рука), спина грузчика; Тело кенгуру состоит из маленькой головы, короткого туловища, длинных и сильных задних ног и слабых передних* и т. п.

Таковы же – с точки зрения неэксплицитности выражения смысла 'часть целого' – слова *горлышко, деталь, дно, доля, компонент, край, крыша, кусок, ножка, подошва, сегмент, сердцевина, ствол, стебель, стена, фрагмент, фундамент, элемент* и др.

С другой стороны, существуют и такие однословные наименования типичных частей целого, которые в самой своей морфемно-словообразовательной структуре содержат указание на принадлежность обозначаемого объекта некоему целому или на отторжение от этого целого. Это, например, префиксальные, суффиксально-префиксальные и суффиксальные существительные типа *ответвление, отросток, отрывок, отрезок, обрывок, очистки; выдержка (из доклада), выход (стоять у*

выхода), выписка (читать выписку из протокола), вырезка (приготовить жаркое из вырезки) и др.

Способы выражения смысла 'часть целого' в русском языке

Смысл 'часть целого' может получать выражение в актах номинации и в актах предикации. В актах номинации участвуют номинативные единицы, в актах предикации – предикаты и их актанты.

Под номинативными единицами в нашем случае имеются в виду (1) слова, значения (толкования) которых содержат семантические компоненты 'часть' и 'целое'; (2) слова, которые не только своим значением, но и морфемно-словообразовательной структурой указывают на отношение «часть – целое»: *обрубок, вырезка, отросток* и т. п.; (3) сочетания слов, беспредложные и предложные, обозначающие это отношение (типа *крышка чайника, дверца от шкафа, фара к «Жигулям», книжный переплет* и т. п.).

Типичными предикатами, обозначающими отношение «целое и его части», являются глаголы *составлять (Введение, три главы и заключение составляют текст диссертации), состоять (Книга состоит из двух частей), иметь (Карабин имеет съемный штык), быть (У моржа есть два клыка; У этого автомобиля две ведущие оси), входить (В работу входят два приложения), подразделяться, делиться (Симфония подразделяется (делится) на шесть частей)* и нек. др.

В этой статье мы кратко рассмотрим лишь некоторые, наиболее типичные номинативные единицы первой группы.

Типы слов, обозначающих части целого

Сама природа «частичности» различна. Как мы пытались показать выше, часть может мыслиться как принципиально неотделимая от предмета, как составляющая с ним органическое единство, как орган или ткань живого организма, как фрагмент природного объекта, как деталь машины, прибора, механизма ит.д. В зависимости от этого можно подразделить слова, обозначающие часть целого, на несколько групп:

1) стандартные обозначения количественно определенных частей целого;

- 2) стандартные обозначения количественно неопределенных частей целого;
- 3) обозначения неотторгаемых частей целого;
- 4) обозначения относительно автономных частей целого;
- 5) обозначения пустот.

Рассмотрим слова каждой из этих групп, приводя словарные толкования их значений и иллюстративные примеры.

Стандартные обозначения количественно определенных частей целого

Имеются в виду слова, обозначающие определенные доли предметов: *половина, половинка, треть, четверть, четвертушка, четвертка, десятинна, сотка* и др. Толкования этих слов обычно содержат смысловой компонент 'часть' или его аналог – слово, которое может быть истолковано с помощью компонента 'часть'. Ср., например, толкование слова *половина*:

ПОЛОВИНА ... 1. Одна из двух равных частей, вместе составляющих целое. *П. яблока. П. дела сделана. П. комнаты. П. лета прошла. Первая п. игры* (в спорте) [СОШ 1997].

В современной русской речи встречаются ненормативные сочетания *большая половина, меньшая половина*, противоречащие по смыслу приведенному толкованию. Надо сказать, однако, что релевантный для данного значения слова *половина* смысл 'одна из двух частей' сохраняется и при таком употреблении слова.

Идея разделенности надвое присутствует в значении словообразовательных производных *половинка (обе половинки яблока), половинный (в половинном размере, то есть равном одной второй части)*, а также фразеологизма *половина на половину*, синонимичного наречиям *поровну, пополам* (ср.: *поделить добычу половина на половину*)^[90].

Существительное *четверть* толкуется в словарях как «четвертая часть целого. *Ч. часа. Ч. года*»^[91] [СОШ 1997]. Оно употребляется также для обозначения четвертой части учебного года (*отметки за четверть*), старой русской меры (*четверть вина* – емкость, равная четвертой части ведра) и как название обиходной меры длины, равной расстоянию между

кончиками большого и среднего пальцев широко раздвинутой кисти (одна четвертая часть аршина).

От основы *четверт-*, производной от количественного прилагательного *четвертый*, образованы и другие слова, обозначающие четвертую часть чего-либо: *четвертушка*, *четвертинка*, *четвертка*, *четвертная*.

Четвертушка, как следует из словарных толкований, – это «четвертая часть чего-н.» [СОШ 1997], однако сочетаемость этого слова ограничена: оно употребляется преимущественно при обозначении четвертой части каких-либо видов хлеба (*четвертушка буханки, батона*) и листов бумаги (устаревшее выражение *четвертушка бумаги* обозначает четвертую часть стандартного писчего листа). В сочетании с названиями других видов предметов употребление слова *четвертушка* в современном русском языке менее обычно или невозможно.

Слово *четвертинка* употребительно лишь в одном из нескольких фиксируемых словарями значений – «бутылка водки емкостью в четверть литра»; малоупотребительно слово *четвертка* в значении «четверть фунта» (*четвертка табаку, четвертка чаю*); устаревшее просторечное слово *четвертак* толкуется в словарях как «двадцать пять копеек» и при таком толковании не соотносится со смыслом 'часть целого', однако нетрудно догадаться, что двадцать пять копеек составляют четвертую часть рубля. В «денежном» смысле употреблялось и ныне устарелое просторечное субстантивированное существительное *четвертная* – двадцать пять рублей (то есть четвертая часть сотни рублей).

Еще одно слово, обозначающее, подобно *четверти*, долю, кратную одной второй, – *восьмушка* и его фонетический вариант *осьмушка*. Оно обозначает восьмую часть фунта, выступая главным образом в сочетании *восьмушка табаку* и *восьмушка чаю*, и восьмую часть бумажного листа.

Стандартным обозначением количественно определенной части целого является также слово *треть*, которое, однако, не столь продуктивно в отношении словообразовательных и семантических производных, как слова *половина* и *четверть*. Слово сочетается с

названиями любых поддающихся количественному измерению объектов, в том числе с названиями отрезков времени и частей пространства; ср.: *первая треть мачты (столба), прочитал треть книги, две трети пути, одна треть года (суток)* и т. п.

На основе числительных созданы также слова *десятина* и *сотка*, употребляющиеся применительно к мерам земельной площади (другие значения – например, значение слова *десятина* – «в католических странах: налог в пользу церкви в размере одной десятой части дохода», фиксируемое Словарем Ушакова, *сотка* в значении «сотая часть какой-нибудь меры», по-видимому, окончательно устарели).

Стандартные обозначения количественно неопределенных частей целого

К этой лексико-семантической группе относятся слова, обозначающие такие части предметов, которые могут находиться в разных количественных отношениях с целым: *доля, компонент, кусок, участок, фрагмент*, само слово *часть* и нек. др. Очевидно, что каждое из этих слов обозначает такую часть предмета (а в некоторых случаях еще и времени и пространства), которая может быть количественно различной в зависимости от ситуации (ср. со словами предыдущей группы, значения которых указывают на постоянное соотношение с целым: один к двум (*половина*), один к трем (*треть*), один к четырем (*четверть*) и т. д.).

В толкованиях этих слов присутствует компонент 'часть' или какой-либо его синоним, который в своем толковании содержит компонент 'часть'. Ср. (толкования даны по [СОШ 1997]):

ДОЛЯ – часть чего-л. *Разделить на равные доли;*

КОМПОНЕНТ – составная часть чего-л.;

КУСОК – 1. Отдельная часть чего-л. (отломанная, отрезанная). *К. хлеба. К. земли. К. мяса.* 2. перен. Часть чего-л., отрезок. *К. диссертации. Целый к. жизни;*

УЧАСТОК – 1. Отдельная часть какой-л. поверхности, пути. *У. трассы.* 2. Часть земельной площади, занятая чем-н. или предназначенная для чего-н. *Земельный у Лесной у Садовый у.;*

ФРАГМЕНТ – 1. Отрывок текста, художественного, музыкального произведения. *Ф. романа. Ф. картины.* 2. Обломок, остаток древнего произведения искусства. *Скульптура сохранилась лишь во фрагментах.*

Фигурирующие в этих толкованиях компоненты 'отрезок', 'отрывок', 'обломок', 'остаток' в качестве самостоятельных лексем толкуются через смыслы 'часть' и 'кусочек': **ОБЛОМОК** – отбитый или отломившийся кусочек чего-н.; **ОСТАТОК** – оставшаяся часть чего-л.; **ОТРЕЗОК** – небольшой отрезанный кусочек чего-л., измеряемого в пространстве или во времени; **ОТРЫВОК** – часть, выделенная из какого-н. произведения, из повествования.

Обозначения неотторгаемых частей целого

Материальные предметы, как природного происхождения, так и артефакты, могут иметь поверхность, верх, низ, левую и правую стороны, середину, конец и другие части, которые неотторгаемы от предмета: *поверхность озера, верх шкафа, низ колонны, левая сторона улицы, середина круга, конец веревки* и т. п.

Помимо неспецифических обозначений частей какого-либо объекта (только что указанного типа), которые более или менее свободно сочетаются с названиями разнообразных предметов (ср.: *поверхность стола, реки, дороги, озера..; верх дома, стены, горы, колонны..; середина круга, бумажного листа, циферблата, площади*), – подобные неотторгаемые части в ряде случаев могут иметь весьма идиоматичные номинации. Эти номинации называют часть ограниченного класса объектов, а в некоторых случаях – образующих весьма небольшие группы. Имеются в виду номинации типа *верховье, низовье, исток, устье* – только у реки или, реже, у ручья; *стрежень, стремнина* – только у реки, да и то не у всякой, а преимущественно большой и полноводной; *подножие, подошва, склон* – у горы или холма; *опушка* – у леса, рощи, бора; *лезвие* – ножа, бритвы, топора, кинжала, финки, сабли и других режущих инструментов и т. п.

Слова, обозначающие неотторгаемые части предметов, в словарях обычно толкуются с помощью смыслового компонента 'часть', например:

ВЕРХ ... 1. Наиболее высокая, расположенная над другими часть чего-н.; **НИЗ** ... 1. Часть предмета, ближайшая к основанию, а также само основание **ВЕРШИНА** ... Самый верх, верхняя часть (горы, дерева ит. п.) **ВЕРХОВЬЕ** ... Часть реки, близкая к ее истокам, а также прилегающая к ней местность **ДНО** ... 2. Нижняя часть углубления, выемки. *Д. колодца. Д. котлована* (толкования приведены по [СОШ 1997]).

Типичными обозначениями неотторгаемых частей являются слова *край* и *кромка*. Казалось бы, этому нашему утверждению противоречит факт сочетаемости этих слов с предикатами, указывающими на возможность отделения части от целого: *Край льдины обломился; обрезать кромку* и т. п. Однако ситуация отделения от предмета кромки или края не означает уничтожения таких частей: *край (кромка)* остается у предмета – льдины, куска материи и др. – и после отделения какой-либо «краевой» его части до тех пор, пока существует предмет (невозможно представить себе льдину, у которой нет края). Сочетания же *отсечь (дракону) голову, отломать (у игрушечного автомобиля) дверцу* и под. описывают ситуации, когда дракон остается без головы, а автомобиль без дверцы.

С помощью слова *край* в словарях толкуется слово *лезвие*: «острый край режущего, рубящего орудия» [СОШ 1997]. Тот факт, что эта часть неотторгаема, проявляется в сочетаемости слова *лезвие*: *лезвие можно наточить, затупить, зазубрить, но, по-видимому, нельзя «лезвие отломить»*. В отличие от этого, *острие* можно отломить или обломить, но это слово и толкуется не через компонент 'край', а через компонент 'конец' (ср. в [СОШ 1997]: «... острый, режущий конец...»).

Смысловой компонент 'часть' используется в толковании слов, обозначающих «срединные» области предметов: *середина, середка, сердцевина, стрежень, стремнина* и нек. др. (Читатель может убедиться в этом сам, обратившись к соответствующим словарным толкованиям).

Обозначения относительно автономных частей целого

Эти обозначения можно разделить на три основные группы; их порядок отражает убывание степени относительной автономности частей

целого: 1) части артефактов – сооружений, машин, механизмов ит.п.; 2) части тела человека и животного (органы, ткани); 3) части природных объектов, а также плодов растений (части других природных объектов – гор, лесов, озер, рек и т. п., как мы пытались показать выше, чаще всего являются неотторгаемыми: *подножие, вершина, исток, устье, опушка* и т. п.).

1) Части артефактов.

Части сооружений: *крыша, стены, фундамент* (дома, здания).

Части бытовых вещей: *ножка* (стула, стола), *спинка* (кровати, стула), *валик* (дивана), *носик, крышка* (чайника), *дверца* (шкафа, холодильника), *дужки* (очков) и т. п.

Части машин, механизмов: *колесо, рама, руль, фара* (автомобиля, велосипеда), *штурвал* (судна, самолета, комбайна), *суппорт, станина* (токарного станка), *карбюратор, поршень, цилиндр* (мотора) и т. п.

Части приборов: *окуляры* (микроскопа, бинокля), *объектив* (фотоаппарата), *корпус, стрелки, циферблат* (часов, компаса), *экран* (телевизора, компьютера) и т. п.

Части орудий труда, части оружия: *топорище, ручка, рукоятка* (ножа), *черенок* (лопаты), *ствол, затвор, прицел, приклад* (винтовки, карабина, автомата), *эфес* (сабли), *лафет* (орудия) и т. п.

Части этого рода могут быть отделены от предмета, и это обстоятельство обуславливает относительную свободу синтаксической сочетаемости наименований частей с зависимыми, обозначающими сам предмет: *фара автомобиля, фара от автомобиля, автомобильная фара, фара к автомобилю* и т. п.

2) Части тела человека и животного.

Обозначения частей тела человека и животного неоднократно становились объектом внимания исследователей ввиду коммуникативной важности для говорящих самих этих обозначений, их частотности в речи, а также ввиду неординарности их семантики и, в частности, способности служить базой для формирования многообразных переносных значений, сложных коннотативных смыслов, фразеологических оборотов и т. п. (см., в частности, работу [Иорданская 2004]). Нас в данной статье

интересует вопрос о том, как толкуются (или должны толковаться) слова, обозначающие части тела человека и животного, в их прямых значениях.

Критерием отнесения слова к лексической группе, обладающей интегральным семантическим признаком 'часть тела', является наличие в толковании такого слова компонента 'часть' или его аналога, который может быть истолкован с помощью смыслового компонента 'часть'.

Одним из таких аналогов является слово *орган*, которое в словарных толкованиях определяется с помощью компонента 'часть', например:

«**ОРГАН** ... 1. Часть организма, имеющая определенное строение и специальное назначение» [СОШ 1997]; «**ОРГАН** ...

1. Часть животного или растительного организма, выполняющая определенную функцию» [МАС].

Приведем примеры некоторых словарных толкований частей тела человека и животного с использованием смысловых компонентов 'часть' и 'орган':

«**ГОЛОВА** ... 1. Верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая мозг...»^[92] [МАС];

«**ГОРЛО** ... 1. Передняя часть шеи» [СОШ 1997];

«**НОС** ... 1. Орган обоняния, находящийся на лице человека, на морде животного...» [СОШ 1997];

«**МОРДА** ... 1. Передняя часть головы животного» [СОШ 1997];

«**СЕРДЦЕ** ... 1. Центральный орган кровеносной системы в виде мышечного мешка (у человека в левой стороне грудной полости)» [СОШ 1997];

«**ШЕЯ** ... У позвоночных и человека: часть тела, соединяющая голову с туловищем» [СОШ 1997].

3) Части природных объектов.

Выше мы рассмотрели некоторые наименования таких природных объектов, которые от этих объектов нельзя отделить: *верховье (исток, устье, стрежень) реки, поверхность озера, подножие горы* и т. п. Но у природных объектов могут быть части и относительно самостоятельные,

имеющие свою функцию. Мы имеем в виду главным образом объекты растительного мира: деревья, кусты, травы, цветы. У них есть *ствол, ветви* или *ветки, листья, корни, стебель, цветки, плоды* и нек. др. части.

Особую группу по идиоматичности сочетания с другими словами составляют названия различных видов наружного покрова растений и их плодов: *кожица, кожура, кора, оболочка, скорлупа, шелуха* и нек. др. Наиболее общим значением обладает слово *оболочка*, которое может быть истолковано примерно следующим образом: *оболочка X-а* = 'поверхностный слой растения или плода X, составляющий с X-ом одно целое, но имеющий иное строение, чем остальные части X-а, и потому отделяемый от X-а'.

Остальные названия, приведенные выше, можно истолковать с помощью компонента 'оболочка', например: *кожица* – 'тонкая оболочка листьев, стеблей и некоторых других органов растений'; *кожура* – 'оболочка плодов, семян'; *кора* – 'многослойная оболочка древесных растений, обычно легко отделяемая от древесины'; *скорлупа* – 'твердая оболочка яйца или ореха', *шелуха* – 'отделенная оболочка картофеля, семечек подсолнуха, семян злаков' (в последнем случае, в отличие от всех остальных, компонент 'отделенная' обязателен: ср. невозможность сочетаний типа **снять шелуху с картошки, *очистить картофелину от шелухи* – при правильности подобных сочетаний с другими из рассматриваемых слов: *снять кожуру с банана (кожицу со стебля), очистить ствол дерева от коры (яйцо от скорлупы)* и т. п.).

Обозначения пустот

До сих пор мы рассматривали материальные части тех или иных предметов. В данном разделе предлагается и некоторые пустоты – отверстия, вырезы, канавки, прорезы ит.п. – считать частями некоего целого. При этом мы проводим различие между русским словом *пустота*, которое в прямом своем значении (ср. переносное: *душевная пустота*) имеет довольно ограниченный круг употребления (*пустоты в литье, в горной породе, в металле*), и фиктивным словом *пустота'*, которое необходимо для толкования всех видов отверстий, прорезей и т. п.

Пустота' истолкована Ю. Д. Апресяном следующим образом: «*пустота*¹ = пустое пространство в теле, ограниченное телом а) со всех сторон (ср. *пустоты в литье*), или б) со всех сторон, кроме одной (ср. *выемка*), или в) со всех сторон, кроме двух противоположных (ср. *отверстие*)» [Апресян 1974: 74-75]; см. также использование смыслового компонента *пустота'* при толковании группы глаголов, обозначающих деструктивные действия, в [Крысин 1976]. В работе [Урысон 1997] толкования слов *дыра*, *отверстие* и некоторых их синонимов даются с помощью русского слова *пустота*.

Как мы видим, в толковании слова *пустота'* отсутствует смысловой компонент 'часть', наличие которого необходимо для отнесения толкуемого слова к классу обозначений части целого. Может быть, в таком случае мы и не должны рассматривать разного рода пустоты как части предметов?

При ответе на этот вопрос необходимо принять во внимание природу пустот. Одни из них образуются стихийно: *дыра*, *выбоина*, *колдобина*, *рытвина*, *пролом* ит.п. (1); другие являются результатом целенаправленной деятельности человека и обычно выполняют определенную функцию в том или ином предмете: *прорезь прицела*, *смотровая щель* (в танковой башне), *вырез платья* и т. п. (2); третьи составляют часть (орган) живого организма (*ноздри*, *рот*, *пасть*, *влагалище* и т. п.) и также выполняют ту или иную функцию (3).

По всей видимости, лишь пустоты второго и третьего рода (то есть выполняющие определенные функции) можно интерпретировать как части целого. Соответствующие слова – обозначения такого рода пустот – могут быть достаточно естественным образом истолкованы с помощью компонента 'часть': *прорезь* – это часть прицела, *смотровая щель* – это часть башни танка, *вырез* – часть платья, *ноздри* – часть носа ит.д., разумеется, с необходимыми уточнениями, касающимися индивидуальных особенностей каждой из пустот и их функций. (В то же время слова первой группы трудно истолковать с помощью смыслового компонента 'часть': *дыра* (в заборе) = 'часть забора'? *выбоина*,

колдобина, рытвина (на дороге) = 'часть дороги'?, пролом (в стене) = 'часть стены'?)

Некоторые из пустот, возникающих в результате целенаправленной деятельности человека или составляющих часть живого организма, не являются пустотами в строгом смысле слова: они имеют внутреннее строение, сами состоят из частей, но всё же смысловой компонент 'пустота' является их определяющим признаком (ср. слова: (замочная) *скважина, канал* (ствола орудия), *рот, ухо, ноздри, пасть* и нек. др.).

В заключение необходимо отметить, что в данной статье рассмотрены лишь лексические способы и средства выражения смысла 'часть целого' в русском языке. Словообразовательные средства и синтаксические конструкции, используемые для выражения этого смысла, описаны в некоторых других работах: см., например [Всеволодова 1975; Всеволодова, Владимирский 1982; Рахилина 2000] и нек. др.

Социально-стилистический анализ лексики в работах академика В. В. Виноградова^[93]

Слово переливает экспрессивными красками социальной среды.

В. В. Виноградов. Русский язык

Трудно найти область науки о русском языке, в которой не работал бы академик В. В. Виноградов. Он исследовал лексику и фразеологию, словообразование, морфологию и синтаксис, поэтику и стилистику, язык художественной литературы, изучал историю лингвистических учений. Особенно значителен его вклад в изучение истории лексики русского языка и в построение основ лексической семантики. Хотя самого термина – «лексическая семантика» – во времена Виноградова, кажется, еще не было (или же он употреблялся в несколько ином значении, чем сейчас), этому выдающемуся филологу принадлежит заслуга в формулировании принципов изучения лексического значения слова, в разработке типологии лексических значений; некоторые его наблюдения над тем, как устроено значение слова, какова его структура, над характером соотношения прямых и переносных значений предвосхищают

более поздние по времени исследования в области лексической семантики.

Фундаментальный труд В. В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове» – исследование, которое содержит прозорливый анализ проблем морфологии, словообразования и лексики, основанный на богатейшем, порой уникальном материале. Эта работа, несмотря на то, что она была опубликована более полувека назад, до сих пор остается настольной книгой лингвистов. Виноградов основал новую научную дисциплину – историю русского литературного языка, ей посвящена его книга «Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв.» (1938). Эта работа в значительной мере «социологична»: факты языка в ней рассматриваются с учетом социальных факторов, которые влияют на языковые процессы. Это и ряд других исследований, принадлежащих перу Виноградова, свидетельствуют о том, что для его лингвистической концепции был весьма характерен *социально-стилистический* подход к анализу языка (преимущественно на уровне лексики и синтаксиса).

Так, исследуя историю русского литературного языка XVII-XIX вв., В. В. Виноградов настаивал на конкретно-историческом подходе к описанию различных его подсистем. Такие понятия, как просторечие, простонародный язык, чиновничий язык, солдатский жаргон и другие, трактовались им по-разному в зависимости от того, к какому этапу развития русского языка они прилагались. Говоря, например, о различиях между просторечием и простонародным языком в конце XVIII – начале XIX в., В.В. Виноградов писал:

... понятие просторечия охватывало широкую, ненормированную, разнородную область фамильярно-бытовых стилей «не офранцузившегося» дворянства, духовенства, разночинной интеллигенции и даже мещанства. Просторечие претендовало на роль национального выразителя коренных русских бытовых начал – в отличие, с одной стороны, от ученого, книжного, «славянского» языка, а с другой – от чужих, заимствованных, по преимуществу французских форм речи русских европейцев... Просторечие представляло пеструю

смесь «народных», т. е. не имевших узко-областного значения, слов и идиом городского общеупотребительного говора... общеупотребительных профессионализмов и арготизмов... и подвижного фонда выражений из разных социальных стилей буржуазно-дворянской и мещанско-крестьянской устной речи [Виноградов 1935: 387]; см. также [Виноградов 1938/1982: 211 и сл.].

Простонародный язык, в отличие от просторечия, – это обиходный язык крестьянства (независимо от областного деления на диалекты), дворни, городских ремесленников, мещанства, мелкого чиновничества, вообще мелкой буржуазии, не тронутый просвещением. Он вклинивался в просторечие, питался его формами и пополнял их... Вообще граница между просторечием и простонародным языком была очень подвижной, извилистой... В своих «низких», наиболее далеких от сферы литературного повествования формах дворянское просторечие сливалось с простонародностью [Виноградов 1935: 392].

При изучении русского литературного языка, его истории В.В. Виноградов за стилистическими разновидностями литературного языка стремился увидеть их «социальную подоплеку», а во взаимоотношениях литературного языка с просторечием, диалектами, жаргонами – взаимные связи коллективов носителей этих языковых подсистем.

Для понимания В. В. Виноградовым социального расслоения лексики языка важно неоднократно выдвигавшееся им положение о социально-экспрессивной окраске, присущей языковым средствам. Характерно, что социальную окраску слова В. В. Виноградов рассматривал в связи с социально-коммуникативной закрепленностью различных функциональных разновидностей речи. В этом он предвосхитил некоторые идеи современной социалингвистики о зависимости речи от ситуации и социальных ролей коммуникантов. Вот, например, что писал он о разновидностях диалога:

В общественном сознании закреплены шаблоны диалогов, дифференцированных по типичным категориям быта. Так, говорится: «официальный разговор», «служебный», «интимный», «семейная беседа» и т. п. Даже с представлениями о разных формах социального

взаимодействия, каковы, например, «судебный процесс», «дискуссия», «прения» и т. п., у нас соединяются определенные ассоциации о сопровождающих их формах речеведения. Как существуют разные виды социально-экспрессивной окраски слов, так есть и разные типы социально-экспрессивных разновидностей диалога» [Виноградов 1965: 161].

Указывая на гетерогенный характер языковых образований, которые традиционно рассматривались как нечто целое (социальный диалект, профессиональный жаргон, крестьянский говор), на их чрезвычайно сложное и в разные эпохи различное дробление в зависимости от ряда факторов, он призвал учитывать социальную и стилистическую окраску, которую несут на себе слова, идущие в литературную речь из некодифицированных разновидностей национального языка. Его собственные характеристики языковых средств с этой точки зрения представляют собой блестящий образец социолингвистического анализа фактов русского языка.

Так, отмечая, что с 30-х годов XIX в. в дворянский литературный язык начинают проникать профессионализмы, В.В. Виноградов точно «паспортизирует» каждое из перечисляемых им слов и выражений: из военной среды, из «приказно-канцелярских диалектов», из карточного аргю, языка охотников, плотников, каменщиков, портных, торговцев и др. [Виноградов 1938: 128]. Исследователь стремится по возможности более наглядно представить «многоступенчатый» характер влияния социальных факторов на изменения в лексике языка, в значениях слов и особенностях их употребления, сосуществование исторически и социально разных стихий в системе русского литературного языка.

При изучении взаимодействия и взаимопроникновения книжной и разговорной форм речи В.В. Виноградов отмечает поразительную живучесть церковно-книжных языковых традиций и находит общественно-бытовые и политические причины такой живучести: эти стилистические традиции еще и в начале XIX в. имели поддержку в среде духовенства, в бюрократических кругах, у консервативной части

дворянства; напротив, новые веяния, шедшие от «европейцев», вызывали в этой среде протест [Виноградов 1938: 191-195].

За каждым фактом языка В. В. Виноградов видел социальное лицо его носителя, и его стилистические квалификации слов и оборотов русского языка являются одновременно и социальными их характеристиками.

Вот лишь несколько примеров анализа В. В. Виноградовым истории слов с упором на социальные условия их возникновения и семантического развития, на стилистические контексты их функционирования.

1) Проследивая историю возникновения в русском литературном языке слов *двурушник*, *двурушничество*, *двурушничать*, он отмечает «яркую экспрессивную окраску презрительной оценки», свойственную этим словам, указывает на характерный морфологический признак этих слов (сочетание *-шн-*), свидетельствующий о том, что они «вошли в русский литературный язык из устной народной речи (вероятнее всего, с южновеликорусским налетом)» и на начальном этапе своего употребления были «характерной приметой нищенского арга»: Виноградов приводит пространный пример из романа В. В. Крестовского «Петербургские трущобы», где описывается быт нищих [Виноградов 1994: 130] (как известно, первоначально *двурушник* – это нищий, собирающий милостыню, протягивая обе руки).

2) В хорошо известном сейчас очерке истории прилагательного *животрепещущий*, который сначала был опубликован в труднодоступных и почти нечитаемых ученых записках, а затем перепечатан в книге «История слов», В. В. Виноградов не только приводит богатейший и разнообразный литературный материал, иллюстрирующий разные стороны истории этого слова и его употребления на протяжении XIX и XX вв., но и фиксирует внимание на социальных условиях появления этого слова и на его стилистических особенностях. Так, он указывает, что *животрепещущий* «возникло в профессиональной среде, в диалекте рыбных торговцев» и «имело вполне конкретное значение, служа определением к слову *рыба* или названиям разных рыбных пород:

'бьющийся и подпрыгивающий, трепыхающийся (о живой рыбе, извлеченной из воды и еще не заснувшей)'. Это слово, вполне вероятно, – позднейшая «переделка на литературно-книжный лад первоначальной мещанско-профессиональной формы – *животрепящий*»: последняя форма была гораздо более распространена в устной речи рыбных торговцев начала XIX в. (это утверждение подкрепляется примерами). Но почему этот торговый арготизм стал популярен в литературном языке и при этом в совсем ином смысле, обозначая нечто, вызывающее живой интерес? Оказывается, здесь не обошлось без влияния французского языка. В журналистской среде первой трети XIX века большой популярностью пользовалась идея о том, что журналы и альманахи должны публиковать злободневные статьи на актуальные темы современности. В ходу было французское слово *palpitant*, для которого не находилось хорошего русского соответствия: буквальный перевод его с помощью слов *бьющийся, трепещущий* плохо подходил для обозначения указанного смысла 'злободневность, актуальность'. Пришедшее из торгового арго слово *животрепещущий* оказалось более точным лексическим средством для передачи этого смысла [Виноградов 1994: 158-159].

3) Еще одно слово – прилагательное *завалищий*, источником которого было торговое арго, также стало объектом исследовательского внимания В. В. Виноградова. Первоначально оно применялось к лежалому товару, который не находит спроса у покупателя. Это слово, отмечает Виноградов, широко распространено и в народных крестьянских говорах, где оно употребляется «и в переносном, общем, не специально торговом значении 'дрянной, негодный'». «Поэтому можно предполагать, – делает вывод Виноградов, – что и русский литературный язык в период своего демократического сближения с областными народными говорами (в 30-40-е годы [XIX в.]) вновь воспринял слово *завалищий* в его общем презрительно-экспрессивном значении» [Виноградов 1994: 170].

4) С точки зрения социальных и стилистических характеристик лексики любопытны сами вопросы, которыми задавался В. В. Виноградов

при анализе истории и особенностей употребления тех или иных слов. Так, в статье о глаголе *клянчить* он обращает внимание на то, что при выяснении истории этого глагола остаются неясными многие вопросы, в частности, такие: «когда это слово укоренилось в литературном языке? проникло ли оно непосредственно в литературный язык или через какой-нибудь социально-групповой диалект и жаргон?.. Чем объясняется яркая экспрессивно-фамильярная окраска слова *клянчить* и его несколько просторечный, развязный стилистический тон?» [Виноградов 1994: 249]. И Виноградов исчерпывающим образом отвечает на эти и другие вопросы, связанные с историей появления в русском литературном языке слова *клянчить*. Исследование путей, которыми шло в литературное употребление слово *отщепенец*, собственно языковых и социальных причин появления этого слова приводит Виноградова к всесторонне обоснованному выводу: «Таким образом, в общелитературный язык слово *отщепенец* со значением 'отступник от какой-нибудь системы мировоззрения или от какого-нибудь коллектива' было занесено разночинно-демократической интеллигенцией 60-х годов [XIX в.], происходившей из среды духовенства или близкой к этой среде» [Там же: 430].

Послеживая историю многих других слов и фразеологизмов, он тщательно анализирует комплекс вопросов, относящихся к социальной среде, породившей ту или иную языковую единицу, к семантическим и стилистическим изменениям, произошедшим в этой единице в процессе ее перемещения из одного социального слоя носителей русского языка в другие, к влиянию других языков – в виде заимствований или калек, – влиянию, которое чаще всего обуславливало книжный или специально-терминологический статус слова^[94], и т. п.

Как историка языка, как исследователя русской лексики В. В. Виноградова интересовали по преимуществу такие слова и фразеологизмы, которые стилистически маркированы – либо в современном языке, либо на предшествующих этапах его развития. В них он видел своеобразие русского языка, национальную самобытность выражения тех или иных общечеловеческих смыслов. Кроме уже

приведенных примеров, можно указать на слова *ахиня, вздор, влопаться, втемяшиться, голословный, дешевка, допотопный, дотошный, ерунда, завзятый, злопыхательство, канючить, мурло, нудный, однокашник, отщепенец, пригвоздить, приспешник, пронять, простофиля, солдафон, сморозить, финтить, фитюлька, хлыщ, шалопай, шумиха, шустрый* и мн. др., фразеологизмы *белены объелся, бить по карману, заложить за галстук, как рукой снял, квасной патриотизм, кисейная барышня, муху зашибить, не в своей тарелке, перемывать косточки, родиться в сорочке, тянуть ляжку, шиворот-навыворот* и мн. др.: истории этих слов и выражений, анализу их социальных связей и условий употребления в разных стилистических контекстах посвящены многочисленные статьи и заметки В. В. Виноградова, собранные уже после его смерти в цитированной выше книге «История слов», а также рассеянные по научным сочинениям этого выдающегося русского филолога.

Можно с достаточным основанием заключить, что академик В. В. Виноградов стоял у истоков **социальной стилистики** – лингвистической дисциплины, которая лишь в последнее время начинает получать систематическое развитие на основе изучения как явлений лексики, так и языковых единиц, принадлежащих другим уровням языка.

Гипербола в художественном тексте и в обыденной речи^[95]

Гипербола – это прием выразительности, применяемый говорящим с целью, во-первых, обратить внимание слушающего на данную ситуацию или ее свойства и, во-вторых, создать у слушающего преувеличенное представление об этой ситуации или о ее свойствах.

Гипербола обычно имеет место в высказывании. При этом высказывание должно быть соотнесено с ситуацией – само по себе оно часто не является гиперболическим. Например, предложение *Хлеба в доме – ни крошки!* может вполне соответствовать реальному положению вещей, то есть описывать некоторую ситуацию буквально. Однако обычно оно указывает лишь на отсутствие в доме хлеба, а не хлебных крошек. При этом говорящий хочет создать у слушающего представление

об абсолютном, полном его отсутствии (хотя, может быть, какие-то черствые куски и корки хлеба в доме все-таки есть).

Вообще позиция говорящего, оценка им сообщаемых фактов чрезвычайно существенны при порождении гиперболических высказываний. Преувеличенная оценка – наличия или отсутствия чего-либо, различных свойств, действий, предметов, расстояний ит.п. – является одной из самых распространенных в разговорной речи, и это неоднократно отмечалось исследователями^[96].

Соотнесение высказывания с ситуацией и оценка говорящим ситуации – два решающих фактора в порождении гиперболических высказываний. Как мы увидим ниже, отсутствие контраста между действительной ситуацией и смыслом описывающего ее высказывания или же отсутствие преувеличивающей оценки говорящим сообщаемых фактов делают невозможным употребление языковых средств для создания именно гиперболического (а не какого-либо иного) эффекта.

Обыденная, «разговорная» гипербола сродни художественной^[97]: и та, и другая строится на сравнении, на создании определенного образа. Однако в разговорной речи гиперболизирующие высказывания основаны, как правило, на использовании готовых, имеющих в языке средств или моделей, тогда как автор художественного текста стремится к неповторимости создаваемой им гиперболы. Ср.: **Сто раз повторять тебе надо!** – **В сто сорок солнц закат пылал...** (В. Маяковский); **Петя храпит, как трактор.** – **Во сне дворник сделался тяжелым, как комод** (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Это принципиальное различие не исключает, однако, случаев, когда, с одной стороны, в художественном тексте используются расхожие гиперболизирующие выражения: *Петрушка, **вечно** ты с обновкой...* (А. Грибоедов); *Мело, мело по **всей** земле, Во **все** пределы...* (Б. Пастернак); *Он, наконец, явился в дом, где она **сто лет** вздыхала о нём, куда он сам **сто лет** спешил...* (Б. Окуджава), и, с другой, в разговорной речи говорящий употребляет нестандартную гиперболу, неосознанно или намеренно претендуя на определенную «художественность»: многие сравнительные гиперболизирующие

обороты, сделавшиеся сейчас штампами, родились именно из стремления говорящих выразиться нетрафаретно (ср.: (старик) *глухой, как пень*; (на улице) *жарко, как в бане*; (посетитель) *нудный, как осенняя муха* и под.).

Необходимо различать преувеличение и усиление. При усилении говорящий лишь эмоционально оценивает сообщаемый факт, а при преувеличении, гиперболе он дает этому факту некоторую «количественную меру»: либо сравнивает его с другим фактом – и тогда возникает образная характеристика первого, либо указывает явно преувеличенные, неправдоподобные размеры предмета, выходящие за рамки реальности действия и т. п.; ср.: *Такой ветер был, просто ужас!* – эмоциональное усиление; *Такой ветер был, просто с ног валил!* – гипербола (на самом деле, в буквальном смысле, – не валил); *До того он стал худой, прямо страсть!* – усиление; *До того он стал худой, прямо скелет!* – гипербола; *У них клубника невероятно крупная* – усиление; *У них клубника – с кулак* – гипербола.

Причины гиперболизации лежат в области психологии речи, и здесь мы можем указать лишь самые общие и очевидные из них.

Во многих случаях говорящему выгодно представить ситуацию как обладающую некоторым признаком Р в максимальной степени – для того, например, чтобы подчеркнуть некоторые собственные свойства или свойства других людей: *Я в этом ни аза не смыслю* (например, в ситуации, когда говорящий хочет уклониться от какого-либо дела и этим высказыванием подчеркивает свою полную в нем неосведомленность); *Да он до трех сосчитать не может!* (например, в ситуации, когда говорящий хочет выразить скептическое отношение к избранию некоего лица казначеем месткома); *У него не волосы, а проволока: ножницы не берут*, и т. п.

Стремление создать у окружающих преувеличенное представление о собственных слабостях или, напротив, достоинствах (это, очевидно, зависит как от характера человека, так и от ситуации), о свойствах собеседника, третьих лиц, предметов, событий и т. п. вообще в природе человека, и даже не человека как такового, а говорящего. Рассказчик, и

в особенности участник диалога, постоянно усиливает и «расцвечивает» свою речь с помощью разнообразных приемов: употребляя эмоциональные слова и выражения, метафоры, прибегая к сравнениям, жестикулируя и т. д. Средства гиперболизации играют в этом далеко не последнюю роль.

Такие речевые акты, как клятва, обещание, осуждение, угроза, просьба, заверение и др., бывают часто связаны с гиперболизацией, что вполне понятно: говорящий стремится к тому, чтобы слушающий поверил, скажем, заверениям или обещаниям и чтобы у него при этом не осталось и тени сомнения в их искренности. Ср.: *до смерти не забуду; чтоб мне провалиться на этом месте! я мигом сбегаю; в лепешку расшибусь, а достану* и т. п.

Гипербола, таким образом, направлена на максимальное увеличение иллокутивной силы речевого акта, и одновременно она способствует выполнению некоторых условий, лежащих в основе любого речевого акта, в частности условия искренности: ср. выражения типа *Чтоб мне провалиться на этом месте!* – в речевом акте заверения или *Я никогда тебе этого не забуду* – в речевом акте угрозы. С другой стороны, гиперболические высказывания нарушают так называемый постулат истинности, обычно также рассматриваемый как необходимое условие успешности речевой деятельности (ср.: «Старайся, чтобы твое высказывание было истинным» [Грайс 1985: 222]). Такое нарушение, однако, не препятствует общению, но накладывает на слушающего дополнительную «декодирующую» функцию: очевидная ложность прямого, буквального смысла высказываний заставляет слушающего искать в них скрытый смысл и интерпретировать их как содержащие субъективную оценку говорящим некоторого действия, состояния или свойства.

Главным условием являются интенции говорящего: если он намеревается обещать что-либо, побудить кого-либо к действию, просить, убеждать в чем-либо ит.д., то для успешного осуществления каждого из подобных речевых актов говорящий может использовать средства гиперболизации.

Например: *Ну, напиши ему, очень тебя прошу, век тебе буду благодарна* (просьба); *Чтоб мне лопнуть, если я вру!* (уверение); *Да я тебе этих камешков тонну привезу* (обещание) и т. п.

Другим условием гиперболизации некоторого свойства (или предмета) Р является объективное наличие этого Р. Если в ситуации, когда Р не имеет места, говорящий делает высказывание, содержащее какое-либо из средств гиперболизации, то такое высказывание должно быть признано ложным, а не гиперболическим. Иначе говоря, преувеличиваться не может ноль – нужна некоторая исходная величина.

Так, высказывания типа: а) *Марина вечно опаздывает*; б) *Петя храпит, как трактор*; в) *Там толпа – миллион человек!* – могут интерпретироваться как гиперболические лишь при условии, что (а) Марина в самом деле опаздывает (может быть, редко, но говорящему кажется, что это происходит очень часто), (б) Петя хотя бы в малой степени отличается указанным свойством (храпит во сне), (в) имеет место толпа, численность которой может оцениваться разными людьми по-разному (говорящий оценивает ее как очень большую).

С другой стороны, высказывание может содержать средства гиперболизации, но при этом описывать действительную ситуацию с максимальным проявлением данного свойства. В этом случае мы также не можем квалифицировать высказывание как гиперболическое. Например, в предложении *Коля никогда не был на Памире* наречие *никогда* употреблено для точного обозначения одного из свойств Коли, а именно того, что за свою жизнь он ни разу не побывал на Памире (в отличие от ситуаций: *часто бывал, каждое лето бывает, два раза был* и т. д.). В высказываниях же типа *Мы **никогда** не забудем этой поездки* или *Она **никогда** не приходит вовремя* налицо гиперболическое преувеличение. Ср. также: *Я **ничего** не слышал об этой истории* (отсутствие гиперболы). – *Он **ничего** не читает* (гипербола); *Вот уже три месяца, как она тяжело болеет и поэтому **никуда** не выходит* (отсутствие гиперболы) – *Мы с мужем давно уж **никуда** не ходим* (гипербола). Обратим внимание на то, что слушающий часто и не воспринимает подобные высказывания как гиперболические –

вследствие того, что у собеседников обычно есть общее представление о том, какая часть действительности имеется в виду, когда употребляются слова типа *ничего* (не читает), *никуда* (не ходим): не читает ничего интересного, не ходим в гости или в места культурного отдыха – театр, кино и т. п.

Говоря о языковых средствах гиперболизации, необходимо подчеркнуть, что, как правило, гиперболические высказывания концентрируются в области оценок человека и человеческой деятельности или же тех событий во внешнем мире, которые так или иначе затрагивают интересы человека. Это свойства и состояния говорящего, слушающего и третьих лиц, различные характеристики работы (по объему, интенсивности, времени), перемещения в пространстве, взаимоотношения и взаимодействия людей друг с другом, явления природы (напр., дождь, снег, ветер, жара, мороз), так или иначе влияющие на физическое и эмоциональное состояние людей, и т. п. Словом, мир человека оказывается основным объектом гиперболизации.

Гиперболизация характерна и для обыденной речи, и для художественных текстов, с тем существенным различием, что автору художественного произведения в большей степени, чем обычному носителю языка, бывает необходимо изобразить в преувеличенном, гиперболическом виде и объекты природы, и мир вещей, то есть мир вне человека. Однако обычно это делается сквозь призму человеческого восприятия, через оценки человеком мира природы и мира вещей. Это объясняется тем, что гипербола невозможна без ориентации на некую норму, присутствующую в сознании человека, касается ли норма свойств и действий человека или же состояния природы и свойств вещей. Если, по мнению говорящего, данное событие, свойство или состояние значительно отличается от нормального, он может прибегнуть к гиперболе.

Среди смыслов и идей, выражаемых гиперболически, наиболее типичны такие:

– 'наличие в избытке': *завались, залейся, выше головы, через край, навалом, уйма, пропасть, бездна, куча, вагон, гора, сплошь, один, одни (одни идиоты);*

– 'полное отсутствие': *совсем пусто, шаром покати, ни крошки, ни души, ни капли;*

– 'очень долго': *сто лет (не виделись), целую вечность (прождал), (будем стоять) до скончания века;*

– 'очень быстро': *мигом сбегая, мгновенно опустошили (бутылку);*

– величина расстояний и размеров: *школа – за тыщу километров; клубника – с кулак; голова – с котел;*

– повторяемость событий: *сто раз тебе говорил; вечно ты опаздываешь; она постоянно болеет;*

– чувства (например, усталость, радость, удивление, горе и т. п.): *руки отваливаются (от усталости), прямо прыал (от радости), _рот разинул (от удивления), почернела (от горя);*

– плохое состояние здоровья: *кожа да кости; как скелет; за стены держится; (его) ветром качает;*

– сильное опьянение: *«мама» не мог сказать; приполз домой на бровях и т. п.*

Как видим, для выражения этих смыслов в русском языке имеются готовые гиперболизирующие средства – в основном, фразеологически связанные обороты или же конструктивно обусловленные значения слов (ср. *вагон, куча, гора, вечно* и др.).

Помимо этого, гипербола может создаваться и в контексте высказывания – путем смыслового сдвига слов и выражений: от значения единичности к значению регулярности или постоянности действия, от конкретности к обобщенности и т. д.

Как готовые, так и, в особенности, контекстно обусловленные средства гиперболизации весьма разнообразны и многочисленны. Отметим лишь некоторые из них.

Это прежде всего морфологические средства: а) формы множественного числа, образованные от существительных вещественного значения: *чай, молоки* и под. (*Некогда **чай (молоки)***)

распивать); б) формы множ. числа, которые образованы от существительных, обозначающих исчисляемые объекты, но которые употребляются в ситуациях, когда имеется только один такой объект (*Ты что это **клумбы** топчешь? Я тут со **статьями** своими вожусь, а она (собака) там с голодухи воеет* – имеется в виду одна клумба, одна статья). Ср. также: *шататься по **магазинам** (по **выставкам**)*, *ездит по **заграницам*** и под.; в) *пол-* в комбинации с существительным: *У нас **пол-отдела** гриппует; Я этим ножом **полпальца** себе отхватил.*

К лексическим средствам гиперболизации относятся слова, обозначающие меру, количество, разного рода «шкальные», подвергающиеся количественному измерению свойства, а также модальные слова, кванторы и некоторые другие разряды лексики: *все, каждый, любой, всякий, никто, ничто, совсем, совершенно* и др. Ср.: ***Все** говорят, что он женился; **Все** мне советы дают, прямо замучили совсем^[98]; **Каждому** известно, что в магазине эту книгу не достать; И почему это **всякий** считает своим долгом делать мне замечания?); усилительно-модальные частицы наречного характера: *просто, прямо, просто-таки, прямо-таки, форменным образом* – например: *Ты меня этим сообщением **просто** зарезал!; Ну и загорел! **Прямо** негритос какой-то; Она **прямо-таки** в душу ко мне лезла со своим сочувствием; Соседи **форменным образом** выживают его из квартиры (скорее всего, как раз не «форменным»: незаконно, подло и т. д.); После пожара он **буквально** голый остался ит.п.; временные и пространственные наречия (преимущественно местоименного характера): *всегда, никогда, везде, всюду, никуда, нигде, вечно*, а также *постоянно, непрерывно, непрерывно, беспрестанно* и др.: *Он **никогда** не смотрит телевизор – описывается некий узус: не любит смотреть телевизор; ср. с этим буквальное осмысление наречия *никогда* в высказываниях типа *Он никогда не был во Франции*; прилагательные *целый, весь, сплошной, один*: *Пить хочется до невозможности – **целую бочку** выпил бы! Вы мне **весь костюм** испачкали! У них там **сплошные идиоты**, не с кем слова сказать! Бедный, он так похудел, **один нос** остался и т. п.****

Фразеологические средства – устойчивые выражения типа *не покладая рук, падать от усталости, на ходу спит* (о вялом человеке), *весь в мыле, руки отваливаются* (от усталости), *ходят на головах, в упор не вижу, лезть на стену* (от боли), *глаза на лоб полезли, корову через «ячь» пишет* (о малограмотном), *до трех сосчитать не может, это и ежу понятно* и под. Они носят пословичный характер, и их преувеличительный, гиперболический смысл давно не ощущается говорящими: все они употребляются переносно, метафорически.

Круг подобных оборотов может пополняться – например, путем метафоризации и переносно-гиперболического употребления выражений, имеющих специальное значение: *Мы все были в глубоком обмороке от этого их проекта; Я просто в шоке от твоего рассказа!* (обороты *в глубоком обмороке, быть в шоке* – из речи медиков).

Характерны также сравнительные обороты с союзом *как*. У носителей русского языка имеются стереотипные представления о многих объектах и свойствах окружающего мира как об эталонных по какому-либо признаку – например, трусости (*труслив, как заяц*), неуклюжести (*неуклюжий, как медведь*), нечистоплотности (*грязный, как свинья*) и т. п. Соответствующие выражения также стереотипны и используются как готовые штампы. Многие из таких штампов имеют гиперболическое значение: глагольные – *храпит, как трактор; пыхтит, как паровоз; ржет, как лошадь; ползет, как черепаха* (о поезде, автобусе ит. п.); *работает, как вол* и др.; адъективные – *худой, как скелет; тонкий, как глиста; толстый, как бочка; высокий, как каланча; здоровый, как бык; голодный, как собака* (как волк) и др.; адвербиальные – *темно, как ночью; светло, как днем; жарко, как в бане* и др.

Среди подобных сравнительных оборотов встречаются немотивированные: *глухой, как пень; глуп, как пробка* – однако значение максимальной степени признака, называемого прилагательным, здесь налицо, поэтому такие обороты употребляются с целью гиперболизации.

Расхожим средством гиперболизации являются фразеологические выражения со структурой V + ОТ + S (род), обозначающие эмоциональную реакцию человека в виде определенного физического состояния: *остолбенел от ужаса; валялись от хохота; падать от усталости* и под.; с препозицией оборота *чуть не: чуть не умерли со (от) страха; чуть не задохнулся от возмущения; чуть не лопнул от злости* и т. п.

Синтаксические средства: количественные группы: Num + S (род) – типа *сто раз, три часа*, или S (колич) + S (род) – типа *тыща человек, миллион бумаг, куча денег, вагон времени*; конструкция с творительным количественным: *К нему фрукты **вагонами** везут; Совсем свихнулась: лекарства глушит **флаконами!**; Я ему бумагу **тоннами** таскаю; Он ей розы **охапками** дарил*; конструкция с винительным и с дательным сравнения: *У них клубника – **с кулак**; Орехи – **по кулаку*** (ср.: «А вот тут стояло дерево – азовские орехи по кулаку на нем росли» – Б. Можаяев); конструкция ДО + S (род), обозначающая: а) размеры предмета: *коса до пят; нос до подбородка; борода до пояса*; б) полную исчерпанность вещества или предмета; в качестве S здесь выступает название «кванта» вещества или предмета: *до капли (выпили), всё до крошки (съел), всё до крупинки (собрали)* ит.п.; конструкция ПО + S (дат); S – обозначение «кванта» предмета или вещества: *собирали по капле (по крошке, по крохам, по зернышку, по крупнице)*; конструкция НИ + S (род): *ни крошки, ни капли, ни души, ни шагу, ни пылинки, ни звука, ни деревца, ни кустика; ни черта, ни фи́га, ни шиша*; конструкция S (род) – V (повелит, ед): *Фруктов – завались! Вина – залейся! Грибов – косо́й коси! Земляники – горстями гребь!*; конструкция S (род) + НЕ + V (инф, сов) или V (2-е л, сов, наст, ед): *Людей – не сосчитать (не считаешь); Подарков – не унести (не унесешь); Народу – не протолкнуться (не протолкнешься).*

Как видим, спектр языковых средств, с помощью которых рождается гипербола, весьма широк и разнообразен. Изучение этих средств, условий и способов использования их для целей гиперболизации может выявить как общие черты, так и различия,

свойственные функционированию гиперболических выражений в художественных текстах и в обыденной речи.

Нормативные словари как инструмент лингвистической экспертизы текста^[99]

1. Лингвистическая экспертиза текстов – одно из приложений лингвистической теории к практике рассмотрения гражданских и уголовных дел. Это направление прикладной лингвистики стало особенно активно развиваться в последние полтора десятилетия. Решение задач, с которыми сталкивается лингвист-эксперт, связано, в частности, с использованием словарей (главным образом, толковых) как инструмента, с помощью которого осуществляется анализ текстов различного жанрово-стилистического характера.

2. Практика применения словарных данных для целей лингвистической экспертизы выявила как достоинства, так и недостатки толковых словарей. Они касаются (1) толкований слов, (2) иллюстративного материала, содержащегося в словарных статьях, (3) стилистических помет, (4) комментариев, относящихся к коммуникативным и прагматическим условиям употребления слова.

2.1. Словарные дефиниции (толкования) во многих случаях являются надежной опорой для эксперта при определении тех смыслов, которые может иметь то или иное слово в контексте анализируемого документа. Однако практика экспертной работы показывает, что словарные толкования могут быть

(а) недостаточными, когда в них фиксируются не все существенные семантические свойства слова;

(б) избыточными, когда толкование, помимо необходимых семантических компонентов, содержит и такие, которые несущественны или излишни для описания смысла данного слова;

(в) содержащими логический круг, когда толкуемая единица определяется с помощью таких лексических элементов, описание значений которых содержит данную толкуемую единицу.

Приведем примеры, иллюстрирующие каждый из этих недостатков толковых словарей.

2.1.а. 1) Глаголы КРАСТЬ и ГРАБИТЬ: если в первом случае словарное толкование не будет содержать смысловый компонент 'тайно', а во втором случае смысловый компонент 'силой', то значения каждого из этих глаголов будут истолкованы недостаточно и, следовательно, неправильно. Как это вполне очевидно, *крадут* обычно втайне от обкрадываемого (ср. однокоренные слова *крадучись*, *украдкой*, в которых смысл 'тайно' составляет центральную часть значения), а *грабят* с применением силы.

2) **ПРЕСТУПЛЕНИЕ** – «общественно опасное действие, нарушающее существующий правопорядок и подлежащее уголовной ответственности» [МАС, III: 385]. Важно соотнести: нарушающее закон и подлежащее наказанию по *этому же* закону. Ср. толкование слова *преступление* в [ТКС]: «нарушение закона, подлежащее наказанию по этому закону».

2.1.6. 1) **ОБВИНИТЬ – 1.** *Сов. к обвинять* (в 1 знач.). **2.** Признав виновным, вынести обвинительный приговор; осудить [МАС, II: 521]. – Присяжные могут признать виновным, то есть обвинить, **не вынося обвинительного приговора**, а приговор выносит судья.

2) **ЖИД** – «**1.** *Разг. устар.* То же, что еврей» [МАС, I]. – В этом значении, как кажется, слово *жид* в современном языке не употребляется – ни как разговорное, ни как устаревшее; тем самым это значение и его толкование оказываются в словаре современного языка избыточными. «**2.** *Груб. прост.* Презрительное, бранное название еврея» [Там же].

В [СОШ 1997] слова *жид* нет, и это, по-видимому, неправильно, так как слово весьма употребительно среди определенных (националистически настроенных) слоев носителей современного русского языка.

Следует обратить внимание на то, как дано это слово в словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «**ЖИД – 1.** В устах антисемитов – еврей (презрит.). **2.** В кругах антисемитов – скряга (простореч. бран.). [Первонач. не имело презрит. или бран. оттенка, но впоследствии стало ходовым

шовинистическим обозначением еврея и приобрело черносотенно-погромный характер]» [СУ, I: 868].

На мой взгляд, это наиболее полное и в то же время лапидарное описание функциональных свойств рассматриваемого слова и развития его значений в русском языке. Сведения, содержащиеся в цитированной слованой статье, весьма полезны при проведении лингвистических экспертиз по делам, связанным с национальной, расовой и религиозной рознью и нетерпимостью. Одновременно с этим описание слова *жид* в [СУ] дает аргументы против попыток со стороны русских националистов оправдать употребление слова *жид* как нейтрального, безоценочного в современном литературном языке – ссылками на язык XIX века (в частности, на словарь В.И. Даля), где, в соответствии с лексическими и стилистическими нормами русского языка того времени, вплоть до первых десятилетий XX века, слово *жид* употреблялось как нейтральная номинация еврея (ср. название написанного в начале XX века рассказа А. И. Куприна «Жидовка»).

2.1.в. Лингвистам-экспертам хорошо известно, что юридическое толкование **оскорбления** расходится с интуитивным пониманием этого слова, зафиксированным в толковых словарях.

Вот как определяется оскорбление в ст. 130 УК РФ:

1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме...

и далее, в комментарии к этой статье:

2. Оскорбление как преступление должно быть выражено в неприличной, т. е. циничной (подчеркнуто мной. – Л. К.) форме, глубоко противоречащей правилам поведения, принятым в обществе.

По нашему мнению, оскорбление – это нанесение обиды, которая может быть выражена устно, например, в виде ругательств или нецензурных (подчеркнуто мной. – Л.К.) прозвищ; письменно в виде записок или писем неприличного содержания; в виде телодвижений – пощечин, плевков в лицо и т. п. действий.

В судебной практике как оскорбление рассматриваются лишь матерные слова, обращенные к определенному лицу или лицам (но,

например, не слова типа *негодяй, сволочь, подонок* и под., которые могут расцениваться как унижающие честь и достоинство человека, но не как оскорбление).

Поскольку оскорбление в ст. 130 УК РФ определяется с помощью прилагательного *неприличный*, естественно задаться вопросом: что же понимают юристы и авторы уголовного кодекса под словом *неприличный*? Нигде в УК это слово не получает разъяснений. Обратимся к толковым словарям и увидим, что, с одной стороны, литературное употребление слова *оскорбление* значительно отличается от его употребления в юридических документах, а с другой, – что толкование и этого, более широкого, чем у юристов, значения слова *оскорбление* далеко от совершенства, поскольку содержит элементы так называемого логического круга.

ОСКОРБЛЕНИЕ – «1. Действие по глаголу оскорбить – оскорблять. 2. Оскорбительный поступок, поведение, слова и т.п. **ОСКОРБИТЬ** – крайне обидеть, унижить кого-л.; уязвить, задеть в ком-л. какие-л. чувства. ... *напрасно я оскорбил его упреком и подозрением* (Пушкин); *Оксана, глубоко оскорбленная тем, что Петро почти перестал ей писать...* (Поповкин) // Осквернить, унижить чем-л. неподобающим. ...*оскорбить фальшью или ложью* (Л. Соболев)» [МАС, II: 647].

Как видим, в этих толкованиях и иллюстрирующих толкования примерах нет ничего, что соответствовало бы юридическому пониманию термина *оскорбление*.

Поскольку в ст. 130 понятие оскорбления поясняется с помощью прилагательных *неприличный* и *циничный*, обратимся к толкованиям этих слов в современных толковых словарях.

НЕПРИЛИЧНЫЙ – «не соответствующий, противоречащий правилам приличия. *Неприличный вид. Прошу вас, не называйте меня по имени и отчеству. Начальница может распечатать (письмо), и это покажется ей странным или даже неприличным* (Каверин)» [МАС, II: 470]; «противоречащий правилам приличия» [СОШ 1997: 411].

ПРИЛИЧНЫЙ – «соблюдение правил поведения, вежливость, пристойность в поведении, в словах» [МАС, III: 420]; **ПРИСТОЙНОСТЬ**

- «свойство по знач. прил. пристойный» [там же: 444]; **ПРИСТОЙНЫЙ**
- «вполне приличный, отвечающий правилам приличия» [там же].

Налицо логический круг.

В словаре Ожегова – Шведовой *неприличный* толкуется как «нарушающий правила приличия», а у слова *приличие* выделяются два значения: «**ПРИЛИЧИЕ** – 1. см. приличный; 2) обычно *мн.* Правило поведения, вежливость, благопристойность. *Соблюдать, нарушать правила приличия*»» (с. 594). Посмотрим на толкование того слова, на которое имеется ссылка в словарной статье *неприличный*: «**ПРИЛИЧНЫЙ** – 1. Соответствующий приличиям, пристойный. *Прилично* (нареч.) *вести себя*. 2. Подобающий, уместный (устар.). *П. случаю поступок*. 3. Достаточно хороший (разг.). *П. заработок*»». Очевидно, что нас в данном случае может интересовать только первое значение прилагательного *приличный*. Но его толкование дается через существительное *приличие*, а при толковании последнего, как мы видели, дается отсылка к прилагательному *приличный*. В толковании слова *приличный* фигурирует прилагательное *пристойный*; вот как оно толкуется в [СОШ 1997]: *пристойный* – «вполне отвечающий правилам приличия» (с примером *пристойное поведение*), а *непристойный* – как «неприличный, бесстыдный».

Здесь также налицо логические круги.

Не помогает прояснить значение слова *оскорбление* и обращение к словарному толкованию прилагательного *циничный*, с помощью которого в УК определяется форма того, что с юридической точки зрения является оскорблением:

ЦИНИЧНЫЙ – «1) проявляющий цинизм, бесстыдство. ...*Нежданов силился быть циничным и грубым на словах* (Тургенев); 2) исполненный цинизма, бесстыдства. ...*нигилистическое, циничное отношение к искусству* (Шулейкин) / *Непристойный, бесстыдный. Захаров запел невероятно циничную песню, от которой покраснел бы ломовой извозчик* (Вересаев); *.мужчины в своем кругу называли вещи с циничной откровенностью их именами* (Куприн)» [МАС, IV: 646].

Поскольку в приведенных толкованиях содержится слово *цинизм*, необходимо обратиться и к его словарному толкованию:

ЦИНИЗМ – «1) учение циников (в 1 знач.); 2) грубая откровенность, бесстыдство, пренебрежительное отношение к нормам нравственности, благопристойности, к чему-л. пользующемуся всеобщим признанием, уважением. *Ефимов дошел до самого крайнего цинизма: он нисколько не совестился жить на счет Б. (скрипача)... (Достоевский); Если бы кто-нибудь подслушал иные рассказы его о своих якобы похождениях с женщинами, то, конечно, пришел бы в ужас от спокойного цинизма этого гимназиста (Короленко); Он вспомнил о том, с каким цинизмом еще совсем недавно думал о любви, как смеялся над людьми, произносившими слова любви (Белов)» [МАС, IV: 646].*

БЕССТЫДСТВО – «отсутствие стыда» [МАС, I: 86]; «**1.** см. бесстыдный. **2.** Бесстыдный поступок» [СОШ 1997: 46]. **БЕССТЫДНЫЙ** – «Не имеющий стыда; беззастенчивый, наглый. // Выражающий бесстыдство // Непристойный ...говорили ей бесстыдные вещи (Горький)» [МАС, I: 86]; «Лишенный чувства стыда, противоречащий общественной морали, непристойный. *Бесстыдное поведение. Бесстыдная ложь (открытая и наглая)* [СОШ 1997: 46].

Кроме рассмотренных слов, в комментарии к ст. 130 использованы слова *ругательства* и *нецензурные прозвища*.

РУГАТЕЛЬСТВО толкуется в словарях как «грубое, бранное слово, выражение» [МАС, III: 736]; то же толкование – в [СОШ 1997: 686], а **БРАННЫЙ** – как «ругательный» [МАС, I: 112], «содержащий брань, резко порицающий» [СОШ 1997: 58], *брань* – «оскорбительные, ругательные слова; ругань» [МАС, I: 112], «осуждающие и обидные слова, ругань» [СОШ 1997: 58], *ругань* – «оскорбительные, грубые слова, которыми ругают» [МАС, III: 736]; «грубые, бранные слова, которыми ругают, а также ссора, сопровождаемая такими словами» [СОШ 1997: 686], *ругать* – «называть оскорбительными, грубыми, бранными словами; бранить» [МАС, III: 736]; «грубо бранить» [СОШ 1997: 686]^[100]; *бранить* – «обидными, резкими словами порицать,

укорять; ругать» [МАС, I: 111]; «порицать, выражать свое недовольство бранными словами» [СОШ 1997: 58].

НЕЦЕНЗУРНЫЙ – «1. противоречащий требованиям цензуры; 2. непристойный, неприличный ... *нецензурная песня, нецензурный анекдот*» [МАС, II: 492]; «неприличный, непристойный» [СОШ 1997: 415].

Очевидно, что эти словарные описания прилагательного *циничный* и существительного *цинизм*, а также слова *бесстыдство*, которое фигурирует в определениях цинизма, слов *ругательство, нецензурный* мало проясняют тот смысл, который вкладывают юристы в понимание циничности, фигурирующей в ст. 130 УК РФ при разъяснении формы, в которую облачается оскорбление и которая соответствует трактовке оскорбления как преступного действия.

То, как толкуются слова *неприличный, непристойный, нецензурный, ругательство* в толковых словарях, не дает нам ответов на вопрос о том, например, являются ли слова *сволочь, паразит, подонок* – несомненно бранные, оскорбительные, резко порицающие (см. толкования) – ругательными и нецензурными и тем самым оскорбляющими человека (в юридическом понимании оскорбления) или же они недостаточно ругательны и нецензурны для того, чтобы квалифицировать их употребление по отношению к конкретному человеку как подпадающее под статью 130 УК РФ^[101].

2.2. Как фактор, мешающий эффективному применению словарных данных, должны рассматриваться противоречия, которые нередко обнаруживаются между разными словарями при толковании одних и тех же слов: у эксперта часто не оказывается достаточных аргументов для выбора какого-либо одного варианта определения значения слова.

2.3. Иллюстративный материал – и в виде речений, и в виде цитат из образцовых (в языковом отношении) художественных и публицистических произведений – может быть и в действительности является во многих случаях важным подспорьем в работе эксперта, поскольку он не только показывает разнообразные контексты, в которых употребляется данное слово (в особенности, если оно многозначно), но и

позволяет сравнивать прототипические случаи его употребления с использованием слова в том тексте, с которым работает эксперт.

Однако в случаях, когда понимание одного и того же слова в литературном языке и в юридических текстах различно (как в случае со словом *оскорбление*), словарные иллюстративные примеры могут служить лишь фоном, на котором проявляются особенности юридического словоупотребления.

2.4. Стилистические пометы – это, по признанию многих специалистов, та область лексикографической работы, которая далека от совершенства. Практически каждый толковый словарь содержит собственную систему помет, отсутствует четкая дифференциация помет (в особенности таких, которые характеризуют одни и те же или близкие стилистические свойства слова: ср., например, *груб.*, *груб. – прост.*, *вульг.*), в стилистической квалификации одного и того же слова словари часто противоречат друг другу. Сам набор стилистических помет, используемый в современных толковых словарях, с точки зрения задач лингвистической экспертизы недостаточен: в анализируемых текстах могут содержаться такие лексические единицы, которые трудно квалифицировать с помощью помет, сопровождающих эти единицы в толковом словаре.

2.5. Современные толковые словари не содержат зоны таких сведений, которые относятся к коммуникативным и прагматическим свойствам слова (одно из редких исключений – «Новый объяснительный словарь синонимов» под ред. Ю. Д. Апресяна). А именно эти сведения, помимо толкования значения слова и его стилистической квалификации, оказываются существенными при производстве лингвистической экспертизы текста.

Приведу только один пример, иллюстрирующий то обстоятельство, что словарные сведения о лексической единице бывают недостаточны для принятия тех или иных экспертных решений по поводу употребления этой единицы в исследуемом тексте.

В экспертную службу Института русского языка РАН поступил запрос об определении значения и функций прилагательного

деревенский в составных наименованиях различных продуктов: *яйца деревенские, деревенские грибы, колбасные изделия деревенские* и т. п.

В самом обобщенном виде значение прилагательного *деревенский* может быть сформулировано как 'имеющий отношение к деревне'. Некоторые толковые словари современного русского языка отмечают у этого прилагательного несколько значений:

1. к Деревня. *Деревенская улица. Деревенская изба. Деревенская школа. Деревенский житель. Деревенский учитель. Деревенское молоко.*

2. Характерный для деревни, для жизни вне города. *Деревенская тишина. Деревенский пейзаж. Деревенский обычай. Деревенская свадьба.*

3. Свойственный жителям деревни, обычный для них; крестьянский. *Деревенская основательность. Деревенская неторопливость. Деревенский язык. Деревенская одежда.*

4. Посвященный деревне (о произведениях литературы). *Деревенский очерк. Деревенская проза, поэзия. Деревенские стихи Есенина [БТС: 252].*

В сочетании с перечисленными в запросе существительными, называющими пищевые продукты, прилагательное *деревенский* не может выступать ни в каком другом значении, кроме первого. Однако в этом значении у слова *деревенский* в зависимости от контекстного окружения могут обнаруживаться те или иные дополнительные свойства, не отмечаемые толковым словарем. Например, при сочетании с существительными, называющими продукты питания, существенной оказывается позиция прилагательного по отношению к грамматически главному слову, а именно, слева (в препозиции) или справа (в постпозиции) от главного слова. Словосочетания с прилагательными-определениями, употребленными в препозиции к определяемому существительному (то есть слева от него), не имеют статуса термина, и в них определение *деревенский* обычно указывает на место происхождения данного продукта. Так, предложения типа: *Отец привез деревенские консервированные грибы, Я люблю деревенскую колбасу и под.* указывают на место, где консервировали грибы и где делали

колбасу (деревенские консервированные грибы = 'грибы, законсервированные в деревне', деревенская колбаса = 'колбаса, сделанная в деревне').

Употребление определения *деревенский* в постпозиции к определяемому слову может придавать этому словосочетанию статус терминологического – по общему правилу, действующему в ряде современных терминологических систем (ср.: *Это обыкновенная поганка (а не масленок, не сыроежка) – Это поганка обыкновенная* – в отличие от других видов поганок в ботанической классификации грибов)^[102]. В этом случае *деревенский* указывает не на место производства продукта, а на его к а ч е с т в о. Производители нередко выделяют это определение прописной буквой и кавычками как фирменный знак, указывающий на качественные отличия данного вида продукта от всех остальных (масло «Деревенское», – в отличие от масла «Вологодского», «Крестьянского» и т. п.).

В заключение необходимо подчеркнуть, что различного рода контекстные модификации значения слова, появление у него не отмечаемых словарями коннотаций, коммуникативные, прагматические и иные условия употребления ит.п. – предмет самостоятельного анализа, при котором информация о слове, содержащаяся в толковых словарях, – лишь начальный, отправной пункт, своего рода основа для экспертного исследования свойств слова и его поведения в реальных текстах.

Метафоры власти^[103]

В качестве вступления в тему этой статьи я хочу привести отрывок из рассуждений испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета о метафоре *el fondo del alma* – 'глубина души' (буквально: 'дно души'):

Когда мы утверждаем, что у души есть «дно», мы относим это слово сначала к дну какого-нибудь сосуда, например, бочки, потом как бы «очищаем» это значение от указания на физические параметры и относим его к психике. Для метафоры необходимо, чтобы мы осознавали ее двойственность [Ортега-и-Гассет 1990: 71].

И дальше, задавая вопрос, почему бы не назвать то, что мы именуем *el fondo del alma*, прямо, не метафорически, он замечает: «...

всё дело в том, что интересующий нас объект не только трудно назвать, о нем даже трудно помыслить». Стало быть, метафора служит не только как способ наименования, но и как орудие мышления.

Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлинняет «руку» интеллекта [Там же: 72].

Хотя концепт 'власть', по-видимому, менее абстрактен, чем концепт 'душа', его также трудно помыслить в виде чего-то осязаемого, доступного прямому, не метафорическому наименованию. Поэтому многообразные способы обозначения этого концепта в языке (как самого понятия «власть», так и свойств и действий, связанных с властью) по большей части метафоричны. Власть *берут, захватывают*, к власти *приходят*, у власти *стоят*, власть иногда *теряют, утрачивают*, власти *жаждут*, ею *упиваются*, хотя и испытывают при этом ее бремя. Власть может *быть, находиться в руках* кого-либо, *переходить* от одного лица к другому, власть могут *делить* с кем-нибудь, но чаще не хотят ею *делиться*. Власть *укрепляют*, и поэтому она становится *крепкой, твердой, прочной, сильной*, но когда ее не способны *удержать* и, тем более, когда кто-то ее *подрывает*, то она становится *слабой, дряблой*^[104], *ослабевает, расшатывается*, может даже наступить *паралич* власти, и тем, кто всё еще *остаётся* у власти, приходится *лишаться* ее, *отдавать* ее другим, а на их место *приходят* новые властители – или сами (например, в результате *переворота*), или кто-то *приводит* их к власти, ставит у ее *кормила*.

Это далеко не все обороты со словом *власть*, которые в русском языке служат для обозначения как самой власти, так и ее действий и свойств^[105]. Но и те, что перечислены, дают нам представление о том, что с властью в обыденном сознании носителя языка связан не какой-то один образ, а несколько.

В самом деле, власть можно представить в виде некоего предмета, который *берут, держат в руках*, стремятся *не выпускать из рук*, никому его *не отдавать*, но иногда *передают из рук в руки*, от власти *отходят*, позволяя другим *приблизиться* к ней (ср. образованное на основе этого глагола субстантивированное прилагательное *приближённые*). У этого

предмета есть верх (ср. оборот *быть на вершине власти*), с которого можно упасть^[106]; стоящего наверху норовят *свергнуть* или *низвергнуть* (книжн.), *скинуть* (прост.), а на его место *привести* другого, *поставить* у власти, *наделить* властью, в частном случае (когда речь идет о монархической форме государственного правления) – *возвести* его на престол. Власть как предмет – вещь полезная и даже ценная: властью *пользуются*, ее *используют*^[107] (например, в корыстных целях), *применяют* (например, по отношению к преступникам), власть *завоевывают*, ею стремятся *обладать*.

Некоторые обороты со словом *власть* наталкивают нас на мысль, что это не просто предмет, а некое сложное устройство: ср. *механизмы власти*, *технология власти* (так называется известное исследование А. Авторханова, посвященное анализу путей, способов и средств, которые использовал И. В. Сталин для укрепления своей власти и власти руководимой им партии), *властные структуры*, *эшелоны власти*. Это устройство способно управлять кем– или чем-либо: власть *подавляет* тех, кто ею недоволен, или, напротив, *возвышает* и *приближает* к себе подданных.

Власть – это еще и сооружение, строение: власть *строят*, *возводят* ее здание, *укрепляют* ее фундамент и стены, во власть *входят*, в ней *остаются*, в *коридорах власти*^[108] идет скрытая от постороннего глаза жизнь.

Часть из только что перечисленных оборотов рождает и еще один образ: власть – своего рода вожжи, с помощью которых можно управлять экипажем. Метафоры *держат власть в своих руках*, *выпустить власть из своих рук*, *власть ускользает* (из чьих-либо рук), а также архаичное и поэтому высокое по стилистической окраске выражение *бразды*^[109] *правления* рождает в сознании именно этот образ (во всяком случае – это один из возможных образов).

Власть может быть объектом стремлений и даже вожделений, она может ассоциироваться с тем, что утоляет жажду (те, кто стремится к власти, часто *жаждут* ее), что является предметом любви: те, кто стоит у

власти, обычно *любят* власть – отсюда производные: *властолюбие, властолюбивый*, хотя *властью обладать* и неохотно с нею *расстаются*.

Все эти примеры приведены здесь для того, чтобы показать множественность образов, лежащих в основе метафорических выражений со словом *власть*. По-видимому, и другие абстрактные и при этом коммуникативно важные концепты обладают этим же свойством: ср., например, сочетаемость таких слов, как *совесть* (*чистая совесть, угрызения совести, совесть замучила, это лежит на его совести, не хватает совести* и под.), *душа* (*до глубины души, вложить во что-либо душу, лезть, влезать в душу, душа радуется, душа в пятки ушла, брать за душу, душа нараспашку, отвести душу, ранить душу* и др.), *тоска* (ср. *тоска берет, замучила, заела, тоска зеленая, наводить тоску на кого-либо* и под.).

Этимологические шутки на фоне сознательных нарушений языковой нормы [\[110\]](#)

Традиция шутовой интерпретации внутренней формы слова существует не одно столетие. На этом основаны определенные приемы языковой игры (см. об этом [Норман 1987; Гридина 1996; Санников 2002]). «Языковая игра, – пишет известный специалист в этой области В. З. Санников, – это игра с языком, которая позволяет четче определить языковую норму и отметить многие особенности русского языка, которые могли бы остаться незамеченными. Это, иными словами, лингвистический эксперимент. Парадоксальный факт – лингвистический эксперимент гораздо шире, чем лингвисты, применяют (уже многие столетия, если не тысячелетия) сами *говорящие*, – когда они играют с формой речи» [Санников 2003: 40].

Даже в фактах народной (ложной) этимологии (*поссажир* – от *посадить, спинжак* – от *спина* и т. п.) далеко не всегда можно видеть результат невежества или неграмотности: в подобных якобы полуграмотных образованиях иногда сквозит усмешка, притворная простоватость. Это мастерски использовал Н. С. Лесков в своих многочисленных шутовых переделках слов, главным образом иноязычных: *гувернянька* (вместо *гувернантка*, в соединении со словом

нянька), *гульвар* (объединение слов *бульвар* и *гулять*), *мелкоскоп* (из *микроскоп* и *мелкий*) и др. Словесные шутки, в том числе шутливые этимологии, можно найти в творчестве таких поэтов и прозаиков прошлого, как Д. Минаев, Саша Черный, А. П. Чехов, А. Аверченко, Н. Тэффи, В. Маяковский, И. Ильф и Евг. Петров, Е. Шварц и другие; замечательные примеры обырывания внутренней формы слова находим в творчестве известного переводчика Бориса Заходера, шутках наших современников М. Задорнова, А. Кнышева, М. Жванецкого (см. об этом [Санников 2003]).

К языковой шутке склонны не только те, кто имеет отношение к слову профессионально: писатели, поэты, лингвисты, журналисты, – но и обычные носители языка, если им свойственно чувство юмора и постоянное внимание к тому, как мы говорим. В таких шутках не последнюю роль играет ироническая, нередко ерническая интерпретация формы слова и его значения, намеренное нарушение привычных (нормативных) способов языкового выражения мысли. В свое время на 16-й странице «Литературной газеты» возник жанр толково-этимологического словаря, который сформировался, конечно же, не на пустом месте: он впитал в себя многое из оставленного нам предшествующими поколениями тех, кто любил языковую игру. Затем публикации в духе толково-этимологического словаря появлялись в других изданиях, в частности, в газете «Русский язык», где разные авторы, независимо друг от друга, упражнялись в сочинении шутливых словарных статей, иногда с игровой интерпретацией одних и тех же слов.

Настоящая заметка отражает собственный опыт работы автора над русским толково-этимологическим словарем. В качестве приложения к заметке приводится фрагмент этого словаря.

Следует сказать несколько слов о специфике этого словаря, о его словнике и о форме описания в нем избранных для обырывания лексем.

Словарная статья толково-этимологического словаря (сокращенно ТЭС) имеет следующие части: вход – в виде слова в его исходной форме, толкование и стилистические пометы.

Некоторые словарные статьи имеют еще отсылочную часть – ссылки на те или иные слова, помещенные в этом же словаре и в чем-либо сходные с данным. Например, слово *макрокосм* толкуется как 'хиппи', и при нем дается отсылка к слову *микрокосм*, которое толкуется как 'новобранец'.

К отбору слов для ТЭСа и к их толкованию предъявляются определенные требования.

В качестве толкуемых единиц выбираются такие слова, которые обладают определенным потенциалом с точки зрения обырывания их внутренней формы или этимологии. Как правило, это слова не односложные, содержащие такие элементы, которые реально или потенциально могут интерпретироваться как корневые или аффиксальные морфемы. Например: *автомат*, *ватер-пас*, *глян-ец*, *гордыня*, *коро-мысл-о*, *локомотив*, *недо-бор*, *не-он*, *о-сан-к-а*, *ретроград* и т. п. (дефис поставлен между такими частями слов, каждая из которых может получать шутливую этимологическую интерпретацию, – см. Приложение ниже).

В общем случае толкование не должно содержать слов или морфем, присутствующих в толкуемой части (однако бывают и исключения: ср., например, приведенное в Приложении толкование слова *гордыня*). При этом чем дальше игровой смысл слова от его реального значения, зафиксированного в обычных толковых словарях, чем менее «ожидаем» такой смысл для носителей языка, тем выше ценность данной лексикографической единицы. Ср. с этой точки зрения явно разную ценность таких интерпретаций: *мазанка* – 'женщина-маляр', *попадья* – 'женщина-снайпер', *рыло* 'лопата', *мурло* 'ласковая кошка'.

Стилистическая помета также имеет целью языковую игру и в большинстве случаев «поддерживает» ложную этимологизацию.

Например, если мы толкуем слово *ватерпас* как передачу мяча в водном поло, то естественно сопроводить такое толкование пометой «спорт.» (в обычном толковом словаре это технический термин). Если слово *квакер* толкуется как 'самец лягушки', то вполне уместна помета «зоол.» Слово *лапник*, толкуемое как 'женолоб' и тем самым возводимое

к грубо-просторечному глаголу *лапать* (= 'хватать руками'), естественным образом получает помету «груб.», а в слове *померанец*, толкуемом как 'покойник', суффикс *-ец* ложно интерпретируется как ласкательный, что дает основание снабдить это слово пометой «ласк.» Ср. также *жрец*, этимологизируемое с помощью глагола *жрать* (отсюда помета «груб.» при этом слове), *мимист*, ложно связываемое по смыслу с наречием *мимо* (*бить мимо ворот*) и поэтому получаемое помету «спорт. арго»; *мираж*, толкуемое путем связи первой части со смыслом корня *мир-*, а второй – с суффиксом *-аж*, который часто используется для образования профессиональных арготизмов типа *оживляж*, *реагаж* и под. (отсюда помета, якобы указывающая на определенную профессиональную сферу, в которой употребляется это слово, – «дипл.»), и т. п.

Естественно, далеко не всякое слово может быть обырано в ложно-этимологическом духе. Однако наблюдения показывают, что те слова, которые с первого взгляда не содержат в себе никакого потенциала для языковой игры, в действительности могут быть обыраны тем или иным способом. Ср. с этой точки зрения, например, слова с первой частью *недо-*: *недобор*, *недоносок*, *недород*, существительные с первой частью *полу-*: *полузащитник*, *полушарие* или с суффиксом *-ец*: *выходец*, *холодец* и нек. др.

Ниже приводится фрагмент составленного автором толково-этимологического словаря русского языка.

Приложение

Фрагмент толково-этимологического словаря русского языка

АВТОМАТ – грубая самокритика

АНТИЛОПА – обруч на бочке

БАНДАЖ – деятельность преступной группировки

БИДОН (*тамож.*) – чемодан с двойным дном

БИЗОН – отец двух сыновей

БИРЮК (*тур. арго*) – турист с двумя рюкзаками

БРЕДЕНЬ (*мед. арго*) – больной в бессознательном состоянии

ВАТЕРПАС (*спорт.*) – передача мяча в водном поло
ВОРОНКА – 1) небольшая ворона; 2) (*детск.*) – жена ворона
ВОРОТИЛА (*спорт.*) – голкипер
ВЫХОДЕЦ (*спорт.*) – участник соревнований по спортивной ходьбе,
сошедший с дистанции ГАРАЖ – пепелище
ГЛЯНЕЦ (*шутя.*) – наблюдатель
ГОРДЫНЯ – дыня, выращенная в городских условиях
ДАНТИСТ (*лит. – вед.*) – специалист по творчеству Данте
ДЕГУСТАЦИЯ (*тех.*) – разжижение
ДЕМАРШ (*воен.*) – мнимый поход
ДИЭЛЕКТРИК – монтер-совместитель
ДОМРИСТ (*мед. арго*) – безнадежный больной
ЖАЛО (*древн.*) – пресс
ЖРЕЦ (*груб. общепит.*) – клиент столовой
ЗАМУРОВАТЬ (*милиц.*) – поймать преступника силами Московского
уголовного розыска (МУРа)
ЗУБИЛО (*мед. арго*) – стоматолог
КАРГА – помесь вороны с гусем; ср. **курага**
КВАКЕР (*зоол.*) – самец лягушки
КОКОТКА – курица-наседка
КОРОМЫСЛО (*древн. мед.*) – головной мозг
КОСТРЕЦ – небольшой костер
КУРАГА – помесь курицы с гусем; ср. **карга**
ЛАПНИК (*груб.*) – женолюб
ЛЕДЕНЕЦ – холодильник
ЛЕКАЛО (*груб. мед.*) – врач
ЛИЦЕВАТЬ (*милиц.*) – бить по физиономии
ЛИЦЕМЕР – антрополог, специалист по **лицемерию**; см. также
порожняк (во 2-м знач.)
ЛИЦЕМЕРИЕ – раздел антропологии, изучающий физические
характеристики лица
ЛОБОГРЕЙКА (*мед. арго*) – горячий компресс
ЛОКОМОТИВ – местная вариация общеизвестной мелодии

МАЗАНКА – женщина-маляр

МАКРОКОСМ – хиппи; ср. **микрососм**

МИКРОКОСМ (воен.) – новобранец; ср. **макрососм**

МИМИСТ (спорт. арг.) – мазила

МИНИРОВАТЬ – о женщине: соблазнять с помощью короткой юбки

МИРАЖ (дипл.) – заключение перемирия

МИРЯНИН – участник конгресса борцов за мир

МУРЛО – ласковая кошка

НАУШНИЧАТЬ – слушать музыку по плееру

НЕДОБОР (лесн. арг.) – мелколесье

НЕДОНОСОК – недобросовестный стукач

НЕДОРОД (мед. арг.) – пауза между рождением первого и второго близнецов

НЕНЕЦ (юрид. арг.) – тот, кто всё отрицает на допросе

НЕОН (юрид. арг.) – неопознанное лицо

ОБЪЯТИЕ (лингв.) – исследование, посвященное звуку и букве

«ять»

ОГОЛЕЦ – стриптизер

ОЗОНАТОР – охранник в лагере

ОСАНКА (пренебр.) – посвящение в сан

ОСЕЛОК (детск.) – маленький осел

ПЕЛЕНГАТОР – отец новорожденного ребенка

ПЕРВЕНЕЦ (спорт.) – победитель соревнований

ПИЛЮЛЯ (неодобр.) – неумелый пильщик

ПИТОМНИК (издат. арг.) – собрание сочинений в 3,14 томах

ПЛЕТЕНЬ (неодобр.) – пустомеля

ПОДПУШКА (воен.) – небольшое артиллерийское орудие

ПОЛИГАМИЯ – общий крик в многодетной семье

ПОЛИГЛОТ – 1) Змей-Горыныч; 2) клиент нескольких столовых

ПОЛИМЕРЫ (юрид.) – комплекс воспитательных действий

ПОЛИТРУК (алк.) – собутыльник

ПОЛУЗАЩИТНИК (юрид.) – неуверенный в себе адвокат

ПОЛУШАРИЕ (милиц.) – незаконченный обыск

ПОМЕЛО – дворник

ПОМЕРАНЕЦ (*ласк.*) – покойник

ПОПАДЬЯ (*воен.*) – женщина-снайпер

ПОПОЛЗЕНЬ (*алк.*) – мертвецки пьяный человек

ПОРОЖНЯК – 1) драчун; 2) то же, что **лицемер**

ПОРТЯНКА – жительница портового города

ПРОКУРОР—заядлый курильщик

ПРОРВА – дырка в одежде

ПРОСТОКВАША (*зоол.*) – лягушка обыкновенная

ПРУДОНИЗМ (*мед. арго*) – недержание мочи

ПУСТОМЕЛЯ – мельница, работающая вхолостую

РЕЗАК (*неодобр.*) – цензор

РЕТРОГРАД – город прошлого

РЕСПИРАТОР (*милиц.*) – вор-рецидивист

РЫЛО – лопата

РЯЖЕНКА – участница маскарада

САМОВАР (*шутл.*) – холостяк

СВИРИСТЕЛЬ – постовой милиционер

СЕНАТОР – заготовитель сена

СЕРАЛЬ (*хулиг.*) – уборная

СКОПЕЦ – богач

СКОПИДОМ – сберегательный банк

СКОПИЩЕ (*устар. высок.*) – то же, что **скопидом**

СЛАВИСТ (*эффем.*) – подхалим

СОБЕС – напарник чёрта

СПАРРИНГ (*вульг.*) – публичный дом

СПИДОМЕТР (*мед.*) – прибор для измерения уровня заражения

СПИДОМ

СПРИНЦОВКА (*неодобр.*) – любовница принца

СТАЙЕР – предводитель стаи

СТУДИСТ – работник холодильной установки

ТРОПАРЬ (*высок.*) – первопроходец

ТЕЛЕГРАФ – граф, герой телесериала

УДАЧНЫЙ – расположенный рядом с дачей

ХОЛОДЕЦ – небольшой мороз.

Литература

Апресян 1967 – Ю. Д. *Апресян*. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967 (Ч. I, В: Синтаксис и семантика).

Апресян 1974 – Ю. Д. *Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

Апресян 1993 – Ю. Д. *Апресян*. Лексикографическая концепция нового большого англо-русского словаря // Новый большой англо-русский словарь / Под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. Т. 1. М.: Рус. яз., 1993. С. 6-17.

Апресян, Жолковский, Мельчук 1984 – Ю. Д. *Апресян*, А. К. *Жолковский*, И. А. *Мельчук*. ВЛАСТЬ [словарная ст.] // И. А. *Мельчук*, А. К. *Жолковский*. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984. С. 201-205. (Wiener Slawistischer Almanach, SBd 14).

Арутюнова 1997 – Н.Д. *Арутюнова*. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: Язык и время. М., 1997. С. 51-61.

Баранов, Караулов 1991 – А. Н. *Баранов*, Ю. Н. *Караулов*. Русская политическая метафора. М., 1991.

Беликов 2004 – В. И. *Беликов*. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2004. С. 23-38.

Беликов 2006 – В. И. *Беликов*. Русское языковое пространство и технический прогресс // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2006. С. 62-76.

Беликов и Крысин 2001 – В. И. *Беликов*, Л. П. *Крысин*. Социоллингвистика. М.: Изд. центр РГГУ, 2001.

Бидер и др. 1978 – И. Г. *Бидер*, И. А. *Большаков*, Н. А. *Еськова*. Формальная модель русской морфологии. Ч. 1. М., 1978.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1999.

Вежбицкая 1996 – А. *Вежбицкая*. Семантические универсалии и «примитивное мышление» // Язык. Культура. Познание: Перев. с англ. М., 1996. С. 291-325.

Виноградов 1935 – В. В. *Виноградов*. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935.

Виноградов 1965 – В. В. *Виноградов*. О языке художественной литературы. М., 1965.

Виноградов 1938/1982 – В. В. *Виноградов*. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX вв. М., 1938. 3-е изд. М.: Высш. шк., 1982.

Виноградов 1994 – В. В. *Виноградов*. История слов. М.: Азбуковник, 1994.

Всеволодова 1975 – М. В. *Всеволодова*. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.

Всеволодова, Владимирский 1982—М. В. *Всеволодова*, Е. Ю. *Владимирский*. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982.

Гавранек 1967—Б. *Гавранек*. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. / Сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашова. М.: Прогресс, 1967. С. 338-377.

Гловинская 1996 – М. Я. *Гловинская*. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Под ред. Е. А. Земской. М.: Языки рус. культуры, 1996. С. 237-304.

Головин 1966 – Б. Н. *Головин*. Как говорить правильно. Горький, 1966.

Горбачевич 1971 – К. С. *Горбачевич*. Изменение норм русского литературного языка. Л.: Просвещение, 1971.

Горбачевич 1978 – К. С. *Горбачевич*. Вариантность слова и языковая норма. Л.: Наука, 1978.

Грайс 1985 – Г. *Грайс*. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.

Грановская 1996—*Л. М. Грановская*. Русский литературный язык в конце XIX-XX в. Ч.1. Баку, 1996.

Григорьева 1980 – *Т. М. Григорьева*. О социолингвистической обусловленности произносительной нормы в условиях диалектного окружения (на материале ассимилятивного смягчения согласных в современном русском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Гридина 1996 – *Т. А. Гридина*. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

Долопчев 1909 – *В. Долопчев*. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Варшава, 1909.

Ермакова 2005 – *О. П. Ермакова*. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: Изд-во КГПУ, 2005.

Ермакова, Земская, Розина 1999 – *О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина*. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.

Ерофеева 1979 – *Т. И. Ерофеева*. Локальная окрашенность литературной разговорной речи. Пермь, 1979.

Еськова 1994 – *Н.А. Еськова*. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М.: Рус. яз., 1994.

Живов 2005 – *В. М. Живов*. Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева «Язык революционной эпохи» и над процессами, которые Селищев не успел описать // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 175-200.

Жильцова 1987 – *Т. П. Жильцова*. Социолингвистическое исследование локальных особенностей русского литературного произношения (предударный вокализм в речи жителей г. Красноярск): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987.

Захаренко, Комарова, Нечаева 2003 – *Е. Н. Захаренко, Л.Н. Комарова, И. В. Нечаева*. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003.

Земская, Китайгородская, Розанова 1983 – *Е. А. Земская, М.В. Китайгородская, Н. Н. Розанова*. Языковая игра // Русская разговорная

речь: Фонетика. Морфология Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172-214.

Золотова 1974 – Г. А. *Золотова*. О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и норма / Отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Наука, 1974. С. 145-175.

Игнаткина 1982 – Л. В. *Игнаткина*. Территориальное варьирование русского литературного произношения (на материале гласных в речи информантов городов Вологды и Перми): Авто-реф. дис. . канд. филол. наук. Л., 1982.

Иорданская 2004 – Л. Н. *Иорданская*. Лингвистика частей тела // Семиотика. Лингвистика. Поэтика: К 100-летию со дня рожд. А. А. Реформатского. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 397-406.

Ицкович 1974 – В. А. *Ицкович*. Очерки синтаксической нормы. 1-3 // Синтаксис и норма / Отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Наука, 1974. С. 43-106.

Ицкович 1982 – В. А. *Ицкович*. Очерки синтаксической нормы. М.: Наука, 1982.

Косериу 1963 – Э. *Косериу*. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Прогресс, 1963. С. 143-343.

Костомаров, Леонтьев 1966 – В. Г. *Костомаров*, А. А. *Леонтьев*. Некоторые теоретические вопросы культуры речи // Вопр. языкознания. 1966. № 5. С. 3-15.

Крысин 1968 – Л. П. *Крысин*. К соотношению системы языка и его нормы // Рус. яз. в шк. 1968, № 2. С. 8-11.

Крысин 1976 – Л. П. *Крысин*. Опыт лексикографического описания группы однокоренных глаголов (*резать* и его префиксальные производные) // Предварительные публикации Ин-та рус. яз. АН СССР. Вып. 85, 86. М., 1976.

Крысин 1988 – Л. П. *Крысин*. Гипербола в русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М.: Наука, 1988. С. 95-111.

Крысин 1989 – Л. П. *Крысин*. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.

Крысин 2000 – *Л. П. Крысин*. Социолингвистическая интерпретация речевых «неправильностей» // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий: Тез. докл. Всерос. науч. – метод. конф. / Отв. ред. И. Т. Вепрева. Екатеринбург, 2000. С. 105-107.

Крысин 2004 – *Л. П. Крысин*. Социальная маркированность языковых единиц // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки слав. культуры, 2004. С. 486-509.

Крысин 2005 – *Л. П. Крысин*. Толковый словарь иноязычных слов. 6-е изд. М.: ЭКСМО, 2005.

Кузьмина 2004 – *С. М. Кузьмина*. Норма в орфоэпических и орфографических словарях // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2004. С. 165-171.

Лабов 1975 – *У. Лабов*. О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 199-228.

Лабов 1975а – *У. Лабов*. Отражение социальных процессов в языковых структурах // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М.: Прогресс, 1975. С. 320-335.

Лакофф, Джонсон 2004 – *Дж. Лакофф, М. Джонсон*. Метафоры, которыми мы живем: Перев. с англ. М.: УРСС, 2004.

Литературный язык 1994 – Литературный язык и культурная традиция / Отв. ред. Н. Н. Семенюк, В. Я. Порхомовский. М.: Стелла, 1994.

Лопатин, Чельцова, Нечаева 1999 – *В. В. Лопатин, Л. К. Чельцова, И. В. Нечаева*. Орфографический словарь русского языка: Прописная или строчная? М.: Аст-Пресс, 1999.

МАС – Словарь русского языка. Т. 1-4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981-1984.

Мельчук 1995 – *И. А. Мельчук*. О числительном ПОЛ¹ // Русский язык в модели «Смысл <=> Текст». М.; Вена, 1995. С. 363-371.

Мучник 1961 – *И. П. Мучник. Двувидовые глаголы в русском языке // Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 1961. С. 93-115.*

Норман 1987 – *Б. Ю. Норман. Язык: знакомый незнакомец. Мн., 1987.*

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1997.

Обнорский 1935 – *С. П. Обнорский. Глагол использовать – использовать в современном русском языке // Язык и мышление. Т. 3-4. М., 1935. С. 161-168.*

Огиенко 1915 – *И. И. Огиенко. Иноземные элементы в русском языке. Киев, 1915.*

Ортега-и-Гассет 1990 – *Х. Ортега-и-Гассет. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 68-81.*

ОС 1989 – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд., испр. и доп. М., 1989.

ОС 1997 – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение. Ударение. Грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. Под ред. Р. И. Аванесова. 6-е изд. М.: Рус. яз., 1997.

Панов 1956 – *М. В. Панов. О слове как единице языка // Учен. зап. МГПИ. Т. 51. Вып. 5. М., 1956. С. 129-165. Панов 1962 – М. В. Панов. Синтаксис // Русский язык и советское общество: Проспект. Алма-Ата, 1962. С. 69-79. Панов 1966 – М. В. Панов. Русский язык // Языки народов СССР.*

Т. 1. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 55-122. Панов 1967 – *М. В. Панов. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967.*

Панов 1971 – *М. В. Панов. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А. А. Реформатского. М., 1971. С. 240-253.*

Парикова 1966 – *Н. Б. Парикова. О южнорусском варианте литературной речи // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 125-135.*

Пешковский 1959 – *А. М. Пешковский*. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. С. 50-61.

Поливанов 1968 – *Е. Д. Поливанов*. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. С. 206-224.

Рахилина 2000 – *Е. В. Рахилина*. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Рус. словари, 2000.

Розенталь 1965 – *Д. Э. Розенталь*. Практическая стилистика русского языка. М.: Высш. шк., 1965.

Розенталь 1986 – *Д. Э. Розенталь*. Управление в русском языке: Словарь-справочник. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1986.

Розенталь, Теленкова 1987 – *Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова*. Словарь трудностей русского языка. 6-е изд. М., 1987.

Розина 2005 – *Р. И. Розина*. Семантическая деривация в русском литературном языке и в общем сленге: Глагол. М.: Азбуковник, 2005.

РОС 2005 – Русский орфографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Азбуковник, 2005.

РЯДМО – Русский язык по данным массового обследования. Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Наука, 1974.

РЯиСО, I-IV – Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исслед. Кн. 1-4 / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968.

Санников 2002 – *В. З. Санников*. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки рус. культуры, 2002.

Санников 2003 – *В. З. Санников*. Введение. О комическом, о языковой шутке, о каламбуре // Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней. М.: Аграф, 2003. С. 3-92.

Семенюк 1990 – *Н. Н. Семенюк*. Норма // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 337-338.

Сергеич 1960 – *П. Сергеич*. Искусство речи на суде. М., 1960.

Синтаксис и норма 1974 – Синтаксис и норма / Отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Наука, 1974.

Современный русский язык 2003 – Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки рус. культуры, 2003.

Современный русский язык 2008 – Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI вв. / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки слав. культуры, 2008.

Современный русский язык, в печати – Современный русский язык: Система – норма – узус / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки слав. культуры (в печати).

Солженицын 1990 – *А. И. Солженицын*. Русский словарь языкового расширения. М.: Наука, 1990.

Сорокин 1965 – *Ю. С. Сорокин*. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е гг. XIX в. М.: Наука, 1965.

Социальная и функциональная дифференциация 1977 – Социальная и функциональная дифференциация литературных языков / Отв. ред. М. М. Гухман. М.: Наука, 1977.

СОШ 1997 – *С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.

СУ – Толковый словарь русского языка. Т.1-4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935-1940. Т. 1. М., 1935.

ТКС – *И. А. Мельчук, А. К. Жолковский*. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984. (Wiener Slawistischer Almanach, SBd. 14).

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 1996.

Урысон 1997 – *Е. В. Урысон*. *Дыра 1* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 1. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1997. С. 9296.

Успенский 1997 – *В. А. Успенский*. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 146-152.

Фасмер 1964 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Прогресс, 1964.

Филин 1981 – *Ф.П. Филин*. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981.

Хорошева 1998 – *Хорошева Н.В.* Промежуточные формы городской разговорной речи (на материале русского общего жаргона и французского общего аргю): Автореф. дис. . канд. филол. наук. Пермь, 1998.

Цена слова 2001 – *Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. М. В. Горбаневского*. М.: Галерея, 2001.

Чудинов 2001 – *А. П. Чудинов*. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (19912000). Екатеринбург, 2001.

Чуковский 1982 – *К. И. Чуковский*. Живой как жизнь. М.: Дет. лит., 1982.

Чуковский 1990 – *К. Чуковский*. От двух до пяти // Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1990.

Чуковский 2002 – *К. Чуковский*. А. И. Куприн // Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6. М.: Терра – Кн. клуб, 2002. С. 68-84.

Чурилова 1974 – *Н.Н. Чурилова*. Из наблюдений над конструкциями с отсутствующим прямым дополнением // Синтаксис и норма / Отв. ред. Г. А. Золотова. М.: Наука, 1974. С. 196-203.

Чуркина 1969—*К. И. Чуркина*. Эволюция произносительных норм в речи интеллигенции г. Красноярска: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1969.

Шайкевич 2005 – *А. Я. Шайкевич*. Введение в лингвистику. 2-е изд. М.: Academia, 2005.

Шведова 1964 – *Н. Ю. Шведова*. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе (наблюдения над языком газеты) // Вопр. языкознания. 1964. № 2. С. 3-18.

Шведова 1966—*Н. Ю. Шведова*. Активные процессы в современном русском синтаксисе: Словосочетание. М.: Наука, 1966.

Швейцер 1983 – *А.Д. Швейцер*. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983.

Швейцер 1996 – *А.Д. Швейцер*. Роль инновационных и реликтовых элементов в формировании норм кодифицированного литературного языка // Языковая норма: Типология нормализационных процессов / Отв. ред. В. Я. Порхомовский, Н. Н. Семенюк. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 68-78.

Языковая норма 1996 – Языковая норма: Типология нормализационных процессов / Отв. ред. В. Я. Порхомовский, Н. Н. Семенюк. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996.

Якобсон 1985 – *Р. Якобсон*. Часть и целое в языке: Перев. с англ. // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 301-305.

Янко-Триницкая 1982 – *Н. А. Янко-Триницкая*. Русская морфология. М.: Рус. яз., 1982.

Labov 1972 – *W. Labov*. The social motivation of a sound change // Sociolinguistic Patterns. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1972. P. 1-42.

Lerner 1963 – *D. Lerner* (ed.). Parts and Wholes. N. Y.; London, 1963.

Mullen 1967 – *J. Mullen*. Agreement of the Verb-Predicate with Collective Subject. Cambridge: Univ. Press, 1967.

Wierzbicka 1972 – *A. Wierzbicka*. Semantic Primitives. Frankfurt a. M.: Athenäum, 1972.

Краткие заметки о словах

Умелец [\[111\]](#)

До конца 40-х – начала 50-х годов XX в. слово *умелец* не было известно в современном литературном употреблении; это было слово «старинное». Еще В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» (т. 4) к слову *умелец* делает помету «стар.». В четвертом томе «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, вышедшем в 1940 г., слова *умелец* нет, хотя, как известно, этот словарь сравнительно полно отражает изменения в лексике современного языка. В книгах по истории русской техники, вышедших после войны, мы встречаем всех «спутников» *умельца*: *мастер, знаток,*

рудознатец, железомец, новатор, народный механик и т. п. (см. книгу В. В. Данилевского «Русская техника», 1948), однако слова *умелец* нет. Нет его и в 1-м издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (1949); во 2-м издании (1952) оно дано с пометой «областное». И только в 4-м издании (1960) оно дано как общелитературное, без пометы. Слово *умелец* вошло в общее употребление, вероятно, в самом конце 40-х годов и встречалось оно в совершенно определенном контексте, а именно, когда речь шла о народных мастерах-самоучках, удививших мир своим умением. При слове *умелец* невольно вспоминаются народные мастера из сказов П. Н. Бажова. Однако сам писатель, как показали наши наблюдения, не называл своих героев *умельцами*, – это сделали критики и литературоведы, писавшие о его творчестве:

... П. Бажов был глубоко заинтересован и судьбой родного края, и судьбами талантливых уральских «умельцев» (вступ. статья Л. И. Скорино к «Сочинениям» П. П. Бажова, 1952, т. I, с. 7);

Писатель-большевик Павел Петрович Бажов всё свое творчество посвятил рабочему классу, поэтически воплотив в образах положительных героев – русских «умельцев» (там же. с. 25).

В этих примерах *умельцы* дано в кавычках (как слово новое или необычное в употреблении). В примерах, относящихся к более позднему времени, слово дается уже без кавычек:

*Книга знакомит с предками автомобиля... и другими изобретениями русских **умельцев** прошлого* («Учительская газета», 27 марта 1957 г.);

*Достойными соперниками прославленных китайских народных **умельцев** показывают себя холмогорские косторезы* («Вечерняя Москва», 23 декабря 1957 г.).

Сфера употребления слова быстро расширялась. Оно стало обозначать вообще людей – мастеров своего дела. Им начали называть мастеров производства (*Пять бригад плавильщиков выплавляют драгоценные металлы... Трудно среди таких **умельцев** завоевать первенство* – «Вечерняя Москва», 27 сентября 1958 г.), школьников, обучившихся какому-нибудь ремеслу (последнее связано с

политехнизацией школы, с организацией при школах технических мастерских):

*А сколько хлопот было с Витей Яковлевым! Теперь это настоящий **умелец**, искусный краснодеревец, работой его можно любоваться!* («Учительская газета», 13 февраля 1959 г.);

*Завод этот... построили пионеры 51-й железнодорожной школы. Юные **умельцы** выполняют сейчас свой первый заказ* («Учительская газета», 17 февраля 1959 г.).

Возможно, что *умелец* в применении к школьнику распространилось под влиянием наименования школьных кружков «Умелые руки».

Обычно *умелец* не имеет при себе зависимых слов, но иногда встречается и с дополнением: *Великий **умелец** обращаться с осетрами, Мирза Гусейнов сокрушался...* («Новый мир», 1953, № 8, с. 181). Здесь отглагольное слово *умелец* сохранило те связи, которые присущи глаголу: *уметь обращаться, умение обращаться*. С другой стороны, как имя существительное *умелец* вступает в такие синтаксические связи, которые характерны для имени и не свойственны глаголу: *Оба они рабочие, **умельцы** в своей профессии...* («Правда», 12 июля 1956 г.). Ср.: *мастер в своем деле*.

Интересно, что наряду со словом *умелец* в печати встречаются (правда, довольно редко) родственные ему слова *умельство* и *умелица*. Например:

*Слава русского льна давняя и добыта многовековым стараньем, **умельством** русского крестьянина* («Литературная газета», 14 апреля 1953 г.);

*С детских лет привлекали Зину чудесные рисунки изделий народных **умелиц**-кружевниц* («Комсомольская правда», 16 апреля 1959 г.).

Проникновение в литературный язык слова *умелец* связано с довольно распространенным в современном языке явлением, когда для обозначения определенных понятий используется архаическая или диалектная лексика. При этом обращает на себя внимание следующее. У

писателей еще можно встретить слово *умелец* в контекстах, подчеркивающих народный, народно-диалектный характер слова: *Сваха говорила: у этого парня ничего не отбивается от рук, рачитель и **умелец*** (М. Шошин. За рекой Выремшей // Ивановский альманах, кн.9, 1948). В литературном языке оно стало скорее принадлежностью книжно-публицистического стиля; в разговорной же речи встречается его употребление как синонима слова *мастер* (ср. *хороший умелец* и под.).

Показуха^[112]

Этого слова нет в словарях современного русского литературного языка^[113].

Между тем, примерно с конца 50-х – начала 60-х годов XX в. оно употребляется довольно широко и в устной речи, и в письменной – в газетном очерке, фельетоне, в критической статье, в корреспонденциях с мест и т. д. Например:

*Видимо, выдвинули его на такой пост для **показухи**: вот, дескать, как шагает у нас молодежь. А к нему, наверное, приставили опытного главного инженера... И кому только нужна такая **показуха!** Промысел добывает нефти больше, чем Баку, а во главе мальчишка* (Ф. Панферов. Во имя молодого // «Октябрь», 1960, № 8, с. 108-109);

*Мы не привыкли работать напоказ и считаем, что бороться с браком нужно деловыми и конкретными мерами, а не так, как это предлагают «теоретики» **показухи** из республиканского Главиздата («Теоретики показухи» [письмо в редакцию] // «Советская культура», 20 марта 1962);*

*Новаторством отмечена, правда, идущая вслед за литературой и театром критика «**показухи**» и «очковтирательства», развернутая в фильме «Битва в пути»... («Литературная газета», 1 февраля 1962);*

*Обвинения в процентомании и **показухе** были названы «прямым оскорблением» и «обливанием помоями администрации» («Известия», 26 сентября 1963).*

Какова та языковая среда, в которой образовалось и начало употребляться слово *показуха*? О его «нелитературности» (главным образом, в плане словообразовательном) свидетельствует суффикс *-уха*,

который в просторечии и аргю служит для образования отвлеченных экспрессивных существительных со значением состояния^[114], иногда имеющих в литературном языке однокоренные стилистически нейтральные параллели. Ср., например, слова *житуха*, *заваруха*, а также слово *голодуха*, которое приведено акад. В. В. Виноградовым отдельно от личных образований на *-уха* как «обособленное» (В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, с. 136). Все эти слова объединяются общностью словообразовательной структуры и общим типом значения, отличающим их от слов *вековуха*, *толстуха* и т. п., а также яркой экспрессивностью.

Слово *показуха* употребляется сейчас и в разных речевых жанрах, и по отношению к различным явлениям хозяйственной и политической жизни, обозначая всё, что делается напоказ, для того, чтобы пустить пыль в глаза, скрыть за внешним благополучием неблагоприятную сущность. Недаром и лексический ряд, в котором это слово часто стоит, весьма показателен: *очковтирательство*, *приписки* и т. п.

Отсутствие этого слова в словарях литературного языка, его словообразовательная и семантическая аналогия с просторечными образованиями и экспрессия дают основание предполагать, что оно возникло в нелитературной среде. Определить же точно место рождения этого слова довольно трудно, тем более трудно, что термин «просторечие» употребляется сейчас весьма нечетко. Во всяком случае, если под современным просторечием понимать не только «интердиалект», исторически сформировавшийся в результате сложного взаимодействия различных территориальных говоров, но и довольно многочисленные жаргонные и арготические по происхождению элементы, которые перестали быть социально прикрепленными, то именно такое просторечие следует назвать источником слова *показуха*.

Хотя в литературной речи это слово появилось в середине XX в., в просторечии оно начало употребляться, по-видимому, гораздо раньше.

В записках летчика-испытателя М. Галлая «Испытано в небе» есть любопытная, хотя и несколько наивная оценка появления и распространения слова *показуха* (время описываемого действия – конец 40-х годов XX в.):

Речь шла о так называемых «показных полетах». Летчики, механики и едва ли не все другие авиационные специалисты дружно не любят их. Не берусь точно сформулировать причину этой неприязни, но так или иначе антипатия к данному виду летной работы налицо. И один из механиков нашего вертолета обнаженно выразил ее, отреагировав на известие о предстоящих полетах ворчливым заявлением: – Ну, держись, ребята: нас ждет большая *показуха*. В последующие годы это слово – «*показуха*» – стало употребляться в значении совсем уже нехорошем. Но и тогда, окрестив таким образом показные полеты, наш механик продемонстрировал свое полное их неодобрение («Новый мир», 1963, № 5).

Как же оценивать слово *показуха* с точки зрения литературной нормы? Портит ли оно язык, огрубляет ли его, есть ли в нем необходимость? По-видимому, необходимость есть. Какое литературное слово так ярко и точно может назвать явление, обозначаемое словом *показуха*? Сколько ни роюсь в словаре литературного языка, подходящего синонима не найти. А назвать явление надо, поскольку оно существует.

Между тем, этот фактор – потребность в номинации и отсутствие в языке слова, которое достаточно хорошо удовлетворило бы эту потребность, – очень часто служит причиной заимствования (будь то «внешнее» заимствование, из других национальных языков, или заимствование «внутреннее», из диалектов, просторечия, профессиональных и социальных жаргонов). Так произошло и в данном случае. Слово *показуха* было воспринято литературной речью из нелитературной среды, и это не только не сказалось отрицательно на чистоте речи, но и обогатило ее новым, точным и выразительным, словом.

И можно лишь присоединиться к мнению Корнея Ивановича Чуковского, который в своей книге «Живой как жизнь» написал:

...не могу я сочувствовать тому негодованию, которое... многие болельщики за чистоту языка питают к таким «новым» словам, как *показуха*, *трудяга*, *взахлеб*. Не думаю, чтобы эти слова были новыми, но

если их и в самом деле не существовало у нас в языке, следовало бы не гнать их, а приветствовать... за их выразительность (К. Чуковский. Живой как жизнь. М., 1963, с. 102).

Детектив^[115]

Это слово есть во многих современных языках. Основой для его образования послужил латинский глагол *detegere* 'раскрывать, обнаруживать' и его производные (например, *detectio* 'раскрытие'). Из романских языков (ср. фр. *detective* 'сыщик') слово *детектив* было заимствовано в дальнейшем и другими языками (ср. англ. *detective*, нем. *Detektiv*), в том числе и славянскими, в своем основном значении 'сыщик, тайный агент полиции'.

В русском языке оно появилось в конце 20-х – начале 30-х годов XX в. как заимствование из английского^[116] (первая фиксация в значении «сыщик, агент сыскной полиции» – в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. I, М., 1935). Первое время оно было сравнительно малочастотным словом, употребляясь преимущественно в контекстах ограниченной тематики (например, в путевых очерках об Америке, об американском образе жизни и т. п.).

В середине XX в. слово *детектив* стало употребляться и с другим значением – 'детективный роман, фильм', 'книга, фильм про шпионов' и, шире, 'произведение (литературы, кино и т. п.) о преступниках и борьбе с ними'^[117]. Ср., например:

*К сожалению, они [западноевропейские театры] часто неразборчивы в выборе, и на сцену попадают сомнительного качества **детективы** и комедии буржуазно-обывательского толка («Правда», 13 ноября 1957 г.);*

*Зрители любят **детективные фильмы**. Таинственность, быстрота и напряженность действия... – все эти неотъемлемые черты **детектива** не могут не импонировать зрителю («Моск. кинонеделя», 3–9 февраля 1964 г.);*

Как будто сумасшедший киномеханик путает коробки фильма, вплетая в горькую трагедию великой американской нации тexasский

боевик... В трагедию – уголовный **детектив!** В трагедию – бульварный комикс! («Известия», 27 ноября 1963 г.).

Ни в английском, ни в других языках этого значения у слова *детектив* нет. Как появилось оно в русском?

По-видимому, 'роман про шпионов' – не второе значение слова *детектив*, «отпочковавшееся» от основного его значения 'агент, сыщик', а значение самостоятельного слова, образовавшегося на основе сочетания *детективный роман* (путем так называемой «семантической конденсации»^[118]) и лишь формально совпавшего со словом *детектив* 'агент секретной службы'.

В пользу этого предположения говорит как отсутствие слова *детектив* с таким значением в других языках, так и маловероятность метонимического развития значения 'тайный агент' – 'роман про шпионов'.

Кроме того, для современного русского словообразования (особенно в специальных стилях речи и в просторечии) характерно производство слов путем «семантической конденсации» не только с помощью суффиксации (ср. *электрический поезд* – *электричка*, *читальный зал* – *читалка* и т. п.), но и просто усечением определяющего слова (обычно иноязычного) без присоединения аффиксов. Например, *рентген* < *рентгеновский аппарат*; *супергетеродин* < *супергетеродинный приемник*, ср.: **Супергетеродинный приемник** на полупроводниковых триодах... Этот семидиапазонный **супергетеродин** хорош и в походе и дома («Наука и жизнь», 1964, № 1); *финал* < *финальная игра*; *кибер* < *кибернетическая машина*, *кибернетическое устройство*: Все эти, а также многие другие сведения Кек нанес на магнитофонную ленту, засунул ленту в **кибер** и нажал кнопку. **Кибер** заурчал и принялся бодро прокручивать программу («Наука и жизнь», 1964, № 2, с. 151); *опер* (в просторечии) < *оперуполномоченный* < *оперативный уполномоченный* и т. п.

Таким образом, весьма вероятно, что *детектив* 'сыщик, агент' и *детектив* 'детективное произведение' – генетически разные слова: первое заимствовано (и является по существу международным), а второе

образовано на русской почве из словосочетания *детективный роман* (фильм).

Йогу́рт или йо́гурт?^[119]

«Орфоэпический словарь русского языка» (6-е изд., М., 1997) рекомендует произносить это слово с ударением на втором слоге: *йогу́рт*. Та же рекомендация – в «Словаре ударений русского языка» Ф. Л. Агеенко и М. В. Зарва (М., 1993), в «Словаре трудностей русского произношения» М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной (М., 1998). Достаточно ли обоснованы эти рекомендации?

Большинство наших современников произносит это слово с ударением на первом слоге: *йо́гурт*. Это веское, но, по-видимому, недостаточное возражение против акцентной нормы, устанавливаемой цитируемыми словарями. В свое время известный русист Абрам Борисович Шапиро говорил: даже если девяносто процентов носителей русского языка будут произносить *документ*, это едва ли станет официально признаваемой нормой. И дело здесь не только в нарушении, так сказать, верности этимологическому источнику (ср. лат. *documentum*, в котором ударение на третьем, а не на втором слоге), но и в том, что форма *доку́мент* является ярким признаком ненормативной речи, просторечия (сравните другие столь же характерные признаки просторечия: *по́ртфель*, *про́цент*, *выбора́*, *хозяева́* и т. п.).

Со словом *йогурт* иная история.

Этимологически, по своему источнику, это тюркизм. Более точно – заимствование из турецкого языка. В турецком это слово имеет ударение на втором слоге: *yoğurt*. Но дело в том, что в русский язык слово попало не прямо из турецкого, а через посредство английского (по-видимому, американского его варианта). А в английском оно укоренилось с ударением на первом слоге: *yo'ghurt*. Такое же ударение – на первом слоге – и в немецком: *Yo'ghurt*, также, естественно, восходящем к турецкому прототипу (см.: Duden Fremdwörterbuch. Mannheim; Wien; Zürich, 1982, S. 373).

С Запада пришла и сама эта реалья – кисломолочный продукт с фруктовыми и ягодными добавками. Она вошла в наш быт сравнительно

недавно – вероятно, с середины 80-х годов XX века. Ее официальное торговое, а затем и обиходно-разговорное название утвердилось именно в англизированной акцентной форме: *йо´гурт*. А почему не во французской, где в слове *yoghourt* (также заимствованном из турецкого через болгарский) ударение падает на второй слог? Есть свидетельства – например, писателей В. В. Набокова, Н. И. Ильиной – того, что слово *йогурт* (именно с таким ударением) употреблялось в русском языке и значительно раньше, в 20-30-е годы. «Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык» под ред. Т. М. Капельзона (М., 1933) фиксирует это слово в форме *югурт* и, указывая язык-источник («тур.»), дает ему такое определение: «болгарское (выделено мной. – Л. К.) кислое молоко, содержащее, по исследованиям Мечникова, большое количество молочнокислых бактерий; примен. как диетическое средство» (это, по всей вероятности, одна из первых словарных фиксаций слова *йогурт* – *югурт*). Болгарский «Речник на чуждите думи в българския език» (София, 1982) дает два варианта этого слова: литературное *югу´рт* и диалектное *йогу´рт* (как видим, в обоих вариантах сохраняется верность ударению в языке-источнике – турецком).

По всей вероятности, есть основания констатировать двукратное заимствование слова *йогурт*: в первой половине XX века в форме *йогурт* – *югурт* оно употребляется как экзотизм, то есть обозначение реалии, не известной на территории России (где имеется большое разнообразие названий других кисломолочных продуктов: *простокваша*, *ряженка*, *кефир*, *ацидофилин*, диалектное *варенец*, в речи русских жителей Кавказа еще *мацони*), а в конце XX века это уже полноправное заимствование, обозначающее продукт, который и производят, и потребляют жители России. И в новое время это заимствование утверждается с ударением на первом слоге: *йогурт*.

Из всего сказанного можно, как представляется, сделать вывод о необходимости более гибкой орфоэпической рекомендации по произношению слова *йогурт*. Основным следует признать более распространенный в современной речевой практике акцентный вариант

с ударением на первом слоге: *йо'гурт*, а вариант *йогу'рт*, по всей видимости, должен сохраниться в статусе допустимого (а с точки зрения распространенности – несколько устарелого).

Заметим, что в словарных изданиях самого конца XX -начала XXI в. указывается или вариативное ударение: либо на первом, либо на втором слоге – как в 4-м издании «Грамматического словаря русского языка» А. А. Зализняка, вышедшем в 2003 г. (в 1-м издании этого словаря – М., 1977 – указано ударение только на втором слоге: *йогу'рт*), или ударение только на первом слоге – как в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (4-е изд. М., 1997), «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина (М., 1998; 6-е изд. М., 2005), «Новом словаре иностранных слов» Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комаровой, И. В. Нечаевой (М., 2003), «Словаре образцового русского ударения» М. А. Штудинера (М., 2004) и др.

Склоняется ли слово Интернет?^[120]

Человеку, который постоянно имеет дело с компьютером, этот вопрос может показаться странным: разумеется, склоняется! *Пользоваться Интернетом, подсоединиться к Интернету, двадцать лет назад и речи об Интернете не было* – всё это высказывания, вполне обычные в нынешнем компьютеризованном мире. Но совсем недавно слово *Интернет* не только не склоняли, но и писали и печатали «иностранными» буквами, то есть латиницей, сохраняя то написание, которое свойственно этому слову в языке – источнике его распространения, то есть в английском. Потом стали изображать это слово почему-то только прописными буквами: ИНТЕРНЕТ. И продолжали употреблять как неизменяемое: *адрес в ИНТЕРНЕТ* (сейчас мы скажем и напишем: *адрес в Интернете*), *пользоваться ИНТЕРНЕТ* (вместо теперешнего: *пользоваться Интернетом*) и т. д.

Internet и для англоязычного мира слово новое. Оно возникло от сложения первой части прилагательного *international* 'интернациональный, международный' и существительного *net* в одном из основных его значений 'сеть' и обозначает международную электронную сеть, с помощью которой пользователи компьютеров могут

связываться друг с другом и обмениваться разного рода информацией – в виде текстов, фотографий, рисунков, чертежей и т. п. «Толковый словарь русского языка конца XX века» под ред. Г. Н. Складневской (СПб., 1998) указывает даже дату рождения Интернета – 2 января 1969 года, «когда в одном из подразделений Министерства обороны США началась работа над проектом связи компьютеров, в результате которой была создана сеть ARPANET (= Advanced Research Projects Agency Net), построенная на тех же принципах, которые легли позднее в основу Интернета».

Всё же сам термин *Internet* и его русский эквивалент *Интернет* появились значительно позже (не ранее середины 80-х годов), а в широкое употребление эти слова вошли, по-видимому, с начала 90-х годов XX века. Во всяком случае, регулярно переиздаваемый и дополняемый новым материалом словарь «Brewer's Twentieth Century Phrase & Fable» в издании 1991 года еще не содержит этого термина. Нет его и в специально посвященном неологизмам английского языка издании «Fifty Years Among the New Words: A Dictionary of Neologisms» (ed. by J. Algeo. Cambridge University Press, 1991) и в «Новом большом англо-русском словаре», соответствующий (2-й) том которого вышел в 1993 году.

В наши дни употребительность слова *Интернет* очень высока. Оно давно вышло за пределы профессионального употребления его специалистами-компьютерщиками, оно мелькает в печати, звучит в радио- и телеэфире, в разговорной речи. Появляются у него и производные – один из верных признаков освоения иноязычного слова русским языком: прилагательное *интернетовский* (*интернетовские специалисты, интернетовский центр*), разговорное существительное *интернетчик* – пользователь Интернета, разговорно-жаргонный глагол *интернетить* (*Я сегодня всю ночь интернетил* – то есть, войдя в Интернет, пользовался этой системой информации) и др.; образуются сложные слова с первой частью *интернет-*: *интернет-центр, интернет-казино, интернет-кафе* и т. п. (при том, что производные этого рода трудно исчислить и дать списком, значительная их часть уже попала в словари:

см., например, «Мой компьютер. Толковый словарь» Е. Ю. Ваулиной. М., 2005, где словарные статьи слов с первой частью *интернет*– занимают несколько страниц текста). Вторая часть этого слова также используется для образования производных – ср. относительно недавнее образование для именованной русской части Интернета – *Рунет*.

Написание слова *Интернет* с прописной буквы свидетельствует, что это – имя собственное (впрочем, судя по материалам Национального корпуса русского языка, наметилась тенденция к потере этим словом статуса имени собственного и к написанию его со строчной буквы: *интернет*). На раннем этапе его освоения русским языком и вторая часть слова писалась с прописной буквы: *ИнтерНет*, но этот экзотический вариант написания не прижился.

У слова *Интернет* есть две произносительные особенности, отличающие его от произношения сходных по фонетической структуре исконно русских слов: согласные [т] в первой части слова и [н] во второй произносятся твердо: [интэрнэт]. Первая из этих особенностей свойственна всем словам, которые начинаются с морфемы *интер-*, звук [т] в которой всегда произносится твердо: *интервидение, интернационал, Интерпол* и под. Вторая произносительная особенность специфична для слова *Интернет* и его производных, хотя, разумеется, в других иноязычных словах в сходной фонетической позиции (но в иных корневых или аффиксальных морфемах) [н] перед ударным гласным переднего ряда может произноситься твердо – как, например, в словах *пенсне, фонема, сонет* (в последнем слове допустимы два варианта – с твердым и с мягким [н]) и т. п.

По мере того, как международная компьютерная сеть всё шире распространяется в разных странах мира, в том числе и в России, и само слово *Интернет* укрепляет свои позиции в языках. В русском языке оно употребляется как обычное склоняемое существительное мужского рода с основой на твердый согласный. Оно имеет все падежные формы единственного числа: *Интернета, Интернету, Интернетом, об Интернете*, а теоретически возможные формы множественного числа (**Интернеты, *Интернетов* ит. д.) не употребляются по семантическим причинам: ведь

это – собственное имя, и обозначает оно уникальную информационную систему, о чем свидетельствует прописная начальная буква в этом слове.

Существует ли в русском языке слово *имейл*?^[121]

С появлением международной компьютерной сети «Интернет» стало возможным обмениваться посланиями не по обычной почте, а с помощью почты электронной. Сначала в лексиконе «компьютерщиков», а затем и в речи других людей замелькал английский неологизм *e-mail*, возникший из сложения первой буквы прилагательного *electronic* 'электронный' со словом *mail* 'почта'. Первое время это новое слово в русском языке употреблялось в «застывшем» виде – в латинском написании и не склоняясь: *Обмениваться информацией с помощью e-mail* (ср.: *с помощью почты*); *А с вашего компьютера можно посылать информацию e-mail* (ср.: *посылать информацию почтой*)? Однако довольно скоро пользователи компьютеров ощутили необходимость в грамматической адаптации этого термина и стали говорить: *Я пошлю это [имэ 'jльм]*; *Она вчера получила письмо от NN по [имэ 'jлу]*; *А ты на свой компьютер можешь [имэ 'jлы] принимать?* и т. п.

Как поступать, если подобные высказывания оказывается необходимым изобразить на письме? Сохранять ли английский термин в его исконном написании, то есть писать: *e-mailом, по e-mailу, e-mail'ы*? Такое решение было бы в известной мере искусственным: термин уже склоняется, то есть освоен морфологической системой русского языка, а облик его – иностранный. Между тем, в нормальных условиях иноязычное слово, заимствуясь другим языком, прежде всего оформляется графическими средствами этого языка, а уж затем, в течение более или менее длительного времени адаптируется к фонетической и грамматической системам заимствующего языка.

В нашем случае вполне разумно передать слово *e-mail* графическими средствами русского языка. При этом, в соответствии с преобладающей тенденцией последних десятилетий к транскрипции, а не транслитерации слов, заимствуемых русским языком (сравните с XIX веком, когда, например, английское «Ivangoe» – название знаменитого романа Вальтера Скотта – передавалось как *Ивангое* вместо более

позднего *Айвенго*), – английское *e-mail* должно иметь по-русски орфографический облик *имейл*, а произноситься с твердым [м]: [имэ́'jl] и тем самым быть близким по произношению к тому, как звучит этот термин у носителей английского языка.

Планёрная или Планерная?^[122]

Мне позвонил мой одноклассник, купивший квартиру вблизи станции метро «Планерная».

– Как надо говорить – станция «Планерная» или станция «Планёрная»? – спросил он.

– Конечно, «Планёрная», потому что *планёр* – слово французское и ударение в нем на последнем слоге. В прилагательном место ударения сохраняется.

Приятеля мой ответ вполне удовлетворил, а я задумался: так-то оно так, только отчего же все говорят *планер* и станцию называют *Планерной*, а не *Планёрной*? Современный «Орфоэпический словарь» допускает произношение *планер* наряду с нормативным *планёр*. Но почему распространилась эта этимологически неправильная произносительная форма?

Вот какое объяснение кажется вполне правдоподобным. Модель существительного: основа + суффикс *-ёр* используется для образования названий лица по роду его деятельности: *билетёр, боксёр, бракёр, контролёр, лифтёр, киоскёр, вахтёр, шахтёр, клакёр* и под. (есть среди подобных существительных и такие, которые целиком заимствованы из французского и не членятся на морфемы: *антрепренёр, шофёр, куафёр, актёр, гравёр, бретёр, жонглёр, монтёр, волонтёр* и нек. др.). А для названий предметов – разного рода приспособлений, механизмов, машин – эта модель почти не используется: среди этих названий распространены такие, которые в финальной части имеют безударный комплекс *-ер* (этимологически это суффикс, но он выделяется далеко не во всех заимствованиях): *адаптер, катер, контроллер, танкер, дрейфтер, буфер, бампер, картер, зуммер, тумблер, миксер, глиссер, грейдер, плоттер, принтер, сканер* и под. У некоторых слов местом ударения различаются личное и предметное значения: напр., в «Грамматическом

словаре» А. А. Зализняка *маркёр* дается в значении 'ведущий счет в бильярде', а *маркер* (правда, с пометой «проф.») – в значении 'приспособление' (в «Орфоэпическом словаре» форма *маркёр* дана для обоих значений и, тем самым, не учтена достаточно широко употребительная в технической среде форма с ударением на первом слоге, обозначающая приспособление).

Распределение существительных по этим двум моделям не абсолютное – и в той, и в другой группе есть исключения: ср. *кондитер, маклер, тренер, снайпер, спринтер, стайер, фермер* – в группе имен лица, *балансёр, трамблёр, трассёр* – в группе имен приспособлений. Но речь идет о **тенденции**, а она состоит в распределении двух названных групп существительных по двум разным моделям.

Изменение *планёр – планер* соответствует этой тенденции.

О значении слова миллениум [\[123\]](#)

В самом конце 1999 года в печати замелькало дотоле неизвестное русскому читателю слово *миллениум*. Одни писали о *конце старого и наступлении нового миллениума*, другие, споря с первыми, указывали, что *миллениум* наступит только через год, в 2001 году. Но и те, и другие употребляли это слово как точный синоним русского *тысячелетие*.

Действительно, латинское по происхождению слово *миллениум* (лат. *mille* 'тысяча') значит 'тысячелетие'. Таково и значение английского *millennium*, которое, скорее всего, явилось непосредственным прототипом этого неологизма в русском языке. Однако возникает вопрос: зачем нам иноязычное слово, если оно в точности повторяет смысл уже существующего (*тысячелетие*)? Ведь обычно из другого языка заимствуется либо название новой вещи, нового понятия (*транзистор, шорты, инвестиция* и т. п.), либо такое слово, которое может заменить собой целое словосочетание (*сейф* – вместо *несгораемый шкаф, снайпер* – вместо *меткий стрелок, стайер* – вместо *бегун на длинные дистанции, саммит* – вместо *встреча в верхах* и т. п.), либо, наконец, слово, которое обозначает разновидность какого-либо предмета или явления (сравните смысловые различия близких, но всё же не вполне синонимичных слов

типа *водитель – шофёр, уют – комфорт, дело – бизнес, страх – паника* и под.).

В случае с *миллениумом* картина иная: налицо подмена одного, исконного слова (*тысячелетие*) иноязычным словом – его смысловым дублетом. И если носители русского языка (главным образом, журналисты) будут продолжать осмысливать слово *миллениум* именно как 'тысячелетие', то перспектив укорениться в русском языке у этого иноязычного неологизма не много: язык не любит слов – «близнецов» и обычно избавляется от одного из двух наименований, которые не различаются ни по значению, ни по стилистической окраске, ни по сфере употребления (в языке XIX века, например, существовали слова *аманта* и *возлюбленная, истрата* и *растрата, летописатель* и *летописец*; левые члены этих дублетных пар были вытеснены из языка и сейчас не употребляются).

Но кажется, что есть необходимость в том, чтобы выразить несколько иной, чем 'тысячелетие', хотя и близкий ему смысл: 'рубеж, граница между сменяющимися друг друга тысячелетиями'. Вот для обозначения этого смысла слово *миллениум* вполне пригодилось бы, потому что по-русски одним словом этот смысл не выразить. Произойдет ли «специализация» значения слова *миллениум*, то есть обозначение им границы между тысячелетиями, а не просто тысячи лет, покажет время.

Список сокращений

APCAC – Англо-русский словарь американского сленга / Перев. и сост. Т. Ротенберг и В. Иванова. М., 1994. БАС – Словарь современного русского литературного языка.

Т. 1-17. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949-1965. БСЭ – Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 1-51 / Гл. ред. С. И. Вавилов, Б. А. Введенский. М.: Большая сов. энцикл., 1949—1958.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1999.

МАС – Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т.14. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1981-1984.

НБАРС – Новый большой англо-русский словарь. Т. 1-3 / Под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна. М.: Рус. яз., 1993.

НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1-3 / Под общ. рук. Ю.Д.Апресяна. М., 1997-2003.

НСИС 2003 – *Е. Н. Захаренко, Л.Н. Комарова, И.В. Нечаева*. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003.

НФРС—*В. Г. Гак, К. А. Ганшина*. Новый французско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1994.

РЯДМО – Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / Под ред. Л. П. Крысина. М.: Наука, 1974.

РЯиСО – Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исслед. Кн. 1-4 / Под ред. М. В. Панова. М.: Наука, 1968.

СИС – Словарь иностранных слов (разные годы издания).

СО – *С.И. Ожегов*. Словарь русского языка (разные годы издания).

СОШ – *С.И.Ожегов, Н. Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка (разные годы издания).

ССИС – Современный словарь иностранных слов (разные годы издания).

СУ – Толковый словарь русского языка. Т.1-4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935-1940. Т. 1. М., 1935.

ТКС – *И.А. Мельчук, А. К. Жолковский*. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984. (*Wiener Slawistischer Almanach, SBd 14*).

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 1996.

Примечания

1

Определения даны по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 1997); далее – СОШ 1997.

2

Одни из немногих исключений – заимствованные русским языком междометия марш! (первоначально только в языке военных), алло, которое представляет собой фонетическое видоизменение английского hallo(d). В их заимствовании была определенная коммуникативная необходимость, поскольку первое пришло к нам вместе с другими военными терминами, а второе – вместе с самим новым видом связи – телефоном. По-видимому, сходные причины объясняют заимствование «театральных» междометий бис и браво: они вошли в русский язык в составе театральной лексики и терминологии, в большинстве своем иноязычной по происхождению.

3

Вариант статьи, опубликованной в сб.: Лингвистическая полифония: Сб. в честь юбилея проф. Р. К. Потаповой. М., 2007. С. 638-651.

4

В [СИС 1933], где этот термин зафиксирован, по-видимому, впервые, он имеет статус «чужака», экзотизма, поскольку снабжен следующим определением: «посредник на английском (выделено мной. – Л. К.) товарном рынке, гл. обр. по продаже импортных товаров, обычно одновременно кредитующий иностранного поставщика».

5

Заметим, что в среде специалистов – бизнесменов, экономистов, финансовых работников и др. – этот и некоторые другие финансово-экономические термины имеют сейчас более разветвленную систему значений, не всегда фиксируемую не только общими словарями, но и специальной справочной литературой; см. об этом в работе [Труфанова 2006].

6

Несколько раньше слова инвестирование, инвестиция были зафиксированы в [СИС 1933], и при этом без указания на сферу употребления этих терминов. Однако в этом словаре и другие экономические термины не снабжены соответствующей пометой.

7

Тексты современных газет и журналов свидетельствуют о широкой употребительности этого термина и об активном образовании словосочетаний на его основе. Так, в Национальном корпусе русского языка (адрес в Интернете: ruscorpora.ru) зафиксированы контексты, в которых встречается не только само слово бренд, но и такие словосочетания, как бренд года, бренд-менеджмент, бренд-билдинг, бренд-дизайн, бренд-консалтинг, бренд-лидерство; бренд создают, выстраивают, продвигают на рынок, раскручивают, он может быть мировым, национальным, местным, именным, готовым, ходовым, сильным, честным, эксклюзивным и т. п.

8

Эта морфема в несколько ином фонетическом облике присутствует и в давнем заимствовании букмекер – от англ. book 'запись ставок на скачках' (одно из значений многозначного слова book) и to make 'делать'.

9

В Национальном корпусе русского языка зафиксировано также окказиональное слово *вирусмейкер* – программист, который заражает вирусами компьютерные программы; ср.: – Программа портит загрузочные файлы, дописывая к ним лишние строки, – раскололся *вирусмейкер* (В. Пресняков. Говорит и показывает Москва // «Столица», 26.08.1997).

10

Впервые опубликовано в кн.: Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы / Отв. ред. Г. П. Мещименко. Т. 1. М., 2006. С. 106-113.

11

Наиболее близким – но не тождественным – по смыслу однословным эквивалентом было бы устаревшее *дядька*, которое В. И. Даль определяет как «[человек], приставленный для ухода или надзора за ребенком, пестун» [Даль 1955: 512]; в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова ему дается такое толкование: «Слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье (истор.)»; при этом обращает на себя внимание рестриктивный компонент '(приставленный) к мальчику', которого, по-видимому, нет у английского *tutor* (во всяком случае, английские толковые словари его не отмечают).

12

Кроме того, в словесном арсенале русского языка есть французское по происхождению слово *гувернёр* с близким значением, и в случае необходимости скорее всего возродится оно, так как традиция употребления этого слова в русском языке XIX века сняла с него ауру экзотичности, отнесенности только к французскому семейному быту, приспособив для обозначения иностранца – воспитателя детей в дворянских семьях.

13

В приведенных примерах использованы сведения, содержащиеся в энциклопедическом словаре [Народы мира 1988: 617624] и в словаре [Крысин 2000].

14

Впервые опубликовано в журн.: Русский язык в школе. 1998. №2. С. 71-74.

15

Слова *аллегория* и *иносказание* иногда употребляются как синонимы (см., например [Квятковский 1966: 16, 122]), однако синонимия их скорее этимологическая (греч. *allegoria* и означает 'иносказание'), чем смысловая, поскольку не всякое иносказание является аллегорией.

16

Гипербола как прием выразительности характерна не только для художественного текста (обычно именно это подчеркивается в учебниках

стилистки), но и для разговорной речи, для обиходно-бытового общения людей; см. об этом подробнее в статье [Крысин 1988].

17

О терминах *литота* и *мейозис* см. «Словарь литературоведческих терминов», энциклопедию «Русский язык», а также [Никитина, Васильева 1996: 89, 91-92].

18

Термин «дисфемизм» (например, *рассопливиться* вместо *заплакать*) используется в статье Н. С. Араповой «Эвфемизмы» (см.: [ЛЭС 1990: 590]).

19

Подробнее о способах и средствах эвфемизации речи см. в работе [Крысин 1996а].

20

Впервые опубликовано в кн.: Русский язык: Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М., 1992. С. 64-70.

21

С течением времени, однако, это слово приобрело и вполне нейтральное значение: «яркое эстрадное представление, развлекательная программа» [СОШ 1997], а первоначальное пейоративное отмечается в словарях как переносное: «2. *перен.* Нечто показное, рассчитанное на шумный внешний эффект. *Политическое ш.*» [Там же]. – *Примечание 2007г.*

22

Для сравнения приведу толкование, которое дается этому слову в более поздних словарях:

«представление о чьем-н. внутреннем облике, образе. *Сложившийся и. руководителя*» [СОШ 1997]; «представление (часто целенаправленно создаваемое) о чьем-н. внутреннем и внешнем облике, образе. *И. политика. И. телевизионного ведущего*» [Крысин 2005]. – *Примечание 2007 г.*

23

Текст доклада на Международной научно-практической конференции «Тихоновские чтения. Теория языка. Словообразование. Лексикография» (Елец, 21-23 ноября 2006 г.).

24

По данным В. Д. Бояркиной, глагольные неологизмы составляют только 9 % всех новых слов, включая заимствования, – см. [Бояркина 1993: 8].

25

Понятие словообразовательного гнезда было детально разработано А. Н. Тихоновым и практически применено им в «Словообразовательном словаре русского языка» (см. [Тихонов 1985]).

26

Эти и подобные им словообразовательные морфемы не являются аффиксами в привычном смысле термина, поскольку они сохраняют в значительной мере смысл тех знаменательных слов, на базе которых они возникли, хотя этот смысл может быть извлечен лишь путем «перевода» с соответствующего иностранного языка (ср. *гидро* – греч. *hydor* 'вода', – *мейкер* – англ. *to make* 'делать' и т. д.). О словах со вторым компонентом *-гейт* см. [Земская 1992: 52].

27

Впервые опубликовано в кн.: Филологический сборник: (К 100-летию со дня рожд. акад. В. В. Виноградова). М., 1995. С. 262-268.

28

Ср. любопытный случай просторечного стяжения целого словосочетания *врач – специалист по болезням уха, горла и носа* в слово *ухогорлонос*, имеющее личное значение (*Сегодня ухогорлонос принимает?*); в профессиональном жаргоне медиков в этом значении употребляется усечение *лор* (*Лор у нас на полставке работает*), образовавшееся путем «стяжения» неудобопроизносимого термина *отоларинголог* (обращает на себя внимание фонемная модификация, произошедшая при стяжении: /а/, находящаяся в слабой, неударной позиции в слове *отоларинголог*, прояснилась в /о/ в слове *лор*).

29

Впервые опубликовано в газете «Русский язык» (1998, № 3).

30

В конце декабря 1910 года К. Чуковский посвятил этому изданию словаря В. И. Даля блестящую статью-рецензию – см. [Чуковский 2001: 182-191].

31

Расширенный вариант статьи «Новые иноязычные заимствования в нормативных словарях», опубликованной в журнале «Русский язык в школе», 2005, № 6.

32

При изложении этих проблем я опираюсь на собственный опыт составления «Толкового словаря иноязычных слов» ([Крысин 1998; 2005]).

33

Сам термин «зона» применительно к словарю и составляющим его словарным статьям и зонный принцип организации лексикографических сведений о слове подробно обсуждаются в работах Ю. Д. Апресяна; в данной статье мы следуем именно этим представлениям о способах и средствах лексикографической обработки слова в словарях толкового типа.

34

Одними из первых в отечественной лексикографической практике принципиальное отличие филологических словарей от энциклопедических декларировали составители «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. В предисловии к этому словарю Д. Н. Ушаков писал: «...словарь языка ... не должен давать и не дает ни анализа, ни даже полного описания предметов и явлений; он «толкует» значение слова или различные его значения, если их несколько, и указывает случаи употребления слов, снабжая свои объяснения там, где нужно, примерами, в значительной степени взятыми из литературы. Новый «Толковый словарь» есть словарь филологический, и к нему нельзя предъявлять тех требований, которым должны удовлетворять энциклопедические словари».

35

Подробное рассмотрение проблем, связанных с соотношением ядра и периферии, применительно к двуязычному словарю см. в работе [Апресян 1993].

36

Впервые опубликовано в сб.: Культура русской звучащей речи: традиции и современность: Тез. докл. междунар. науч. конф. (Москва, 26-28 апреля 2004 г.). М., 2004. С. 83-88.

37

Впервые опубликовано в кн.: Язык: изменчивость и постоянство: (К 70-летию Л. Л. Касаткина). М.: Рус. словари, 1998. С. 317-319.

38

Заметим, что для многих слов из этого ряда субстантивное значение существует скорее потенциально, чем реально: контексты с употреблением в роли существительных таких терминов, как *grave* или *престо*, редки даже в специальной музыковедческой литературе.

39

Такая схема описания музыкальных терминов этого типа осуществлена автором в словаре иноязычных слов, см. [Крысин 1998, 2005].

40

Несколько расширенный вариант статьи, опубликованной в кн.: Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004. С. 143-148.

41

Ср.: **«ЛЕГИОНЕР...** – нем. *Legionär* < лат. *legiōnārius* 'принадлежащий к легиону' < *legio* (*legiōnis*) 'легион'; **ЛИГА...** – фр. *ligue* < лат. *ligāre* 'связывать, соединять'» [Крысин 2005: 430, 434].

42

Автор благодарит М. А. Осипову за сообщение ряда примеров, свидетельствующих о процессе вторичного лексического заимствования, актуальном для современного этапа развития русского языка.

43

Впервые под названием «Сведения энциклопедического характера в лингвистических словарях» опубликовано в кн.: Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet / Red. nauk. L. Szypielewicz. Warszawa, 2003. С. 36-40.

44

Впервые опубликовано в журн.: Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2003. №4. С. 49-51.

45

О лексикографическом статусе компонентов толкования типа 'обычно', 'чаще всего', 'как правило', 'преимущественно' и под. см. в работе [Михайлова 1998].

46

В основе статьи – текст доклада на международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. Н. Головина (Нижний Новгород, 23-25 мая 2006 г.).

47

Как известно, попадая в общелитературный язык, термины могут наряду с терминологическим приобретать и переносные значения – как в контекстах типа *орбита славы, вирус равнодушия, коррозия души, инерция стиля* и т. п. (см. об этом подробнее в работах [РЯиСО, I; Капанадзе 2005: 21-39]).

48

Заметим, что граница между узкоспециальным и просто специальным термином зыбка и подвижна во времени. Разные составители словарей могут иметь каждый собственное мнение относительно того, является ли данный термин узкоспециальным. Кроме этого, то, что в один период развития языка и общества представляется сугубо специальным, в последующем может не только утратить эту сугубость, но и выйти за пределы специальной терминологии в общее употребление: ср. статус в современном русском языке таких финансовых и экономических терминов, как *бартер, дефолт, ипотека, клиринг, лизинг* и др., которые еще два-три десятилетия назад были известны лишь узкому кругу специалистов.

Текст выступления на заседании Международного круглого стола, посвященного проблемам совершенствования финансового законодательства: 7 ноября 2006 г., Комитет по кредитным организациям и финансовым рынкам Государственной думы РФ.

Впервые опубликовано в кн.: Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 285-303.

См, например, «Русско-французский словарь» Л. В. Щербы и М. И. Матусевич (14-е изд., М., 1993), «Русско-английский словарь» под общ. рук. А. И. Смирницкого (16-е изд., М., 1992), «Русско-немецкий словарь» под ред. Е. И. Лепинг, Н. П. Страховой, К. Клейна и Р. Эккерта (7-е изд., М., 1976) и нек. др.

Здесь и далее заключенное в фигурные скобки является необходимым в данной статье пояснением к словарной статье, а не частью ее реальной структуры.

Ср. следующие высказывания по этому поводу: «Вопрос о принципах отбора словосочетаний – один из сложнейших в лексикографии... именно отбор словосочетаний представляет собой наиболее спорную и уязвимую часть каждого переводного словаря» [Берков 1973: 116]; «... слабой стороной всех наиболее авторитетных словарей является синтагматика, и прежде всего потому, что трудно разграничить словосочетания, которые должны быть отнесены к словарю как лексические единицы «созданные, воспроизводимые», и словосочетания, всякий раз «создаваемые» по задачам высказывания или ситуации согласно действующим синтаксическим моделям, т. е. сочетания так называемые «свободные», законное место которых в синтаксисе» [Копецкий 1974: 16].

При описании сочетаемости некоторых из приведенных здесь слов использовались словарные статьи «Толково-комбинаторного словаря русского языка» (см. [Мельчук, Жолковский 1984]).

55

Вариант ст.: Лингвистический аспект изучения этностереотипов // Встречи этнических культур в зеркале языка / Отв. ред. Г. П. Нецименко. М., 2002. С. 171-175.

56

О гиперболе в русской разговорной речи см. [Крысин 1988], а также наст. изд., с. 251-261.

57

Это значение слова негр в русском языке сравнительно новое. Ни в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, ни в более поздних Большом и Малом академических словарях, ни в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова оно не зафиксировано. По-видимому, первая его регистрация – в [СОШ 1992], где оно приведено с пометой «перен.»; в [Крысин 1998] оно снабжено, кроме того, пометой «разг.».

58

В словаре под ред. Д. Н. Ушакова это значение указано как устаревшее, а слово *азиат* в значении 'некультурный, грубый человек' снабжено таким комментарием: «возникло на почве высокомерно-пренебрежительного отношения европейцев к колониальным народам» [СУ: 18]. Такое осмысление слов *азиат*, *азиатский* не уникально для русского языка: ср., напр., английское существительное *Asiatic* 'азиат', которое в [НБАРС, I: 148] сопровождается пометой: «часто пренебр.[ежительно]»; в американском сленге употребительно прилагательное *Asiatic* в значении 'дикий, необузданный, эксцентричный' [АРСАС: 15].

59

Впервые опубликовано в кн.: Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2006. С. 294-311.

60

Заметим, что в лингвистической литературе встречается и терминологическая синонимия иного рода: языковая система понимается как «естественная норма» [Апресян 1993: 9].

61

В западной лингвистической традиции принят термин «стандарт»; из отечественных языковедов этот термин предпочитал употреблять Е. Д. Поливанов (см., например [Поливанов 1968]). Некоторые современные исследователи считают, что термин *стандарт*, или *стандартный язык*, более точно соответствует сущности того, что принято называть литературным языком (см., например [Шайкевич 2005: 220], а также [Живов 2005], где термину *литературный язык* предпочитается термин *языковой стандарт*).

62

Одним из первых в лингвистической науке двойное понимание нормы (дескриптивное: то, как *говорят*, как *принято* говорить в данном обществе, и прескриптивное – как *надо*, как *правильно* говорить) выдвинул уругвайский лингвист Э. Косериу: в широком смысле «норма соответствует не тому, что «можно сказать», а тому, что уже «сказано» и что по традиции «говорится» в рассматриваемом обществе» (см.: [Косериу 1963: 175]), а в узком смысле норма – результат целенаправленной деятельности общества по отбору и фиксации определенных языковых средств в качестве образцовых, рекомендуемых к употреблению. Близкое к этому понимание нормы можно найти и в работах представителей Пражского лингвистического кружка (например, Б. Гавранка, А. Едлички).

63

Говоря о том, что не только литературный язык, но и местные и социальные диалекты имеют свою норму, то есть комплекс традиционно употребляемых средств («узус определяет норму народного языка»), Б. Гавранек обращал внимание на то, что «отклонения от этого комплекса воспринимаются (носителями данного диалекта. – Л. К.) как нечто ненормальное, как отступление от нормы» [Гавранек 1967: 339, 340].

64

По данным массового обследования носителей русского литературного языка в 60-х гг. XX в., приблизительно пятая часть опрошенных сочла допустимым употребление форм *волокет* и *жгёт* [РЯДМО: 215 и сл.].

65

Ср. слова *гёрлс*, *гёрлскаут*, *гёрлфренд*, заимствованные русским языком в самом конце XX в. и уже зафиксированные словарями (см., например [Захаренко, Комарова, Нечаева 2003: 152; Крысин 2005: 192; РОС 2005]).

66

Об источниках и нормативном статусе этих и других подобных конструкций см. [Ицкович 1982; Синтаксис и норма 1974; Гловинская 1996; Крысин 2000, 2004].

67

В Национальном корпусе русского языка найдено 355 контекстов для словоформы *организовывать*, 8 – для словоформы *мобилизовывать*, 4 – для *атаковывать* и ни одного – для словоформы *использовывать*.

68

Ср. известное высказывание А. М. Пешковского: «Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет» [Пешковский 1959: 55].

69

В «Орфоэпическом словаре» эти формы даны без стилистических помет.

70

В «Орфоэпическом словаре» оно дается как неправильное.

71

Вполне осознавая условность самого понятия языковой ошибки: то, что в одну эпоху кажется недопустимой неправильностью, в другую может получить статус нормативного факта (ср., например, негативную оценку А. Н. Гречем – в первой трети XIX в. – формы *колени* вместо единственно правильной, по его мнению, формы *колена*, неприятие представителями культурных слоев России в начале XX в. глагола

вылядеть как «незаконной» кальки с немецкого глагола *aussehen* или употребления наречия *обязательно* вместо *непрерменно* и т. п.; многочисленные явления такого рода описаны в работе [Горбачевич 1971]), – всё же некоторые факты речи можно квалифицировать как несомненные и «вневременные» неправильности – например, в том случае, когда их форма искажает иноязычный прототип (как это происходит при произношении слов *инцидент* и *беспрецедентный* с вставкой в них лишнего звука [н]).

72

См. [ОС 1997], где зафиксированы подобные акцентные и фонетические варианты.

73

В словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова, изданном в 1960 году, рядом с рекомендуемой акцентной формой *раку'рс* стоит запретительная помета: «не: *ра'курс*». Ср. с современным «Орфоэпическим словарем русского языка» [ОС 1997], где значится: «*ра'курс* и доп[устимо] устар[евающее] *раку'рс*».

74

В ряде случаев рекомендации кодификаторов анахроничны: например, современный «Орфоэпический словарь» дает в качестве основных акцентных форм варианты *ке'та* и *ло'сось*, тогда как в речевой практике явно преобладают формы с ударением на втором слоге: *кета'* и *лосось'*.

75

На множественность и разнородность факторов, обуславливающих укрепление в литературном языке одного из вариантов и вытеснение другого (других), обращают внимание многие исследователи (см. об этом, в частности [Горбачевич 1971, 1978; Семенюк 1990], статьи в сборниках [Социальная и функциональная дифференциация 1977; Литературный язык 1994; Языковая норма 1996] и др.). Ср. также: «Выбор того или иного варианта в качестве стандартного (т. е. принадлежащего литературному языку. – Л.К.) может быть обусловлен

рядом разнородных факторов (принадлежностью этого варианта к диалекту определенной престижной территории, предпочтением этого варианта в речи элитных социальных групп, предполагаемой древностью этого варианта ит.д.) (...) Стоит, однако же, заметить, что стандартизация обычно не уничтожает вариативность в пределах самого стандартного (литературного) языка: одни варианты подвергаются нормализации, тогда как другие оставляются без внимания и продолжают существовать в языковом стандарте. Решение вопроса о том, что требует нормализации (точнее: кодификации. – Л. К.), а что нет, также зависит от разнородных факторов и нередко основывается на предубеждениях и лингвистическом кругозоре нормализаторов (=кодификаторов. – Л. К.)» [Живов 2005: 178].

76

В работе [Янко-Тринецкая 1982: 207-208] эти глагольные формы (с сохранением корневого [о]) даются как единственно возможные в литературном языке.

77

О разнообразных приемах языковой игры, в которой сознательное нарушение норм играет важнейшую роль, см. [Земская, Китайгородская, Розанова 1983; Норман 1987; Гридина 1996; Санников 2002, 2003]. Многочисленные случаи трансформации стереотипных, нормативных значений слов при их ироническом употреблении рассматриваются в книге [Ермакова 2005].

78

Помимо литературного языка к кодифицированным подсистемам могут быть отнесены, например, специальные подъязыки науки.

79

Сокращенный вариант статьи, опубликованной в книге: Язык и мы. Мы и язык: Сб. ст. памяти Б. С. Шварцкопфа / Отв. ред. Р. И. Розина. М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 175-183.

80

Следует обратить внимание на такое свойство литературной нормы, как ее избирательность, особенно в сфере произношения: казалось бы,

в одинаковых или в очень сходных фонетических позициях одни слова допускают одно произношение, а другие – иное. Например, сейчас уже почти никто не придерживается старомосковской нормы при произношении слова *шаги* ([шы]гм), но в словоформе *лошадей* звукосочетание [шы] статистически преобладает над звукосочетанием [ша]; слова *темп*, *тент* надо произносить с твердым [т], а при слове *тенор* «Орфоэпический словарь», напротив, дает запретительную помету: «не *тэнор*», и большинство говорящих по-русски с этим запретом, несомненно, согласится (так же, как и с запретом произносить твердый согласный перед [э] в словах *музей*, *шинель*, *пионер*, *фанера* и нек. др.).

81

Правда, в этом примере один из вариантов пока находится за пределами литературной нормы, но нельзя не отметить широкую распространенность произношения *километр* наряду с нормативным *киломе'тр*.

82

Ср. противоположное мнение, высказанное одним из рецензентов «Толкового словаря иноязычных слов»: упрекая составителя словаря в том, что он не включил в словник «такие частотные в современном русском речевом обиходе междометия, которые явно пришлись по вкусу, – *вау* (англ. *wow* – первоначально: возглас восхищения в театре), *опс* = *упс* (англ. *oops* = *hoor* = *whoop*), *бла-бла-бла* (англ. *bla-bla-bla*), *шит* (англ. *shit* «дерьмо»)» – рецензент полагает, что «данные междометия прочно и надолго «обосновались» в русском языке» (Зеленин А. В. Рец. на: Л. П. Крысин. Толковый словарь иноязычных слов // Вопр. языкознания. 2002. №1. С. 139).

83

Впервые опубликовано в сб.: Культурно-речевая ситуация в современной России / Отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург, 2000. С. 105-107.

84

Впервые опубликовано в журн.: Русский язык в школе. 2007. №1. С. 88-89.

85

Случаи типа: Нападение и похищение на российских дипломатов не отразится на отношениях России и Ирана («Эхо Москвы», 04.06.06, в спонтанной речи), по всей видимости, надо расценивать как оговорки.

86

Первоначальный вариант статьи (при соавторстве Ли Ын Ян) опубликован в журн.: Russistik (Берлин). 2000. № 1-2. С. 5-21.

87

В отличие от этого, например, английское соответствие этого слова – *whole* имеет форму множ. числа. Опубликованный в 60-х гг. XX в. сборник работ, в котором проблема части и целого рассматривается в применении к разным областям человеческой деятельности, называется «Parts and Whole s» (см. [Lerner 1963]), что на русский язык переводится как «Части и целое».

88

Прилагательное *целый*, производным которого является рассматриваемое нами субстантивированное существительное, имеет несколько значений и в одном из них может употребляться также как субстантив – в результате стяжения словосочетания *целое число: пять целых, семь десятых; ноль целых и две сотых* и т. п.

89

Термины «базовый» и «элементарный» соответствуют тому, что А. Вежбицкая называет семантическими примитивами [Wierzbicka 1972] и понятийными примитивами: «Если имеется некоторое число понятийных примитивов, понимаемых непосредственно (не через другие понятия), то эти примитивы могут служить твердым основанием для всех других понятий: бесконечное число новых понятий может быть получено из небольшого числа семантических примитивов» [Вежбицкая 1996: 296].

90

В связи со словом *половина* следовало бы рассмотреть морфемы *пол-* (*пол-яблока, полкотлеты, полчаса, полведра* и т. п.) и *полу-*

(*полуокружность, полуправда, полутьма* и т. п.), которые также могут обозначать одну из двух частей предмета. Однако, в соответствии с обозначенным в названии статьи ограничением – рассматривать только лексические способы выражения смысла 'часть целого', – мы оставляем эти морфемы за пределами нашего внимания. О морфологическом статусе морфем *поли полу-* и их семантике см. [Мельчук 1995].

91

Словарные описания приводятся лишь в тех их частях, которые актуальны для нашего рассмотрения; кроме приведенных, данные слова имеют и некоторые другие значения, толкования которых здесь не цитируются.

92

Компонент 'содержащая мозг', вероятно, не покрывает всех случаев употребления слова *голова*: так, можно говорить о *голове червя, голове моллюска*, но едва ли в этих случаях актуален признак 'наличие (в голове) мозга'.

93

Впервые опубликовано в журн.: Русский язык в школе. 2005. №3. С. 110-113, 119.

94

См., например, очерки о словах *влияние, игнорировать, мировоззрение, потусторонний, самоуправление, самочувствие, фигурировать* и нек. др. в книге «История слов».

95

Впервые опубликовано в сб.: Язык художественной литературы. Литературный язык: Сб. ст. к 80-летию М. Б. Борисовой. Саратов, 2006. С. 112-120.

96

Обзор литературы, посвященной гиперболе и смежным с нею явлениям, характерным для русской разговорной речи, см. в ст. [Крысин 1988].

97

Как известно, наряду с гиперболой в поэтике принято выделять литоту – преуменьшение. В данной статье это явление рассматривается как частный случай гиперболы, как «гипербола наоборот»: преуменьшение предмета – это не что иное, как преувеличенное представление малых размеров предмета: *мужичок с ноготок, буквы с маковое зерно; «Ваш шпиц, прелестный шпиц, не более наперстка...»* (А. Грибоедов) и под.

98

Как это вполне очевидно, слово *все* говорящий может относить к разным по объему множествам: например, вообще к человечеству (*Все хотят мира*), к взрослому населению страны (*Сегодня все идут голосовать*), к друзьям или членам семьи (*А у нас уже все встали!*) и т. д. Гиперболическим является такое употребление квантора *все*, при котором действие или свойство, характеризующее некоторые элементы данного множества, говорящий обобщает и приписывает – вопреки действительному положению вещей – всем элементам множества. Эта черта присуща и некоторым художникам слова. Например, К. Чуковский отмечал склонность писателя А. И. Куприна к использованию слов *все, всегда, никогда* именно в обобщающем смысле: в мире, который описывает Куприн, он чувствует себя настолько уверенно, что может категорически утверждать: «*все атлеты носят фуфайки*», «*все воры скупы*» и т. д. [Чуковский 2002: 77].

99

Текст доклада на конференции MegaLing'06: Горизонти прикладної лінгвістики та лінгвістичних технологій. Міжнародна наукова конференція. Україна, Крим, Партеніт. 20.09.06 – 27.09.06.

100

Гораздо более тонкое описание смысла глагола *ругать*, его семантических и сочетаемостных свойств содержится в соответствующей статье «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» ([НОСС: 345-351]; авторы словарной статьи Ю. Д. Апресян и М. Я. Гловинская). В частности, здесь имеется указание на то, что в ситуации, обозначаемой этим глаголом, социальный или возрастной статус

субъекта не ниже социального или возрастного статуса адресата, что *ругают* и *бранят* кого-либо, имея на то определенные основания и пытаясь исправить поведение или свойства ругаемого, и нек. др.

101

По-видимому, такие слова, адресованные конкретному лицу, должны квалифицироваться по статьям, предусматривающим наказание за унижение чести и достоинства человека. О других типах инвективной лексики см. [Цена слова 2001: 144-156].

102

Речь идет именно о возможности, но не об императиве: например, в разговорной речи подобные определения нередко бывают в постпозиции к определяемому имени (ср.: – *Ты с ума сошла! Зачем ты берешь эти грибы? Это ж поганки обыкновенные!*), отчего такие словосочетания не становятся терминологическими.

103

Впервые опубликовано в сб.: Семантика и прагматика языковых единиц: Сб. ст. в честь О. П. Ермаковой. Калуга, 2004. С. 31-33.

104

Ср.: «Другой вопрос – нужна ли вообще оппозиция? Думаю, да. Иначе власть станет *дряблой*»» (пример из кн. [Чудинов 2001: 191]).

105

Примеры метафорических выражений со словом *власть* и их анализ см. также в работах [Апресян 1974: 337-338; Баранов, Караулов 1991; Чудинов 2001]; лексикографическое описание лексической сочетаемости слова *власть* см. в работе [Апресян, Жолковский, Мельчук 1984: 201-205].

106

Ср. англ. *He fell from power* 'Он лишился власти', что буквально может быть переведено как 'Он упал с власти' (пример из книги [Лакофф, Джонсон 2004: 38]); авторы пишут здесь, что обладание властью или силой ассоциируется с верхом, а подчинение власти или силе – с низом, и эти ассоциации, по-видимому, достаточно

универсальны и не зависят от национальной специфики какого-либо конкретного языка).

107

Ср. похожие ассоциации, которые вызывает у носителей русского языка слово *авторитет* (см. об этом [Успенский 1997: 148]).

108

Калька с английского выражения *corridors of power*.

109

Как свидетельствует М. Фасмер, *бразды* – из первоначальной формы *брозда* 'поводок, узда, удила' [Фасмер 1964: 216].

110

Вариант статьи, опубликованной в сб.: Проблемы филологии в синхронии и диахронии: Сб. ст. к юбилею проф. Л. А. Глинкиной. Челябинск, 2005. С. 275-281.

111

Впервые опубликовано в сб.: Вопросы культуры речи. Вып. 3. М., 1961. С. 207-210.

112

Впервые опубликовано в сб.: Вопросы культуры речи. Вып. 5. М., 1964. С. 153-156.

113

Из толковых словарей одними из первых его зафиксировали, по-видимому, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (М., 1964) и «Словарь русского языка» в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой (МАС), где оно дано с пометой «прост. неодобр.». К концу XX в. слово *показуха* – обычно с пометами «прост.» или «разг.» – включают в свой состав и другие толковые словари. – *Примечание 2007 г.*

114

Не случайно суффикс *-уха* в этой функции не приводится в качестве словообразующего элемента существительных ни в академической «Грамматике русского языка» (1960 г.), ни в книге акад. В. В. Виноградова «Русский язык». В обоих исследованиях дана лишь

его непродуктивная омоформа *-уха* в значении суффикса лица (*вековуха, стряпуха, толстуха*).

115

Впервые опубликовано в сб.: Вопросы культуры речи. Вып. 6. М., 1965. С. 179-181.

116

Ср. помету *ingl.* (английское) при этом слове в «Русско-итальянском словаре» (М., 1934, с. 1117), что свидетельствует о заимствовании этого слова итальянским языком из английского.

В немецкий это слово пришло также из английского, см.: «**Detektiv**, der: Kriminal-, Geheimpolizist (lat. – engl.)»». («Fremdwörterbuch», Leipzig, 1958, S. 130). При этом любопытно, что немцы, так же как и мы, не восприняли английского ударения [di'tektiv], а сохранили французское, на конечном слоге.

117

Ср. дискуссию на страницах газеты «Комсомольская правда» о самом жанре детективной литературы (май-июнь 1964 г.), где именно так широко толковалось понятие детектива. Принявший участие в этой дискуссии писатель А. Адамов, не соглашаясь с характеристикой детектива как «одного из жанров бульварной, авантюрно-приключенческой буржуазной литературы» (см. БСЭ), дал такое определение жанра детектива: «Детектив (термин тоже в высшей степени условный) – это приключенческое произведение, где в основе лежит некая тайна и где положительный герой в трудной и опасной борьбе добивается ее раскрытия» (А. Адамов. «Тайна» детектива // «Комс. правда», 10 июня 1964 г.).

118

Термин А. В. Исаченко – см. его статью: К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // *Slavia*. 1958. XXVII, sejb. 3. С. 334-352.

119

Впервые опубликовано в журн.: Русская речь. 1998. № 1. С. 61-63.

120

Впервые опубликовано в составе ст.: Заметки об иноязычных словах // Русская речь. 2000. № 6. С. 38-40.

121

Впервые опубликовано в составе ст.: Заметки об иноязычных словах // Русская речь. 2000. № 3.

122

Впервые опубликовано в составе ст.: Заметки об иноязычных словах // Русская речь. 2000. № 3.

123

Впервые опубликовано в составе ст.: Заметки об иноязычных словах // Русская речь. 2000. № 6. С.38-40.